

Д Ъ Т С К О Е

Ч Т Е Н І Е

Д Л Я

С Е Р Д Ц А и Р А З У М А.

Ч А С Т Ь XIV.

М О С К В А,
Въ Университетской Типографіи,
у Н. Новикова,
1788.

ДЕРЕВЕНСКІЕ ВЕЧЕРА.

Продолженіе.

Барону все сіе приходило вѣ голову. Онѣ никогда не имѣлъ варварскаго намѣренія навсегда заключить Теофиля; сею угрозою хотѣлъ онѣ только заставить его повиноваться, и поздно уже узналъ, что страхъ заставляешъ человѣка только прищворяться, а не вселяешъ вѣ него послушанія.

Нещасной Баронѣ прожилѣ четыре мѣсяца вѣ Баррежѣ, и по помѣ возвратился вѣ Парижѣ, все еще надѣясь найши сына своего. Хотя прошло уже около года послѣ его побѣга, однакожь Баронѣ не переставалѣ развѣдывать о мѣстѣ его пребыванія. Вѣ Англию, Швейцарію и Голландію посылалѣ онѣ шакого человѣка, къ кошорому имѣлъ полную довѣ-

Часть. XIV. No. 14. А 2 рен-

ренность; но сей человекъ не могъ ничего узнать о Теофилѣ. Тогда Баронъ потерялъ всю надежду, и впалъ въ глубокую меланхолію. Многіе его пріятели совѣщивали ему жениться. Госпожа Лизбе, первой его другъ, безпрестанно ему твердила, что одна любезная супруга заставила бы его забыть неблагодарнаго сына. Сперва Баронъ не хотѣлъ было и слушать такого совѣща; но будучи всегда помимъ скукою, и щещно употребляя всѣ средства развеселить себя, мало помалу начиналъ онъ слушать сей совѣщъ съ удовольствіемъ. Всячески старались ласкать его самолюбію. Ты еще не старъ, говорили ему: ты любезенъ, и по опытному благоразумію своему сдѣлаешь супругу свою щасливѣйшею женщиною. И такъ все сіе, и желаніе въ другихъ дѣтяхъ найти лучшее утѣшеніе своей жизни, рѣшило его наконецъ жениться на дѣвицѣ Лизбѣ, той самой знашной дѣвицѣ, на которой принуждалъ онъ жениться Теофиля. Баронъ надѣялся, что она своею къ нему любовію усладитъ его горестъ, копорой была она невинною причиною. Но не долго продолжалась сія мечта.

Скоро

Скоро узналъ Баронъ характеръ своей супруги. Она была столь безразсудна, что не только не стыдилась своихъ пороковъ, но еще хвалилась ими, на прим. своимъ кокетствомъ; и показывала, что всякое принужденіе для нее несносно. Не имѣя никакихъ знаній и любя праздность, пустыми разговорами своими могла она скорѣе наскучить, нежели сдѣлать удовольствіе. Она имѣла всѣ пороки безразсудной кокетки, копорая къ великой своей горести должна быть увѣрена, что она не красавица. Она была завистлива, злоязычна и упряма; имѣла безпорядочное воображеніе и холодное сердце. Коротко сказать: не имѣя ни разума, ни хорошаго сердца, не могла она сдѣлать щасливымъ супруга своего; она не умѣла пользоваться ни наставленіями своей матери, ни своими собственными опытами.

Имѣя свободу ѣздитъ всюда по своей волѣ, почти никогда не бывала дома. Она ѣздила вгости не по должности общежитія, но единственно для того, чтобы нечувствителью проводить время. Въ спектакль ѣздила по той же причинѣ. Она не любила ни Комедіи, ни музыки; но Комедія продолжается при часа, и сіи

при часа проходятъ *нечувствительно*: и такъ любила она посѣщать Театръ, и, входя въ ложу, радовалась, что избавится отъ нѣсколькихъ часовъ. Она весьма любила игру; но и въ ней не находила бы она такого великаго удовольствія, естли бы не веселила ее мысль, что проиграв до трехъ часовъ утра, встанетъ она съ постели въ часъ по полудни, и по тому *избавится отъ скучнаго утра*. Такъ она всегда разчисляла: и такимъ образомъ обыкновенно многія люди сокращаютъ жизнь свою, не умѣя пользоваться временемъ.

Печальной Баронъ въздыхалъ, видя безпушство своей жены, и противъ воли своей воспоминалъ, что Теофиль скрылся единственно для того, чтобы не жениться на сей несносной женщинѣ. О Теофиль! думалъ Баронъ: я былъ твоимъ пиромъ, я пожертвовалъ побою моему щеславію! Небо наказало меня за то весьма чувствительно и весьма справедливо. Ахъ! теперь я весьма живо чувствую, сколь неблагоразумно избиралъ я тебѣ въ супруги такую женщину, и сколь основательно было твое сопротивленіе! Честолюбіе меня ослѣпило; и какъ же дорого заплашилъ я за мое ослѣпленіе! Я поше-
рялъ

рять сына и чувствую всё шѣ мученія, которыя бы онѣ чувствовалъ, есѣли бы мнѣ повиновался.

Время умножало Баронову горестѣ; и наконецѣ жена его обезчестила себя такѣ явно, что Баронѣ, согласясь сѣ ея фамилією, заперѣ ее вѣ монастырѣ, гдѣ сія несчастная черезѣ нѣсколько мѣсяцовѣ лишилась жизни. Такимѣ образомѣ черезѣ пять лѣтъ разрушился сей злополучной союзѣ. У Барона не было дѣшей опѣ сего втораго брака. Среди многолюднаго города жилѣ онѣ вѣ печальномѣ уединеніи. Помышляя всегда сѣ горестію о любезномѣ своемѣ сынѣ, котораго потерялѣ опѣ себя; будучи терзаемѣ тоскою и скучая жизньію, рѣшился онѣ путешествовать и вѣ чужихѣ земляхѣ искать для себя облегченія, надѣясь, что новыя предметы, привлекая кѣ себѣ его вниманіе, заставятѣ его хотя на нѣкоторое время забыть горестѣ сердца его. Онѣ поѣхалѣ вѣ Данію; былѣ вѣ Копенгагенѣ, Готшильдѣ, Фридригсбургѣ, на островѣ Фименѣ и во многихѣ другихѣ мѣстахѣ. По томѣ поплылѣ онѣ изѣ Даніи на небольшомѣ купеческомѣ кораблѣ. Вѣпромѣ занесло его кѣ берегамѣ Норвегіи. Корабль остановился между множествомѣ малыхѣ осп-

рововъ. Съ берега приплыли къ нему на помощь. Корабль ввели въ небольшой заливъ, окруженной ужасными горами, копорыя закрывали его отъ вѣтровъ. Баронъ вышелъ на берегъ, вошелъ въ маленькой домикъ, составлявшій часть деревни, которая удивительнымъ положеніемъ и строеніемъ своимъ привлекла къ себѣ все его вниманіе.

Сія деревня состоитъ изъ припцати домиковъ, построенныхъ на вершинѣ каменныхъ утесовъ, копорыя вдались въ море, и позади коихъ возвышающся до облаковъ горы, покрытыя соснами и можжевельникомъ. Каждое жилище отдѣлено отъ близъ лежащаго или спремниною или моремъ. Домики не далеко одинъ отъ другаго, однакожь между ими нѣтъ сообщенія сухимъ путемъ; или надобно итти весьма далеко кругомъ и перелазить черезъ камни и горы, почти непроходимыя. Лѣтомъ жители ѣздятъ на рыбачьихъ лодкахъ, копорыя служатъ вмѣсто колясокъ, естли кто захочетъ посѣпить сосѣда, съ копорымъ можетъ онъ говорить изъ дому, но вгости къ копорому надлежитъ необходимо плыть водою. Въ сей маленькой республикѣ самыя дѣши умѣютъ уже править лодкою.

Маль-

Мальчики и дѣвушки смѣло опчаливаютъ лодку, привязанную къ ихъ дому, берутъ весло и такимъ образомъ ѣдутъ вгости къ сосѣду. Зимой, когда вода замерзнетъ, переходятъ они другъ къ другу по льду. Сии люди питаются одною рыбою, ржанымъ хлѣбомъ и пирогами, которые дѣлаются изъ муки, меда и изюма. Всѣ они живутъ въ изобиліи. Мущины, искусные мореходцы, прежде женидбы своей всегда путешествуютъ. Деньги, которыя достаютъ они во время своего странствованія, употребляютъ ими на украшеніе ихъ домовъ, которые совнѣ всѣ разписаны и покрыты лакомъ, а внутри убраны такъ, какъ убираются въ Голландіи самые лучшіе деревенскіе дома. Какъ скоро молодой человекъ окончатъ свое странствованіе, возвратится домой и выберетъ для себя по-другу, то навсегда поселяется на томъ утесѣ, на которомъ родился. Тутъ ведетъ онъ щастливую жизнь, и не понимаетъ, какъ можно искать благополучія своего въ удаленіи отъ своихъ родителей, жены и дѣтей. Всѣ жилиши сей деревни одѣты одинакимъ образомъ. На мущинахъ платье голубое; а женщины носятъ верхнее платье и юпки изъ бѣлаго

хорошаго пологна, вышитыя по краямъ шелкомъ или гарусомъ голубаго цвѣща. Молодыя дѣвушки не носятъ ничего на головахъ, а яюлько заплешаютъ волосы и прикалываютъ ихъ на верьху головы большою золошою булавкою. Коротко сказаць, добродѣтели и чистота нравовъ сего малочисленнаго народа удивительны не менѣе положенія ихъ жилищъ (*). Хозяинъ шого дома, въ которомъ Баронъ оспановился, хорошо говорилъ по Нѣмецки. Баронъ столько зналъ сей языкъ, что ему не было нужды въ переводчикъ. Сей хозяинъ былъ почтенной старикъ семидесяти двухъ лѣтъ. Онъ привелъ Барона въ маленькую комнашу, чисто прибранную, которая окнами была на море. Баронъ о многомъ его спрашивалъ. Онъ спросилъ у него, какъ велико его семейство. Слава Богу! отвѣчалъ старикъ: у меня шесть дочерей, и всѣ онѣ за мужемъ въ здѣшной деревнѣ. Женашой сынъ, у котораго семеро сыновей, живешъ со мною. — „Внуки швои еще не женапы?“,

(*) Все сіе рассказывалъ Автору его пріятель, который пять дней прожилъ въ сей деревнѣ, называемой Анж-Зундъ.

ты? „ — Нѣтъ, у старшаго есть дочь прехъ лѣтъ. — „И такъ у тебя есть правнука? „ — Да и мать моя, благодаря Богу! еще жива. — „Мать швоя! а сколько ей лѣтъ? „ — Девяносто пять; однакожь она въ добромъ здоровѣ. — „Она съ побою живешъ? „ — Со мною. — „Я не сомнѣваюсь, чтобы ты не ушѣшалъ ея староспи; но скажи, почтенной старикъ, щаспливъ ли ты въ дѣтяхъ своихъ? „ — Можешъ ли быть нещаспливъ въ дѣтяхъ своихъ хорошей отецъ? Дѣти мои всегда меня ушѣшаютъ. Я воспипалъ ихъ наилучшимъ образомъ; сыновей женилъ, а дочерей выдалъ за мужъ по ихъ склонностямъ: какъ же имъ меня не любишь? — „И никто изъ нихъ не былъ тебѣ непокоренъ? „ — Я не требовалъ отъ нихъ ничего такого, чтобъ не было согласно съ разумомъ, или чего бы законъ не требовалъ. Онѣ всегда были послушны. Еспь-ли бы я былъ прошивъ ихъ пираномъ, то конечно бы онѣ менѣе меня уважали. На примѣръ, старшій сынъ мой, Имаркинъ, много бы горя надѣлалъ жестокосердому отцу. Когда онѣ, окончавъ свое спранствованіе, возвратился домой, хотѣлъ я женишь его на дочери самаго богатаго жи-

жителя нашей деревни, и сказалъ ему о томъ. Хорошо, батюшка, отвѣчалъ онъ: я подумаю. Черезъ нѣсколько времени послѣ того пришелъ онъ ко мнѣ и признался, что влюбленъ въ Кенилію, племянницу нашего сосѣда. Она очень бѣдна, сказалъ я ему. Однакожь я люблю ее, отвѣчалъ онъ: всякой день смотрю на нее изъ моего окна и вижу, что она сидитъ безпрестанно за работою, все въ домѣ дѣлаетъ и поконитъ свою пещку. Когда встрѣчаюсь съ нею на рыбной ловлѣ, и хочу подѣлаться къ ней поближе, она тотчасъ опворачиваетъ свою лодку. Она убѣгаетъ всѣхъ нашихъ молодыхъ людей. Она хороша, скромна, трудолюбива. Батюшка! я люблю Кенилію. — Что было мнѣ на это отвѣчать? Посоветуйте себя на мое мѣсто: не уже ли бы вы пожертвовали благополучіемъ вашего сына гнусному корыстолюбію? Конечно нѣтъ. Какое каменное сердце не исполнило бы сыновней прозбы въ такомъ дѣлѣ, отъ котораго зависитъ счастье его жизни? Я согласился, и сынъ мой женился на Кениліи. Уже припцать лѣтъ благословляютъ они меня, и благодарятъ меня всегда съ равнымъ жаромъ. Любезной Имаркинѣ не уступаетъ никому

изъ

изъ дѣшей моихъ въ нѣжности и благо-
 нравіи. А послѣ свадьбы своей эшошъ лю-
 безной сынъ признался мнѣ, что онъ
 могъ бы надѣлать какихъ нибудь дура-
 чествъ, есшли бы я захошѣлъ женишь
 его по неволѣ; я могъ бы, говорилъ онъ,
 сѣсть въ лодку и поплыть въ чужія зе-
 мли. Вотъ что бы вышло, есшли бы я
 захошѣлъ, съ нимъ поступить тирански.

Баронъ не могъ спокойно слушать
 сей рѣчи, которая все его несчастіе при-
 вела ему на память. По шомъ спарикъ
 отвелъ Барона въ залу, гдѣ собралось
 все семейство его. Баронъ былъ пред-
 ставленъ матери хозяина, которой ми-
 нуло девяносто пять лѣтъ, и которая
 была предметомъ любви и почтенія цѣ-
 лаго семейства. Она сидѣла на креслахъ
 среди своей многочисленной семьи. Тогда
 былъ вечеръ. Имаркинъ, старшій спари-
 ковъ сынъ, сидя подлѣ своей любезной
 Кениліи, разсказывалъ, что случилось
 съ нимъ во время его путешествія. Жен-
 щины и дѣвушки пряли и со вниманіемъ
 слушали повѣсть; но съ большимъ еще
 вниманіемъ слушали ее тѣ молодья люди,
 которымъ надлежало путешествовать.

Баронъ нѣсколько минутъ разсма-
 тривалъ сію пріятную картину; по шомъ
 пошелъ

пошелъ въ свою комнашу. Одиѣ печальныя мысли приходили ему въ голову. И шакъ, сказалъ онъ, я завидую судьбѣ эпова добродушнаго спарика! Я не захошѣлъ наслаждаться шѣмъ щаспѣемъ, копорымъ наслаждается онъ посреди семейства своего; я опвергнулъ его, лишился его навѣки! . . . Я былъ опцемъ, но у меня уже нѣшъ сына! . . . Подобно эпому спарику, могъ бы я сдѣлать щаспавымъ сына моего, ушѣшашься его благодарноспію, обнимаешь дѣшей его и видѣшь ихъ передъ моими глазами возраспающихъ! . . . Но я захошѣлъ лишиться любезнаго моего сына, и оспался одинъ въ мірѣ!

Говоря сіе, Баронъ большими шагами ходилъ по комнашѣ и проливалъ слезы. Въ семъ ужасномъ волненіи провелъ онъ часть ночи. То воображалъ Теофиля умершаго, оплакивалъ смерть его и видѣлъ его гробъ; то предспавлялъ его себѣ угнѣпеннаго нещаспѣемъ и молящагося за жену и дѣшей своихъ. Ему мечпалось, что онъ слышитъ его спенаніе и вопль: погда шрепеталъ онъ опъ ужаса и рыдалъ опъ соболѣзнованія. Онъ проклиналъ безразсудное свое честполюбіе, копорое заглушило въ сердцѣ его гласъ родительской

ской любви и предало его по помѣ въ жертву разкаянію и мучительному угрызенію совѣсти. Тѣлесное и душевное ослабленіе принудило его передѣ разсвѣтомѣ лечь на постелю, и черезъ нѣскольکو часовѣ глаза его начинали уже закрываться, какѣ вдругѣ разбудили его громкія пѣсни и радостной крикѣ. Шумѣ былѣ внѣ дома; и такѣ онѣ отворилѣ окно, чшобы узнать причину его. Онѣ увидѣлѣ двѣнапцать прекрасныхѣ лодокѣ, украшенныхѣ зеленію и наполненныхѣ мужчинами, женщинами и ребятами, кошорые пѣли хоромѣ и были въ великой радости. Сей небольшой флотѣ плылѣ къ тому дому, въ копоромѣ онѣ жилѣ. Въ сію минуту старикѣ вошелѣ въ его комнату и сказалѣ ему, что всѣ сіи лодки наполнены его дѣтьми и внуками. У меня шесть дочерей, продолжалѣ старикѣ: всѣ онѣ замѣ и съ мужьями и съ дѣтьми своими. Нынѣ празднуется день рожденія моей матери. Всякой годѣ бываетѣ у насѣ такой праздникѣ. Дай Боже, чшобы до конца моей жизни былѣ празднованѣ эпошѣ день!

„Но такое множество людей не помѣстится въ швоемѣ домѣ?“, — Конечно нѣтъ; для шого-шо мы и не вмѣстѣ жи-

живемъ. Но съ помощію моихъ сыновей понесу я нашу спарушку и посажу ее на шу барку, копорая украшена цвѣтами и на копорой вы видите балдахинъ. По томъ поплывемъ къ одному лугу, до копораго опсюда будетъ около мили, и на копоромъ мы найдемъ разбиной шаперъ. Тамъ будемъ обѣдать вмѣстѣ за однимъ споломъ. Нынѣ мы до свѣта вспали, чшобы наловить на обѣдъ рыбы, и поимали ее множеспво; Богъ всегда благословляетъ ловлю нынѣшняю дня. Служанки наши и нѣкопорыя изъ моихъ внуковъ готовятъ теперь намъ вѣ шапрѣ обѣдъ. Еспьли вы хошите видѣть веселіе щаспливыхъ людей, шо будьте нашимъ гостемъ; поѣзжайте съ нами.

Сказавъ сіе, спарикъ схватилъ Барона за руку и повелъ его вѣ комнапу своей машери. Она была окружена своими родспвенниками, сколько ихъ могло помѣспиться вѣ горницѣ, и держала на колѣняхъ маленькаго ребенка, полько чшо родившагося. Увидя сына своего, сказала ему: поди, любезный сынъ, благословить младенца, копораго далъ намъ Богъ нынѣ поушру. Любезная Веллія не можешъ вѣ нынѣшній годъ съ нами обѣдать. Она родила вѣ самой шощѣ часѣ, какъ

какъ вы были на ловлѣ. Однакожь по-смотри, какой прекрасной подарокъ она прислала намъ! — Старикъ взялъ младенца на руки, съ нѣжностію поцаловалъ его и отдалъ опять своей матери, которая не могла съ нимъ разстаться. Она разсмапривала его еще нѣсколько минути съ восхищеніемъ, и по томъ согласилась уже ѣхать. Старикъ и сыновья его взяли ее съ креслами и снесли на лодку, которая одна была съ балдахиномъ и украшена цвѣтами.

Когда почтенную старушку посадили въ лодку, начались пѣсни, крикъ и радостныя восклицанія. Сіе было знакомъ къ отпѣзду. Барона, изъ уваженія къ нему, посадили на лодку къ матери [ибо вся семья называла ее симъ именемъ] и черезъ три четверти часа сей маленькой флотъ присталъ къ берегу. Замужнія женщины и молодыя дѣвушки, которыя въ шатрѣ приготавливали обѣдъ, бѣжали на берегъ встрѣпить свою *матушку*. Все семейство собралось вмѣстѣ. Какъ скоро старуха вышла изъ лодки, сынъ ея спалъ передъ нею на колѣни и просилъ ее благословить его и всю семью. По томъ старуха, поднявъ къ небу препещущія свои руки, сказала: Боже мой!

благоволи, чшобы сынъ мой до послѣдней минуты жизни своей наслаждался шѣмъ благополучіемъ, копорымъ я по милости Твоей наслаждалась; чшобы дѣти его были прошивъ него шаковы, каковъ онъ всегда прошивъ меня былъ. Боже мой! благослови все наше семейство, которое ушѣшаетъ меня въ спароспи, и награди сына моего за шо щаспіе, копорымъ я пользовалась семдесятъ два года, и копорое основано было на его ко мнѣ любви и добродѣтеляхъ его! — Произнеся сіи слова, съ нѣжноспію обняла она сына своего. Радостныя слезы полились изъ глазъ ея и смѣшались съ слезами щаспливаго спарика. Всѣ дѣти, заливаясь слезами, подходили къ матери и сыну, копорые обнимали ихъ съ равною нѣжноспію. Послѣ сего трогательнаго обряда пошли всѣ въ шаперъ и сѣли за столъ. Невинная и чистая радость изображалась на лицахъ ихъ, и видна была во всѣхъ ихъ поступкахъ. Послѣ обѣда вынесли щаспливую спаруху на прекрасной лугъ, гдѣ начались разныя игры, копорыя окончились бѣганіемъ и плясками. По шомъ, по наступленіи вечера, сѣли на лодки и поплыли домой.

Не возможно изобразить того, чшо Баронъ чувствовалъ во весь тотъ день. Сердце его раздиралось, когда онъ смотрѣлъ на сіи воскипительныя каршины; и видя, какимъ щастіемъ наслаждалось сіе семейство, чувствовалъ онъ въ сердцѣ своемъ раскаяніе и угрызеніе совѣсти. Однакожь, не смотря на сіе, съ нѣжною горестію разставался онъ съ своимъ почтеннымъ хозяиномъ. Онъ сѣлъ на корабль и опплылъ изъ Анж Зунда въ великой печали. Корабль поплылъ въ Голландію, и въ концѣ Августа мѣсяца прибылъ Баронъ въ Амстердамъ. Тамъ пробылъ онъ нѣсколько дней и поѣхалъ въ Упрехтъ. Въ двухъ миляхъ отъ сего города находится жилище *Моравскихъ братьевъ*. Такъ называется многочисленное общество мушкетеровъ и женщинъ, живущихъ вмѣстѣ въ просторномъ и великолѣпномъ домѣ, которой построены при въѣздѣ въ деревню Застъ. Баронъ хотѣлъ видѣть сіе заведеніе, заслуживающее вниманіе всякаго путешественника. Онъ пріѣхалъ въ Застъ въ три часа по полудни. Одинъ изъ начальниковъ сего общества взялся водить его и показывать ему все примѣчанія достойное. Онъ былъ старой *Моравской братъ*, которой хорошо говорилъ по

Французски и на вопросы Баронови опшвчалъ весьма разумно и учливо. Осмотрѣвъ залы, въ которыхъ собираются женщины и мужчины, Баронъ спросилъ у своего провожатаго, всѣхъ ли иностранцевъ безъ разбора они къ себѣ принимаютъ. Мы принимаемъ всѣхъ Христіянъ, опшвчалъ онъ, не смотри на то, какого они исповѣданія. — „Чего вы пребуеште опъ шѣхъ, которыхъ принимаете въ свой домъ?“, — Чистыхъ нравовъ, прудолюбія и миролюбія. — „Вы и женатыхъ людей принимаете? — Принимаемъ. Женатые живутъ у насъ въ другомъ домъ; каждая семья живетъ въ отдѣленныхъ и покойныхъ комнахахъ. — „Не надобно ли знашь какого нибудь ремесла шому, кого вы принимаете?“, — Надобно; по крайней мѣрѣ надлежитъ ему умѣшь рисовать, рѣзать на мѣди, или бышь живописцемъ. Но опъ шѣхъ людей, которыя собственными своими доходами могутъ жить, не имѣя нужды въ работѣ, не пребуешся никакого ремесла. — „Вы вѣрно навѣдываетесь прежде о поведеніи шѣхъ, которыхъ принимаете?“, — Конечно, ештли кто нибудь изъ начальниковъ не поручится за шого, которой хочеть войти въ наше общество. Всякой, будучи

будучи принятъ къ намъ, можетъ жить въ тишинѣ и покоѣ. Здѣсь живемъ мы по своей волѣ. Не давали мы никакихъ обѣщаній; ничто насъ не связываетъ. Мы можемъ по своей волѣ путешествовать, возвратиться въ этотъ домъ, или навсегда оставить его. Теперь покажу я вамъ примѣчанія достойнѣйшее мѣсто нашего жилища.

Сии послѣднія слова извлекли Барона изъ глубокой задумчивости. Онъ пошелъ за своимъ провожатымъ, который привелъ его къ лавкамъ. Внизу всѣхъ домовъ сего пространнаго зданія сдѣланы лавки, въ которыхъ продаются разныя вещи, сработанныя братьями и сестрами. Сии лавки видомъ весьма хороши. Тамъ найдешь всякія золотыя и серебряныя вещи, парчи, домовые приборы, фарфоръ, картины, башмаки и пр. (*). Братья и сестры живутъ надъ лавками.

Баронъ удивился великолѣпному виду, который составляло множество ла-

Б 3

вокъ,

(*) Почти всѣ женщины дѣлаютъ тамъ хорошія кружева. Въ цѣнѣ товаровъ никогда не торгуются; она бываетъ всегда одинакая и самая умѣренная.

вокъ, вмѣстѣ соединенныхъ. Вышедъ изъ
 столоярной лавки, шелъ онъ мимо картин-
 ной, и вздумалъ зайти въ нее. Осьми-
 лѣтний мальчикъ, сидѣвшій за письмен-
 нымъ столомъ, былъ одинъ въ сей лавкѣ.
 Онъ сидѣлъ наклонясь и читалъ. Въ семъ
 положеніи волосы висѣли у него по лицу
 и закрывали его почти до половины.
 Увидя Барона и его провожатаго, онъ
 вспалъ, и оправя волосы, открылъ все
 свое лицо, которое было такъ прекрасно,
 что Баронъ отъ удивленія былъ нѣсколь-
 ко времени неподвиженъ. Мальчикъ съ не-
 винною улыбкою бросился обнимать Ба-
 ронова провожатаго, называя его на Фран-
 цузскомъ языкѣ *другомъ своимъ*. Конечно
 онъ Французъ? спросилъ Баронъ. Нѣтъ,
 отвѣчалъ провожатой: онъ Англичанинъ;
 однакожь говоритъ уже шремя язы-
 ками. Онъ такъ тихъ, такъ любезенъ
 и ласковъ; споль прилѣженъ, поняшенъ и
 уменъ, что всѣ въ домъ любятъ его какъ
 своего сына. Прости, любезной Полидоръ,
 что я тебя вглаза хвалю. — „Какъ!
 его зовушъ Полидоромъ?„ — Эпо имя
 дано ему при крещеніи. — Эпо мое имя,
 сказалъ Баронъ: любезной младенецъ! дай
 Богъ, чтобы ты, будучи со мною одно-
 го имени, никогда въ жизни своей не былъ

под-

подверженъ одинакой со мною участи! — Голосъ и видъ Бароновъ пронули молодого Полидора. Онъ посмотрѣлъ на него пристально, подошелъ къ нему, обнялъ его и поднялъ голову, чтобы его поцеловать. Баронъ, до слезъ пронушой такою нѣжностію, взялъ его на руки, и, прижимая его къ своему сердцу, воскликнулъ: какъ щасливъ родишель твой, дражайшій Полидоръ! О! нѣтъ, сказалъ Полидоръ, вздохнувши: онъ нещасливъ. Лишась любезной своей супруги, примолвилъ Бароновъ провожашой, бываешъ онъ всегда унылъ; однакожъ въ любезномъ сынѣ своемъ, въ добродѣтели и чпеніи находилъ онъ нѣкоторое утѣщеніе.

Между тѣмъ Полидоръ проливалъ слезы, вспомя покойную свою мать. Разпроганной Баронъ нѣсколько разъ обнималъ его, по помѣ сѣлъ и посадилъ его къ себѣ на колѣни. Провожашой, видя, что Баронъ намѣренъ нѣсколько времени пребыть въ лавкѣ, попросилъ у него позволенія оставить его на полчаса, и вышелъ вонъ. Баронъ, оставшись одинъ съ Полидоромъ, разсмашривалъ его въ молчаніи; а Полидоръ съ своей стороны смотрѣлъ на него также съ великимъ вниманіемъ. Черезъ нѣсколько минушъ

Полидоръ схватилъ Баронову руку и целовалъ ее съ великимъ жаромъ. И такъ тебѣ открыто сердце мое, любезной младенецъ! сказалъ Баронъ: и такъ ты видишь, что въ немъ происходитъ! — Я васъ люблю, отвѣчалъ Полидоръ. — „Ты меня любишь?“, — Очень люблю; и вы не угадаете, для чего?“, — „Для чего же?“, — Для того, что вы похожи на моего батюшку. — Тутъ Баронъ почувствовалъ въ сердцѣ своемъ необыкновенное бѣшеніе, такъ что нѣсколько минутъ не могъ онъ произнести ни одного слова. Наконецъ, поднявъ глаза къ небу, сказалъ: Боже мой! осмѣлюсь ли надѣяться . . . смѣю ли ласкать себя восхищательною надеждою Это чрезвычайное сходство; имя, данное младенцу; великая любовь, которую къ нему чувствую — все, кажется, увѣряетъ меня Ахъ! скажи, дражайшій Полидоръ, гдѣ твой отецъ? Проводи меня къ нему. — „Онъ пошелъ на часъ къ одному больному брату.“ — Гдѣ живетъ этотъ братъ? — „Подлѣ нашей горницы, надъ этою лавкою.“ — Пойдемъ туда. — „Извольте.“ — Баронъ вспалъ. Полидоръ, держа его за руку, вышелъ съ нимъ, заперъ лавку и про-
велъ

велъ Барона въ маленькую комнапу, гдѣ встрѣшила ихъ старая служанка, которую Полидоръ послалъ за своимъ отцемъ.

Баронъ, будучи въ великомъ движеніи, сѣлъ на стулъ, пожимая съ нѣжностію Полидорову руку. Чрезвычайное его смятеніе и безпокойство произвели въ лицѣ его такую страшную перемену, которая привела въ ужасъ Полидора. Сей ребенокъ не смѣлъ даже и смотрѣть на него. Оба они были въ глубокомъ молчаніи, и черезъ нѣсколько минутъ услышали, что кто-шо идетъ. Вотъ идетъ батюшка! сказалъ съ радостію Полидоръ. Баронъ покраснѣлъ, поблѣднѣлъ; вспалъ, сѣлъ опять на стулъ. Дверь отворилась. Вошелъ человекъ. Трепещущій Баронъ съ жадностію разсматривалъ черты лица его. Девятилѣтнее спраданіе, всѣ горести, угрызеніе совѣсти — все вдругъ забыто. Баронъ узнаетъ сына своего. Теофиль лежитъ у ногъ его.

Теофиль, будучи внѣ себя и насилу переводя духъ, съ восхищеніемъ видитъ себя въ объятіяхъ отца своего. Въ сію минупу забываетъ онъ глубокую печаль,

его угнѣтавшую. ОнѢ чувспвуетѢ слезы отца своего, пекущія по его лицу; онѢ слышитѢ рыданіе своего родителя, прежде столь немилосердаго; слышитѢ, что онѢ нѢсколько разѢ повпоряетѢ имя Теофилево и Полидорово; ему кажется, что жизнь его обновляется — но скоро гореснное воспоминаніе разрушаетѢ его радость и ввергаетѢ его вѢ печаль.

Когда БаронѢ и Теофиль пришли вѢ состояніе извѣсннхъ словами чувства свои, тогда они почти одно другѢ другу говорили. ИхѢ обоихѢ мучила совѣсть; оба они забыли тѢ неудовольствія, которыя другѢ на друга имѢли; оба они помнили только собственныя свои проступки. Теофиль, стоя на колѣняхъ, просилѢ прощенія у отца своего; а БаронѢ, проливая слезы, заклиналѢ его простишь ему варварскіе его проступки, которые были причиною всего ихѢ несчастія. По томѢ БаронѢ, разѢ сподобивѢ Теофиля, взялъ кѢ себѢ на руки Полидора, и весьма утѣшилѢ Теофиля, съ родительскою нѣжностію лаская сына его. Теофиль съ восхищеніемѢ смотрѢлъ на Полидора, бывшаго вѢ объятіяхъ своего дѣдушки; но среди сего восхищенія нѢсколько разѢ прошивѢ воли своей

про-

произносилъ онъ Олимпіино имя. Тогда вдругъ исчезало изображеніе радости на лицѣ его; вдругъ печаль на немъ являлася. Такимъ образомъ въ настоящемъ своемъ щастіи находилъ онъ новыя причины къ горести.

Когда Баронъ нѣсколько успокоился, тогда съ горестнымъ удивленіемъ примѣтилъ онъ ужасную перемѣну въ образѣ Теофилевомъ. Одно сердце его узнало его сына; а глазамъ его легко было ошибиться. Теофилю было еще не болѣе шестнадцати лѣтъ; но чрезвычайная сухощавость и страшная блѣдность лишили лице его вида молодости, которому бы надлежало еще украшать его. Время изпробляетъ одну свѣжесть и красоту; но несчастіе перемѣняетъ весь образъ лица. Глаза Теофилевы спали совсѣмъ иные. Не было уже въ нихъ сего блистательнаго огня, коимъ прежде оживлялъ ихъ. Темной видъ его изображалъ ужасное уныніе и глубокую меланхолію. — Баронъ съ такою же чувствительностію разсматривалъ и всѣ окружающіе его предметы. Комната, въ которой Теофиль прожилъ нѣсколько лѣтъ; сіи голыя стѣны; кожаные шюфяки, на копорыхъ спали Теофиль и Полидоръ — все, представлявшееся взорамъ его, воз-

обно-

обновляло въ душѣ его печальное воспоминаніе. Наконецъ Баронъ, пожавъ Теофилеву руку, сказалъ ему: поѣдемъ, любезной сынъ, поѣдемъ поскорѣе; удалимся отъ эпова печальнаго мѣста, гдѣ ты въздыхалъ долгое время; выдемъ изъ эпой комнашы, которой видъ раздираетъ сердце мое. Возвратись въ свое опечество; возвратись съ сыномъ своимъ въ домъ швого опца.

Когда вы, родитель мой, меня прощаете и признаете сына моего за своего внука, то я долженъ посвящать вамъ всю мою жизнь. Я конечно поѣду съ вами. Однакожь позвольте, чшобы я въ послѣдній разъ сводилъ Полидора на гробъ его несчастной мапери. — Теофиль зарыдалъ и не могъ говорить. Баронъ отвѣтствовалъ ему однѣми слезами. Сія чувствительность весьма пронула Теофиля. Ахъ, родитель мой! воскликнулъ онъ: уже ли вы о ней слезы проливаете? Я раздѣляю съ тобою печаль швою, опвѣчалъ Баронъ. Теофиль съ восхищеніемъ обнималъ своего опца. Теперь вы могли бы ее любить, сказалъ онъ, могли бы признать ее свою дочьрю, но — ее нѣтъ уже на свѣтѣ! — Сказавъ сіе, Теофиль вырвался изъ объятій

япій своего отца, и схвативъ Полидора за руку, поспѣшно вышелъ изъ комнаты.

Когда Теофиль въ послѣдній разъ омывалъ слезами гробъ Олимпіянъ, Баронъ приготоовлялся къ отъѣзду; и проспившись съ начальниками Моравской колоніи, Баронъ, Теофиль и Полидоръ сѣли въ коляску и поѣхали въ Упрехтъ, куда пріѣхали уже не прежде ночи. На другой день ввечеру, когда Полидоръ легъ спать, Баронъ подробно разсказалъ сыну своему все, что случилось съ нимъ во время ихъ разлуки. И когда онъ окончалъ печальную свою повѣсть, тогда Теофиль началъ разсказывать свою исторію. Описавъ упреки своей совѣсти и горесть свою, которая терзала его при отъѣздѣ изъ Парижа, подробно разсказывалъ онъ о своемъ пріѣздѣ въ Лондонъ, о женидбѣ и отъѣздѣ въ Шотландію. „Пріѣхавъ въ „Эдимбургъ, продолжалъ онъ, мы опять „перемѣнили имя свое. Черезъ нѣсколько „времени вошелъ я въ небольшой портъ; „но не зная коммерціи и людей, былъ я „обманутъ, и самъ обманулся, такъ что „черезъ восемь мѣсяцевъ издержалъ я бо- „лѣе половины той суммы, которую при- „везъ съ собою изъ Франціи. Черезъ де- „сять мѣсяцевъ послѣ моей женидбы же- „на

„на моя родила Полидора. Спавъ оп-
„цемъ, живѣ почувствовалъ я несчастное
„мое положеніе. Я обливалъ слезами лю-
„безнаго сына моего. Любовь, которую
„къ нему я чувствовалъ, раздирала сердце
„мое. Какова будетъ участь швоя въ
„жизни, несчастной младенецъ! думалъ я,
„взявъ его на руки. Цалуя его со всею
„родительскою любовію, былъ я такъ не-
„щасливъ, что не смѣлъ благодарить
„Неба, его мнѣ даровавшаго. Всю свою
„горестъ скрывалъ я у себя въ сердцѣ;
„особливо же швилъ ее опъ жены моей,
„хотѣвъ, чпобы она почитала меня до-
„вольнымъ судьбою своею. Такимъ обра-
„зомъ лишился я и послѣдняго упѣшенія
„открывать сі сердце мое. Изчезли всѣ
„мечты, меня обольщавшія. Олимпія бы-
„ла въ глазахъ моихъ однимъ драгоцен-
„нымъ другомъ. Любовь перестала ослаб-
„плять разсудокъ мой. Вѣрная и нѣжная
„дружба могла бы для насъ быть испоч-
„никомъ удовольствій и упѣшенія, еспь-
„ли бы мы открывали другъ другу каж-
„дую свою мысль, каждое сердечное дви-
„женіе. Для Олимпіаго спокойствія над-
„лежало мнѣ скрывать мои чувства и
„безпокойныя мысли; а такое мучитель-
„ное принужденіе становилось мнѣ день
„опъ

„опѣ дня несноснѣе. Часто думалъ я,
 „что и Олимпія втайнѣ чувствуетъ та-
 „кое же безпокойство, какое меня терза-
 „етъ; и сія мысль умножала мою горестъ.

„Однакожь нѣжная Олимпія казалась
 „спокойною. Съ самой шой минушы,
 „въ которую получилъ я руку ея, до
 „последнихъ минушъ ея жизни, ни од-
 „нимъ словомъ не жаловалась она на
 „судьбу свою. Никогда не оскорбляла
 „она сердца моего печальными разсуде-
 „ніями или укоризнами. Часто гово-
 „рила она мнѣ о своемъ щастіи; каза-
 „лось также, что и меня щастливымъ
 „почитала. Но припворюющемуся чело-
 „вѣку естественно предполагать при-
 „творство и въ другихъ. Къ тому же
 „нѣсколько разъ я заставалъ ее плачу-
 „щую. Тогда съ шрепетомъ спрашивалъ
 „я о причинѣ ея печали, и слушалъ ее
 „обыкновенно съ недовѣренностію. Всегда
 „приписывала она втайнѣ лившіяся
 „слезы свои чрезмѣрной своей чувстви-
 „тельностью и такимъ причинамъ, кото-
 „рыя не имѣли никакой связи съ на-
 „шимъ положеніемъ. Надобно было по-
 „казывать, что я вѣрилъ словамъ ея; но
 „такое припворство умножало мою го-
 „рестъ. Такимъ образомъ прожили мы
 „при

„при года вѣ Шопландіи. Послѣ сего
 „времени, видя, что денегъ оставалось
 „у меня весьма уже немного, рѣшился
 „я отдать пятнадцать тысячъ ливровъ,
 „которыя у меня тогда были, вѣ вѣр-
 „ныя руки, съ тѣмъ, чтобы женѣ и сыну
 „моему по смерти ихъ плащили процен-
 „ты. Олимпія желала возвратиться вѣ
 „Англію: я на то согласился, и мы не-
 „медленно поѣхали. Приѣхавъ вѣ Лон-
 „донъ, прежде всего спарался я съ выго-
 „дою отдать вѣ проценты ту неболь-
 „шую сумму, которая у меня осталась,
 „хотѣвъ по крайней мѣрѣ доставить
 „тѣмъ женѣ и сыну пропитаніе по смерти
 „ихъ. Когда сіе дѣло щасливо оконча-
 „лось, мы поѣхали жить вѣ деревню, до
 „которой было отъ Лондона нѣсколько
 „миль. Тамъ могъ бы я наслаждаться
 „щасіемъ, естли бы печальное воспо-
 „минаніе не лишало меня покоя, сего
 „великаго сокровища, которое всего легче
 „найти вѣ уединенной жизни. Я не шу-
 „жилъ ни о богатствѣ, ни о пышности;
 „однакожь воздыхалъ, воображая себя вѣ
 „двадцать два года удаленнаго отъ
 „отечества своего, и, пакъ сказать, по-
 „гребшагося вѣ маленькой деревенкѣ, съ
 „несчастною жертвою безумія моего и

„бѣднымъ младенцемъ, которому всю
„свою жизнь надлежало провести въ низ-
„комъ состояннн. Не могъ я изгнать изъ
„воображенія моего мучительной мысли о
„великомъ безпокойствѣ родителя моего,
„причиненнаго моимъ побѣгомъ. Бывъ
„отъ васъ удаленъ, не переставалъ я
„васъ нѣжно любить. Я представлялъ
„васъ, родитель мой, угнѣпеннаго горе-
„стію, наконецъ умирающаго отъ печали
„и проклинающаго виновнаго сына,
„васъ оставившаго. Сей страшннй об-
„разъ всегда мнѣ представлялся. Цѣлые
„дни занимался я печальными мыслями;
„а ночью видалъ страшные сны. Часто
„я пробуждался, будучи омоченъ холо-
„днымъ попомъ, шрепешалъ и въ ужасѣ
„восклидалъ: *о родитель мой! не кляните*
„*меня!* Сей ужасннй крикъ часто пере-
„рывалъ сонъ моего сына и опзывался
„во глубинѣ сердца чувствительной и не-
„щаспннй Олимпнн.

„Уже два года прожили мы въ Ан-
„глнн, какъ непредвнѣнное приключеніе
„вергнуло насъ въ глубочайшую бездну
„нещаспнн. Купецъ, которому опдалъ
„я мои деньги, сдѣлался банкротомъ, и
„такимъ образомъ лишился я всего мо-
„его имущества. Щадя вашу чувстви-
„*Часть XIV. Но. 16.* В „шель-

„шельность, родитель мой, не вхожу въ
 „подробное описаніе шѣхъ чувствъ, ко-
 „шорыя произвело въ сердцѣ моемъ из-
 „вѣстіе о семъ приключеніи. Но супру-
 „жеская и родительская любовь мало по-
 „малу укрѣпили меня такимъ мужествомъ,
 „что я спалъ терпѣливо сносишь судьбу
 „мою. Въ ребячествѣ моемъ учили меня
 „рисовать. Сіе искусство, составлявшее
 „всю забаву пылительнаго моего уедине-
 „нія, сдѣлалось для меня въ несчастіи
 „моемъ весьма полезно. Я зналъ въ
 „Лондонѣ одного славнаго Гравера. Я
 „нанялся для него рисовать; и чрезъ
 „шессть мѣсяцовъ, будучи доволенъ моею
 „работою, онъ перезвалъ меня жить въ
 „свой домъ. Сей человекъ былъ Морав-
 „ской братъ, и четыре года жилъ въ
 „Заспѣ. Говоря со мною о сей колоніи,
 „возбудилъ онъ во мнѣ желаніе ѣхать
 „туда и тамъ жить. Олимпія того же
 „хошѣла. Мы переговорили о томъ съ
 „благодѣтельнымъ нашимъ хозяиномъ,
 „кошорой далъ намъ одобришельныя письма
 „къ начальникамъ колоніи, и просилъ
 „ихъ приняшь насъ въ свой домъ. Насъ
 „очень хорошо приняли. Олимпія, по-
 „пріѣздѣ своемъ въ Заспѣ, скинула Ан-
 „глійское свое платье и шляпу, и надѣла
 „,шаковую

„такую одежду, въ какой ходяшѣ всѣ тамо-
 „шнія женщины. Не могу извѣяснить вамѣ,
 „что я чувствовалъ, увидя ее въ первой
 „разѣ въ такомѣ бѣдномѣ платьѣ. Сія
 „крестьянская одежда увеличивала красоту
 „ея. Я смотрѣлъ на нее съ нѣжною горе-
 „стію. Ея открыты были чувства серд-
 „ца моего; и хотѣвъ разсѣять всѣ пе-
 „чальныя мысли мои, она увѣряла меня,
 „что не можетѣ наравоваться новымѣ
 „своимѣ платьемѣ, и что никогда не но-
 „сила пакого покойнаго. Я упалъ къ ея
 „ногамѣ и омывалъ слезами руку ея, ко-
 „порую она миѣ подала. Она обняла
 „меня, и сказала, что не понимаетѣ при-
 „чины моей горести; но говоря сіе, сама
 „проливала слезы.

„Не нашелъ я въ Застѣ ни спокой-
 „ствія, ни новаго утѣшенія. Всѣ тѣ
 „часы, копорые оставались у меня отъ
 „работы, посвящалъ я воспипанію моего
 „сына. Я спрашно любилъ сего младен-
 „ца отъ самаго его рожденія; но самая
 „сія родительская любовь была для меня
 „неизшощимымъ источникомъ безпо-
 „койствъ и горести. Могъ ли я ожидать
 „отъ сына моего покорности, копорой я
 „самъ не имѣлъ къ отцу моему? Думая
 „носить на себѣ проклятіе раздраженнаго

„родителя моего, могъ ли я ласкаться,
„чтобы Небо даровало мнѣ послушнаго и
„благодарнаго сына? — Такія печальныя
„мысли перзали сердце мое; но скоро
„новой ужасной страхъ далъ мнѣ почув-
„спововать, что всѣ горести, угнѣтавшія
„меня со времени побѣга моего изъ Фран-
„ции, почти ничто въ разсужденіи того
„удара, которой меня поразить могъ.

„Олимпіино здоровье видимо ослабѣ-
„вало. Сохраняя всегда обыкновенную
„свою шикость, она никогда и ни на
„что не жаловалась, и всегда увѣряла
„меня, что не чувствуеѣтъ въ себѣ
„никакой болѣзни. Однакожь я призвалъ
„изъ Упрехта Доктора, которой сна-
„чала меня успокоилъ; но черезъ три
„мѣсяца обнаружилъ онъ нѣкоторое со-
„мнѣніе, и наконецъ произнесъ ужасной
„приговоръ, ввергнувшій меня въ неописан-
„ную горестъ. Олимпія давно уже знала
„положеніе свое. Религія и несчастныя
„обстоятельства ея жизни представляли
„ей смертъ въ видѣ Ангела ушѣйшаго.
„Одинъ Упрехтской Священникъ пріѣхалъ
„къ намъ, чтобы приготовить Олимпию
„къ смерти. Три дни прожилъ онъ у насъ
„въ комнатѣ. Никогда не заглядился въ
„памя•

„памяти моей ужасное воспоминаніе сихъ
„шрехъ мучительныхъ дней. Не могу
„описать вамъ сихъ спрашныхъ часовъ . . .
„и мнѣ еще надлежало жить, спрадась
„подъ бременемъ несносной жизни! . . .
„Сама Олимпія повелѣла мнѣ беречь жизнь
„мою, нужную для сына моего. — Возь-
„мите, родитель мой, продолжалъ Тео-
„филь, проливая слезы: возьмите, про-
„читайте это письмо. Вопль Олимпіино
„завѣщаніе, которое опдалъ мнѣ духов-
„никъ ся въ самую ту минушу, въ ко-
„порое опчаяніе могло бы довести меня
„до чего нибудь чрезвычайнаго., — Ска-
завъ сіе, несчастной Теофиль вынулъ
изъ записной книжки письмо, которое
Олимпія писала къ нему на канунъ своей
смерти. Баронъ, проливавшій слезы,
бросился въ объятія сына своего. Долго
обнимали они другъ друга, и горестныя
чувства сердца своего изъявляли рыдані-
емъ и вздохами. Наконецъ Баронъ взялъ
Олимпіино письмо, и осушивъ глаза свои,
опъ слезъ покраснѣвшіе, читалъ слѣду-
ющее:

„Я хотѣла узнать истинну. Мнѣ
„сказали, что сей день можешъ быть
„последнимъ днемъ моей жизни . . . Тео-
„филь! . . . и такъ я навсегда съ побую

„разлучаюсь! . . . Священной союзъ, насъ
 „соединившій, нынѣ или завтра навсегда
 „разорвется! . . . Теофиль и Полидоръ
 „завтра разлучатся съ Олимпією! . . .
 „Пусть же сіе письмо всегда приводитъ
 „меня на память супругу и сыну моему!
 „Пусть оно откроетъ имъ истинныя мои
 „чувства, всю внутренность сердца мо-
 „его! Пусть признаніе сіе, умножая въ
 „Теофиль любовь къ добродѣтели, будетъ
 „нѣкогда полезнымъ урокомъ для его
 „сына! . . . О ты, которой мнѣ всемъ
 „пожертвовалъ, котораго удалила я отъ
 „опица и отечества! уже ли ты когда ни-
 „будь могъ думать, что я довольна мо-
 „єю судьбою? . . . Нѣтъ, Теофиль, я про-
 „начала въ сердце твое; я чувствовала
 „всю твою горестъ, и сокрывала въ серд-
 „цѣ своемъ горестъ еще несноснѣйшую.
 „Во глубинѣ бездны, въ которую сверг-
 „нула насъ слѣпая страсть, увидѣли мы
 „свѣтъ, и . . . что же тогда почувствова-
 „ли? Изчезла мечта, весьма скоро изчез-
 „ла, и сердце наше услышало страшной
 „голосъ оскорбленной совѣсти. Въ душѣ
 „нашей началъ дѣйствовать разсудокъ,
 „открылась истина — мы начали раз-
 „каиваться; но мы были уже въ безднѣ.
 „Любовь заставила тебя забыть священ-
 „нѣй-

„нѣйшія должности; но пробужденной раз-
 „судокъ скоро привелъ ихъ тебѣ на па-
 „мять. Въ любезной своей Олимпіи уви-
 „дѣлъ ты несчастную виновницу своего
 „пресупленія и злополучія. Лишась люб-
 „ви твоей, не могла я надѣяться быть
 „и другомъ твоимъ. Какая дружба, ка-
 „кая довѣренность можетъ быть между
 „двумя пресупниками, познавшими свое
 „заблужденіе, чувствующими невозмож-
 „ность загладишь просупки свои, и при-
 „писывающими другъ другу свое не-
 „щастіе? . . . Надлежало молчать; но сколь
 „мучительно для сердца моего было та-
 „кое насиліе! Сердце мое, семь лѣтъ без-
 „престанно занимавшееся тобою и сыномъ
 „моимъ — сіе угнѣшенное печалію серд-
 „це не смѣло никогда тебѣ открыться.
 „Бывъ всегда вмѣстѣ, были мы всегда
 „одни; не было довѣренности, не было
 „сообщенія чувствъ. Постоянно училась
 „мы наукъ обманывать другъ друга,
 „скрывать другъ отъ друга свои мысли.
 „Самъ разумъ, самое челоуѣколюбіе нала-
 „гали на насъ молчаніе — самая любовь
 „запрещала намъ другъ другу откры-
 „ваться! — Чудное и несчастное поло-
 „женіе! . . . Какъ же мнѣ жалѣть о жиз-
 „ни? . . . Ахъ, Теофиль! мысль о вѣчной

„разлукѣ конечно для меня страшна; но
„если бы ты зналъ, отъ какого муче-
„нія избавляетъ меня смерть, то не
„спалъ бы роптать на судьбу, насъ раз-
„лучающую. Какъ можно сносить жизнь,
„когда видишь любезнаго человѣка воз-
„дыхающаго подъ бременемъ нещастія, и
„когда все свое злополучіе надлжитъ
„себѣ приписывать! Одна я причиною мо-
„его нещастія; неблагоразуміе мое подало
„родителю моему поводъ не сдержатъ сло-
„ва своего. Я лишилась добраго моего име-
„ни: и такъ онъ имѣлъ право презрѣть
„меня. Хотя и тщеславіе было съ его
„стороны главною причиною сего разры-
„ва, однакожь не лзя намъ ничѣмъ уко-
„рять его. Такъ какъ отецъ, имѣлъ онъ
„надъ собою неограниченную власть, и
„могъ употреблять ее по своему изволе-
„нію. Ты не могъ проповишься ему, не
„нарушивъ священнѣйшей сыновней дол-
„жности. Если бы ты болѣе совѣпо-
„вался съ разумомъ, то конечно бы оста-
„вилъ порочное и безумное предпріятіе
„уйти изъ дому отца своего и бѣжать
„изъ опечесства. Повѣрь мнѣ, что вре-
„мя и поспоянство твое умягчили бы
„твоего родителя. Ужели къ непослу-
„шанію надлежало тебѣ присоединить и
„по-

„подлой обманѣ? Для чего не сказалъ ты
„ему: я не могу переимѣнить слова моего,
„которое далъ я по вашей же волѣ. Не
„могу я также и вступить въ такой со-
„юзъ, которой вамъ противенъ. Вамъ не
„угодно исполнить моей просьбы; вы не со-
„глашаетесь, чтобы я соединился съ тою,
„которую люблю: — хорошо, я вамъ
„повинуюсь. Но только не принуждайте
„меня быть клятвопреступникомъ, и всту-
„пить въ другой союзъ. Я же обѣщаю
„вамъ всегда убѣгать предмета несчастной
„моей страсти. — Вотъ спасительной
„совѣтъ, которой надлежало бы мнѣ по-
„дать тебѣ, когда ты пришелъ объявлять
„мнѣ несчастное свое рѣшеніе; тогда еще
„не поздно было имъ воспользоваться.
„Признавшись во всемъ родителю своему,
„и говоря съ нимъ свободно и чистосер-
„дечно, конечно бы ты сперва раздражилъ
„его; но онъ такъ любилъ тебя, что
„гнѣвъ его не могъ бы продолжиться.
„Угрожая и показываясь неупросимымъ,
„хотѣлъ онъ только усмирить тебя.
„Можно ли думать, чтобы онъ жестоко
„наказалъ тебя за несогласіе твое всту-
„пипъ въ предлагаемой союзъ, когда бы
„ты изъ сыновней покорности пожертво-
„валъ ему склонностію своего сердца?

„Могъ ли онъ рѣшиться вѣчно заключить
„тебя, однороднаго сына своего, един-
„ственную свою надежду? Нѣтъ, нѣтъ!
„Увѣрись въ твоей твердости, въ своемъ
„постоянствѣ, рано или поздно согласи-
„лся бы онъ соединить насъ. Можно ли
„повѣрить, чтобы сія мысль не пришла
„намъ въ голову прежде, нежели мы рѣ-
„шились — погубить себя? Ты грозилъ
„мнѣ лишить себя жизни: любовь тебя
„ослабляла, а ужасъ ошнѣлъ у меня чув-
„ства. Если бы я имѣла болѣе разсуд-
„ка и опытности, то могла бы открыть
„тебѣ твое заблужденіе. Не смотря на
„мой страхъ, ужасъ и предчувствія мои,
„никакъ не предвидѣла я всѣхъ тѣхъ
„горестей, которыя послѣ терзали меня.
„Если бы мнѣ можно было видѣть бу-
„дущее, то я конечно бы доказала тебѣ,
„что лучше было намъ совсѣмъ отка-
„заться другъ отъ друга и уничтожить
„наши обѣты, нежели низвергнуться въ
„сію бездну золь. Положимъ, чтобы я
„была мужественна и великодушна, и
„уговорила бы тебя жениться на прези-
„раемой тобой особѣ; положимъ, что она
„поведеніемъ своимъ оправдала бы твою
„къ ней нелюбовь: то какое утѣшеніе
„находилъ бы ты въ сердцѣ своемъ, въ
„обѣ-

„объятіяхъ своего родителя! Свѣтскія
„забавы, ученія упражненія и государ-
„ственные дѣла, которыми бы ты могъ
„посвятить себя, были бы для тебя изюч-
„никомъ пріятностей и различныхъ удо-
„вольствій. Въ такомъ состояніи могъ
„бы ты отъ всего сердца радоваться
„дѣльми своими, будучи въ состояніи
„хорошо возлнпашъ ихъ, и зная, что
„по смерти твоей не будутъ онѣ жить
„въ бѣдности и неизвѣстности. Ты ушѣ-
„шалъ бы отца своего; а онѣ благослов-
„лялъ бы тебя во всѣ дни жизни своей. —
„Что принадлежитъ до меня, то я, воз-
„вращаясь въ Провинцію, ушѣшалась бы
„своею невинностію и воспоминаніемъ
„добродѣтельной жертвы, и могла бы на-
„слаждаться пріятностями уединенія и
„тишины. О естли бы въ ту минушу,
„въ которую ты убѣждалъ меня согла-
„ситься на твое безразсудное предложеніе,
„какой нибудь вѣрной другъ все сіе мнѣ
„представилъ! . . . Но не было у меня и
„единственной опоры моей; не было
„уже на свѣтѣ дражайшей моей тешки.
„Я была несчастная сирота, не имѣвшая
„никакого наставника и покровителя.
„Любя честь и добродѣтель болѣе жизни,
„пожертвовала я и шюю и другою. . .
„Какъ

„Какъ же несчастливъ молодой, безразсуд-
„ной и надменной человекъ, нехотящій
„принимать совѣтовъ и желающій жить
„въ независимости! . . . О Полидоръ! нѣ-
„когда будешь ты читать сіе письмо: да
„научишѣ себя примѣръ мой не довѣрять
„самому себѣ, и докажетъ, что разумъ
„и чистота сердца не могутъ замѣнить
„опытности! Да увѣришься, что стра-
„сти могутъ только насъ ослѣплять и
„дѣлать несчастными, и что въ одной
„добродѣтели надлежитъ искать счастья!

„Прости, Теофиль! Смѣю надѣяться,
„что впредь будешь ты счастливецъ. У
„тебя есть отецъ . . . О! еслии когда ни-
„будь вы будете жить вмѣстѣ, то да не
„возмущаетъ память моя вашего благо-
„получія! Подумай, что твоя родитель
„не могъ бы сдѣлать меня счастливою,
„еслии бы и призналъ меня своею до-
„черью. Какъ бы могла я показаться въ
„свѣтѣ, бывъ преступницею! . . . Ты мо-
„жешь возвратиться въ свое отечество,
„не боясь презрѣнія; но еслии женщина
„ослѣпится любовію и сдѣлается преступ-
„ницею, то она уже навсегда лишается
„чести. Я жила въ неизвѣстности, тер-
„заясь раскаяніемъ; по крайней мѣрѣ не
„была

„была я подвержена стыду и всеобщему презрѣнію, и не видала супруга моего краснѣющагося отъ меня. Ничто въ мірѣ не можетъ уже сдѣлать меня щастливою; нѣтъ уже для меня на землѣ щастія. . .
 „Прости, любезной и несчастной Теофиль! . . Живи для своего сына. Молю Бога, чпобы сей дражайшій младенецъ былъ всегда твоимъ утѣшеніемъ, и чпобы въ немъ нашелъ ты награду за свои страданія, причиненныя несчастною его матерью. Вотъ послѣднее желаніе моего сердца. Но да будетъ главнымъ твоимъ утѣшеніемъ Религія, въ сіи минуты меня укрѣпляющая! . . . Небу не угодешь былъ союзъ нашъ: и такъ Оно насъ разлучаетъ. Да будетъ воля Божія! мы же со смиреніемъ подвергнемся воли Его! „

Несчастная жертва моего тщеславія! воскликнулъ Баронъ, прочитавъ сіе письмо: любезная Олимпія! Божіе правосудіе за тебя отмстило: я долго страдалъ, и ни въ чемъ не находилъ утѣшенія. Какого щастія лишился я, не захотѣвъ признать тебя моею дочерью! . . Дражайшій сынъ! я нашелъ тебя; однакожь не могу сдѣлать тебя щастливымъ — могу ли же и самъ я быть когда нибудь щастливъ! —

Я посвящаю вамъ жизнь мою, отвѣчалъ Теофиль, и навсегда отказываюсь отъ міра. Удалясь отъ всѣхъ, и заключаюсь въ домъ вашемъ, буду жить только для васъ и для моего сына. — И такъ, сказалъ Баронъ, посвятимъ себя воспитанію Полидора. Пусть всѣ лѣта дѣтства своего проведетъ онъ въ уединеніи и тишинѣ. Тамъ будемъ стараться образовать сердце и разумъ его. Пусть почувствуетъ онъ всѣ пріятности сельской жизни и привыкнетъ къ простотѣ, чтобы со временемъ, когда вступитъ въ шумной міръ, зналъ онъ, что всѣ его забавы ничто въ сравненіи съ радостями тихаго уединенія.

Теофиль съ радостію согласился на сіе предложеніе, столь согласное съ его склонностію. Пріѣхавъ во Францію, Баронъ купилъ землю въ пятидесяти миляхъ отъ Парижа, и побѣжалъ туда жить съ Теофілемъ и Полидоромъ. Хотя печальное воспоминаніе и препятствовало ему наслаждаться совершеннымъ щастіемъ, однакожь нѣжныя Теофілевы попеченія, разумъ и добродѣтели Полидоровы, были всегда утѣшеніемъ его старости. Прежде смерти своей имѣлъ онъ удовольствіе устроить Полидорово щастіе, избравъ

бравъ ему любезную и добродѣтельную подругу, которая была честію и славою супруга и всего своего семейства. —

Гж. Правосудова замолчала; а какъ не пришло еще время ложиться спать, по начался разговоръ. Пепръ спросилъ у своей бабушки, почему она сказала въ повѣсти своей, что честь строже всѣхъ гражданскихъ законовъ. Гражданскіе законы, отвѣчала Гж. Правосудова, сдѣланы для всѣхъ людей; а какъ отъ народного множества не возможно требовать высокой добродѣтели, то законы и не наказываютъ ее въ необходимую должность, которой преступленіе сопровождалось бы наказаніемъ. Если бы они были строже, то ихъ, исполняли бы весьма немногіе, и слѣдственно было бы неизчислимое множество преступниковъ, которыхъ бы надлежало наказывать: сіе же могло бы разстроить весь порядокъ обществія. И такъ они запрещаютъ только злодѣянія, вредные обществу пороки и всякую явную несправедливость, поощряя между тѣмъ всякаго бытъ добродѣтельнымъ. Человѣкъ, не подвергающійся наказанію въ гражданскомъ обществѣ, не можетъ еще назваться совершенно добродѣтельнымъ; потому что онъ можетъ еще

еще имѣшь пороки: на прим. скупость, гордость и проч. — И пошѣ человекѣ, примолвилъ Г. Чудинъ, которой будетъ ложно приписывать упомянутые пороки людямъ, также не подвергается наказанію по гражданскимъ законамъ, хотя онъ и злословитѣ, или клеветникѣ. — Однакожь, сказалъ Петрѣ, всякой клеветникѣ почищается человекомъ презрительнымъ. — „Конечно, равно какъ и всѣ шѣ, которые во зло употребляютъ снисхождение законовъ.“ — Мнѣ нужно нѣкоторое объясненіе, продолжалъ Петрѣ: скажите мнѣ, что такое человекѣ презрительной? — „Человекѣ, котораго всѣ люди вообще почищаютъ безчестнымъ.“ — И такъ всѣ люди вообще привязаны къ чести, и судятъ строже законовъ: для чего же законы, сдѣланные для всѣхъ людей вообще, *точно* не велятъ быть смиреннымъ, щедрымъ и великодушнымъ? — „Самой худой человекѣ не можетъ не любить добродѣтели и не ненавидѣть порока. Страсти заставляютъ его дѣйствовать противъ своей совѣсти; и какъ ни спарается онъ заглушить въ сердцѣ своемъ ея упреки, однакожь всегда слышитъ наказующій гласъ ея. Въ сужденіи о другихъ ему легче сообразоваться съ совѣстію,

стію, нежеди вѣ собственныѣ своихѣ поступкахѣ; и по тому, спросясь у своей совѣсти, худое называетѣ худымѣ, а хорошее хорошимѣ. Такимѣ образомѣ поступаая самѣ дурно, можетѣ судить хорошо. Будучи слабѣ и развращенѣ, предается спраснямѣ; но будучи хладнокровенѣ, ш. е. безпристраспенѣ, по первому движенію оуждаенѣ вѣ другихѣ тѣ пороки, вѣ которыхѣ самѣ погружается. Все презрительное и подлое возмущаетѣ его сердце; все великодушное его проглатѣ и восхищаетѣ. Худой отецѣ и неблагодарной сынѣ не могли бы равнодушно смотрѣть на Анж-Сундскую старуху, благословляющую свою семью. Порочной человекѣ удивляется добродѣтели, хопя и не чувспвуетѣ вѣ себѣ желанія подражать ей: шакой человекѣ есть изображеніе народнаго множеспва. — Изѣ всѣхѣ нашихѣ разсужденій выведемѣ одно важнѣйшее слѣдспвіе, и скажемѣ, что всѣ вообще оуждаютѣ пороки и хвалитѣ добродѣтель; и такѣ, кто хочетѣ имѣть вѣ общеспвѣ хорошее имя, тому надлежитѣ быть всегда добродѣтельнымѣ.

Позвольте мнѣ, сказала Елисавета, спросить васѣ о значеніи одного слова,
Часть. XIV. Но. 17. Г копо-

которое очень часто слышу: что такое *предразсужденіе*? Я не понимаю смысла эшова слова. — „*Предразсужденіе* есть такое мнѣніе, которое не бываетъ плодомъ правильнаго разсужденія, и которое не подкрѣпляется никакими справедливыми доводами. На прим. Г. Суевѣровъ думаетъ, что въ понедѣльникъ не надобно выѣзжать въ дорогу; а еспли выѣдешь, то будущъ великія бѣды: — вотъ предразсужденіе. Онъ не можетъ ничѣмъ доказать справедливости своего мнѣнія. Спроси, почему онъ такъ думаетъ: Г. Суевѣровъ будетъ отвѣчать, что покойная бабушка его никогда въ эшотъ день изъ дому не выѣзжала; другой причины онъ тебѣ никакой не скажетъ. Всякое мнѣніе, котораго справедливость не лзя доказать убѣдительно, и которое можно опровергнуть опытами, есть предразсужденіе. Однакожь не надлежитъ намъ почитать всего шого химерою, что кажется страннымъ и при первомъ взглядѣ невѣроятнымъ. Альфонсова Исторія показала намъ, что много въ Натурѣ такихъ феноменъ, или явленій, которыхъ и самые ученые не могутъ исполковать ясно. Всякое мнѣніе, которое должно имѣть вліяніе на наши поступки, и которое надлежитъ

лежитъ намъ принять или опровергнуть, надобно строго разсматривать, и въ такомъ случаѣ сообразоваться съ предписаніями Религіи, гражданскихъ законовъ и чести. — Спайтесь, любезныя друзья мои, примолвилъ Г. Чудинъ, спайтесь глубже проникайте въ великія истины Религіи; вкорените въ сердце свое всѣ ея святыя предписанія, и вы конечно не будете заблуждаться, не будете имѣть предразсужденій, просвѣтите разумъ свой, и будете во всю вашу жизнь щастливы.

Черезъ два дни послѣ сего разговора, Гж. Добролюбова, оставшись одна съ Елисаветою, сказала ей: когда я нынѣ по утру вошла къ вамъ въ комнату, видѣла я, что дѣвка застегивала у тебя на башмакахъ пряжки: какъ можешь ты терпѣть такія услуги? Унижая подобнаго себѣ и обходясь съ человѣкомъ какъ съ рабомъ, унижаешь самаго себя. И такъ не требуй отъ дѣвки своей никакихъ услугъ, кромѣ тѣхъ, которыя тебѣ необходимо нужны. Спайся избавить ее отъ всего того, что можетъ ее утомить или отвратить отъ тебя. Подло и жестоко не щадить человѣка для того, что онъ въ нашихъ рукахъ и не можетъ насъ не послушаться. Если хочешь, чтобы люди твои нѣкогда

уважали себя, по привычке заблаговременно уважать священные права человечества. Мнѣ нельзя одной одѣться: и для того дѣвка моя помогаетъ мнѣ надѣваться на голову чепчикъ и одѣваться. А какъ раздѣваться могу одна, по со времени замужства моего никогда не заспавляла я дѣвку свою не спать и меня дожидаться; всегда сама раздѣваюсь и ее ни за чѣмъ не спрашиваю. Я жила въ свѣпѣ, бывала въ маскарадахъ и домой возвращалась въ чепыре и въ пять часовъ утра; не легко бывало мнѣ опкалывать флеръ, приколотой множествомъ булавокъ, и одной все снимаешь съ себя: однакожь всегда хотѣла я лучше лечь спать нѣсколькими часами позже, нежели велѣшь раздѣвать себя бѣдной сонной дѣвкѣ, которая, раздѣвая меня, проклинала бы мои веселья и свое состояніе. Теперь мнѣ легче одной раздѣваться, нося здѣсь такое простое платье. И ночью не бужу я ни за чѣмъ моей дѣвки; если мнѣ чтонибудь понадобится, то лучше сама встану. Я такъ ко всему этому привыкла, что не чувствую опъ того никакой стыдоспи. Эта привычка къ дѣяпельности для меня очень легка и полезна для моего здоровья; ни что такъ не ослабляетъ насъ, какъ

лѣ-

лѣность и нѣга. Человѣкъ, дѣлая все самъ, получаетъ удивительную силу. На прим. по моей наружности должно подумать, что я очень малосильна; однакожь я поднимаю великую тяжесть и могу безъ всякой усталости ходить пѣшкомъ часа по три. — „И такъ я буду подражать вамъ, мапушка; и отъ нынѣшняго времени спану одна раздѣваясь, естли вы позволите.“ — Нѣтъ, ты еще очень мала; физическая необходимость заставляетъ человѣка въ свои лѣта прибѣгать къ помощи другихъ. Однакожь отъ нынѣшняго времени можешь ты обходиться безъ многихъ услугъ, которыхъ всегда пребуешь отъ своей дѣвки; а когда будешь тебѣ четырнадцатъ или пятнадцатъ лѣтъ, то тебѣ надобно будетъ привыкать раздѣваться одной. — „Я обещаюсь вамъ, мапушка, во всякомъ случаѣ уважать тѣхъ, которые намъ служатъ.“ — Во многихъ случаяхъ обязаны мы уважать ихъ. Между прочимъ никогда не должно говорить при нихъ ни прямо, ни не прямо, ничего такого, что бы оскорбляло ихъ состояніе. На прим. очень не благоразумно и не милосливо, оуждая какого нибудь человѣка, сказать въ присутствіи служащихъ намъ: *онъ хуже вся-*

каго слуги. Надобно всѣми силами стараться избѣгать такихъ грубостей, которыя оскорбляя ихъ, вселяющъ въ нихъ къ намъ ненависть. Также надобно стараться подавать имъ одни хорошіе примѣры, какъ въ дѣлахъ, такъ и въ словахъ; по тому что наши дѣла и слова очень сильно на нихъ дѣйствуютъ, и мы дѣлаемъ вдвое худо, дѣлая худо при нихъ. Коротко сказать, и Религія и разумъ и человѣколюбіе веляшъ намъ обходиться съ ними ласково и снисходительно, стараться о пользѣ ихъ, быть ихъ покровителями во всякомъ случаѣ, и призирать ихъ, когда они бываютъ больны, или у насъ въ службѣ состарѣются.

Сказавъ сіе, Гж. Добролюбова вспала и хотѣла итти прогуливаться; но Елисавета остановила ее, сказавъ, что она хочетъ открыть ей небольшую тайну. По томъ Елисавета призналась, что она поущру поссорилась съ Катериною. Но ты вѣрно исправила свой проступокъ, сказала Гж. Добролюбова. Конечно, машушка, отвѣчала Елисавета. — „Какимъ же образомъ?“, — Я себя переломила, преодолѣла свое сердце, и послѣ того обходилась съ сестрицею по прежнему. — „И ты не извинялась передъ нею,

нею, и не сказала, что ты была передъ нею несправедлива? „ — Какъ скоро сестрица увидѣла, что я весела, то и она стала такъ же весела, и ни мало не показывала, что на меня сердится. — „Но уже ли надобно тебѣ казаться нечувствительною, для того что она не злопамятна? Если бы я и послѣдняго чловѣка въ домѣ обидѣла, то конечно бы передъ нимъ извинилась, и почла бы себѣ за честь просить у него прощенія, смотря по тому, какъ чувствительно я оскорбила его; по тому что любовь къ справедливости приноситъ намъ величайшую честь. Самой нестерпимой порокомъ въ обществѣ есть непризнательность. Мы такъ слабы и несовершенны, что всякой день дѣлаемъ проступки; и такъ самой любезной и привлекательной чловѣкомъ есть то, что которой чувствителенъ, признается въ своихъ проступкахъ и искренно старается ихъ заглаживать. Признательность есть свойство нѣжной и великой души; напротивъ того малая душа въ такихъ случаяхъ бываетъ всегда удерживаема порочнымъ стыдомъ, и хотятъ лучше увеличить свой проступокъ, нежели загладить его искреннимъ признаніемъ. „ --- Теперь же пойду я, мапущка, къ сестри-

цѣ, и попрошу у нее извиненія въ томъ, что я ее оскорбила и не скоро призналась ей въ моей винѣ. — Гж. Добролюбова за сіе добросердечіе нѣжно обняла дочь свою, которая шопчасѣ побѣжала искашь сестру.

Гж. Добролюбова начала ввечеру рассказывать слѣдующую повѣсть:

ПУСТЫННИКИ

въ

НОРМАНДІИ.

Въ Нормандіи, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Форжа (*), близъ богатаго Аббатства Бобекскаго, жилъ добросердечной откупщикъ, Ансельмъ, съ женою и дѣтьми своими. Онъ былъ бѣденъ; однакожь могъ назваться щасливымъ, цѣлыя пятнащцать лѣтъ не выходя никуда изъ своей жижины, кромѣ церкви. Мирное жилище его было окружено большимъ лѣсомъ. Не было у него сосѣдей; но онъ ихъ и не желалъ. Не могъ онъ вообразить, что-бы

(*) До сего селенія отъ Парижа 26 миль; оно славно своими минеральными водами.

бы послѣ прилѣжной полевой работы можно было найти удовольствіе лучшее того, которое чувствовалъ онъ отдыхая посреди своего семейства. Все богатство его состояло въ трехъ десятинахъ земли, въ двухъ коровахъ и нѣсколькихъ курицахъ. Общество его составляли, кромѣ жены и пятерыхъ дѣтей его, служанка и молодой пасухъ, съ которыми надобно мнѣ преимущественно васъ познакомить. Служанка называлась Жакелиною. Живя отъ самаго своего ребячества въ Ансельмовой хижинѣ, была она такого же нрава и такъ же любила уединеніе, какъ и Господа ея. Болѣе поумили никогда не удалялась она отъ своего жилища. Изъ всѣхъ зданій въ мірѣ извѣстно было ей одно Бобекское Аббашство, и никто не удивлялся столько церкви Св. Петра въ Римѣ и Луврской колонадѣ, сколько удивлялась она маленькой Бобекской церкви. Она слышалась о Форжѣ, и зная, что сія деревня была въ четырехъ миляхъ отъ ея хижины, никогда не хотѣла она изъ любопытства предпринять такого путешествія. Жакелина не умѣла ни читать, ни писать, и отъ роду не видала книги. Она умѣла только доить коровъ, дѣлать сыръ и помогать Госпожѣ своей въ раз-

ныхъ домашнихъ работахъ. Разумъ ея не могъ обнять обширѣйшихъ знаній. Она имѣла только такое понятіе, какое нужно было ей для исполненія обязанностей ея состоянія; и за всемъ тѣмъ, естли бы Господа ея были не такія добросердечныя и смиренныя люди, по они конечно бы нашли уже причину согнать ее со двора. Однакожь она проступалась не произвольно; у нее не было памяти и хорошаго разсудка, и опъ природы была она неразшоропна. Но Жакелина такъ любила господъ своихъ, душу имѣла такую прямую, сердце такое доброе, что Анзельмъ и жена его никогда не могли бранить ее. — Пасхухъ Мишель, кошой пасъ коровъ, былъ еще неразшоропнѣе и шупѣ Жакелины. Слабость его сложенія извиняла въ глазахъ снисходительнаго Анзельма его лѣность и неспособность. Однакожь Мишель имѣлъ нравъ весьма шихой, былъ честенъ, хладнокровенъ, и ничто въ мірѣ не могло нарушить его спокойствія.

Между Мишелемъ и Жакелиною было такое во всемъ сходство, что не лзя было имъ, видясь всякой день, не привязаться другъ къ другу. Обнаружилась симпатія, и любовники спали просить

у Господѣ своихъ позволенія навсегда соединиться, что имѣ и позволено было. Жакелина вышла за мужѣ за Мишеля, и чрезѣ три года спала матерью прехѣ дѣтей, копорыя воспитывались вмѣстѣ съ дѣтьми Анзельмовыми.

Около сего времени приключилось Жакелинѣ чувствительное несчастіе. Жена Анзельмова умерла, а чрезѣ два года по смерти ея умерѣ и самѣ Анзельмѣ. И такѣ Жакелина и Мишель лишились наилучшаго Господина и единственнаго своего покровителя. Родственники, взявѣ въ опску дѣтей и небольшое имущество ихѣ, по жестокосердію своему сослали съ двора Мишеля и Жакелину.

Надлежало оставить любезную хижину, копорую до того времени почитали они собственнымѣ своимѣ домомѣ; надлежало расстаться съ любезными дѣтьми добродѣтельнаго Анзельма, копорыя уже два года называли Жакелину пріятнымѣ именемѣ матери. Бѣдная Жакелина обливала ихѣ слезами своими, и наконецѣ въ величайшей горести пошла со двора, будучи провождаема четверыми дѣтьми своими и печальнымѣ Мишелемѣ, несшемѣ въ рукахѣ большой мѣшокѣ, въ
кото-

которомъ лежало простое крестьянское платье, составлявшее все богатство сей несчастной семьи.

Въ семъ ужасномъ состояніи не чувствовали они къ счастью своему никакихъ мучительныхъ беспокойствъ, причиняемыхъ меланхолическимъ воображеніемъ и предвидѣніемъ будущаго. Они были такого характера, что одно насупящее злополучіе могло прогнать ихъ; а будущее было закрыто для нихъ такою непроницаемою завѣсою, что они даже и слѣдующаго дня никогда себѣ не представляли. Они довольно хорошо пообѣдали, прежде нежели вышли изъ дому покойнаго благодѣтеля своего: и такъ не весьма заботились объ ужинѣ. Безпрестанно говорили они о несчастной для нихъ Анзельмовой смерти и о любви своей къ дѣтямъ его, которыхъ надлежало имъ оставить.

Говоря такимъ образомъ, шли они не зная куда, и потеряли въ лѣсу дорогу. Жакелина уснула и съла подъ деревомъ. Мужъ ея сълѣ подлѣ нее, а дѣти съли вокругъ ихъ. Тогда былъ Іюль мѣсяць. Когда спало смеркаться, одинъ изъ ребятъ попросилъ ѣсть; а по томъ и всѣ ѣсть захотѣли. У Мишеля запасено было
вѣ

вѣ мѣшкѣ нѣсколько хлѣба, которой онѣ вынулѣ и раздѣлилѣ съ женою и дѣтьми своими. Послѣ сего ужина рѣшились они ночевать вѣ лѣсу, и на разсвѣтѣ нашли пропу, которая привела ихѣ на другой край лѣса, вѣ пространныю пустыню.

Сіе дикое мѣсто покрыто было шерновыми кустами, среди которыхѣ изѣ обросшаго мхомѣ камня текѣ прозрачной ручей. Жакелина, увидя сію свѣжую и чистую воду, пришла вѣ несказанную радость, потому что дѣти ея помились жаждою. Кѣ большему еще благополучію нашли они вѣ той сторонѣ лѣса множество орѣховѣ, шелковицы, малины и земляники. Жакелина съ восхищеніемѣ разсматривала сей природной садѣ. Ахѣ, Мишель! сказала она: поселимся здѣсь. Вотѣ вода, вотѣ ягоды, которыми можемѣ кормиться. Сдѣлаемѣ изѣ вѣтвей шалашѣ, которой бы укрывалѣ насѣ отѣ дождя. — „Однакожь не лзя безѣ позволенія рѣзать вѣтвей.“ — Сія мысль опечалила Жакелину.

Вѣ сію минуту увидѣла она вѣ нѣсколькихѣ шагахѣ отѣ себя молодого крестьянина, бравшаго землянику. Она подошла кѣ нему и спросила, не знаешь ли,

ли, мой другъ, кому принадлежитъ это мѣсто? Бобекскому Аббатству, отвѣчалъ крестьянинъ. — „Далеко ли отсюда до него?“, — Менѣ мили. Я теперь же пойду туда и понесу землянику, которую здѣсь набралъ. — Послѣ сего Жакелина посо- вѣтовалась съ своимъ мужемъ; и Мишель, получивъ отъ нее наставленіе, пошелъ съ молодымъ крестьяниномъ въ Бобекское Аббатство, оставя Жакелину съ дѣтьми на краю лѣса, и обѣщавъ возвратиться какъ можно скорѣе.

Мишель пошелъ прямо къ Аббату, и рассказавъ ему всѣ свои обстоятельства, просилъ у него работы, или по крайней мѣрѣ позволенія поселиться въ описанномъ мѣстѣ. Да что ты умѣешь дѣлать? спросилъ Аббатъ. — Я умѣю пасти коровъ.,, — Намъ не надобны пастихи; сверхъ того ты не нашъ монастырской. — „Да мнѣ жить не чѣмъ; такъ это не шутка.,, — Къ несчастію нашему мы не можемъ помогать всѣмъ бѣднымъ. — „Я не бѣдной, и не прошу милосыни; у насъ есть руки, и мы станемъ работать прилѣжно.,, — Да ты ничего не умѣешь дѣлать; и я опять повторяю тебѣ, что намъ лучше принима-
мать

мать къ себѣ пѣхѣ людей, которыя живущѣ на монастырскихѣ земляхѣ. — „Увѣряю тебя, Господинѣ Аббатѣ, что я очень дряхлѣ: и такѣ тебѣ необходимо надобно взять меня къ себѣ въ службу.“ — Какѣ! для того, что ты не въ состояніи работашь? — „Конечно; для того же самаго взялѣ меня къ себѣ и покойной баринѣ мой, Ансельмѣ, которой до самой смерти своей поилѣ и кормилѣ меня. А естли ты, Господинѣ Аббатѣ, не жалуешь хворыхѣ людей, то по крайней мѣрѣ позволь намѣ построить въ швоемѣ лѣсу небольшой шалашѣ.“ — Чѣмѣ же вы будете тамѣ кормиться? — „Ягодами и другими плодами. Тамѣ есть крессѣ, земляника, орѣхи, чистая вода; мы будемѣ жить какѣ въ раю.“ — А зимою? — „Зимою! . . . Мы о зимѣ не думали. Да зима еще долго не придетѣ; шеперь еще Іюль.“ — Послушай, доброй челоувѣкѣ: естли тебѣ такѣ хочешя жить въ эшомѣ лѣсу, то я позволяю тебѣ построить тамѣ шалашѣ, и всякіе два дни приходить сюда и брать хлѣбѣ и земляныя яблоки для своего семейшва. — „А у меня и мѣшокѣ есть.“ — Поди; болѣе эшова не могу уже ничего для тебя сдѣлать. — „Да ты и такѣ по милости

спи своей сдѣлалъ для меня очень много. Какъ же будетъ рада Жакелина!

Сказавъ сіе, Мишель поспѣшно ушелъ отъ Аббата; но его догнали и воропили назадъ, чшобы, по приказанію Аббата, дань ему хлѣба и вареныхъ земляныхъ яблокъ. Мишель, будучи человѣкъ совѣстной, не хотѣлъ сперва брашь сего. Г. Аббатъ, примолвилъ онъ, сказалъ мнѣ, что всякіе два дни буду я получашь хлѣбъ и яблоки: и шакъ я приду за шѣмъ послѣ-завтра. Не смолря на его сопрошивленіе, наполнили его карманы хлѣбомъ и яблоками, и онъ побѣжалъ къ Жакелинѣ, будучи весьма доволенъ щастливымъ успѣхомъ своего пупешествія. Нашедши жену свою, увѣдомилъ ее о всемъ подробно. Вѣдомость сія привела въ восхищеніе Жакелину; однакожь она не много побранила его за то, что онъ въ Бобекской деревнѣ не купилъ большаго ножа, копорымъ бы ловко было срѣзывать вѣшви. У насъ есть девять ливровъ, (сумма, копорую скопили они въ десять лѣшъ): а начпо намъ деньги? Правда, опвѣчалъ Мишель: да всего не лъзя придумашъ. Мы вишь было совѣмъ забыли, что зима придетъ. — „Зима! и шакъ тебѣ надобно поберечь

однакожь она мужественно бы рѣшилась бросить его и начать строить другое, естли бы Мишель не отвратилъ ее отъ того, говоря, что шалашъ нуженъ имъ только для успокоенія, и потому нѣтъ нужды до того, что не лзя въ немъ споять на ногахъ, естли можно только лежать и сидѣть. Жакелина не могла опровергнуть сказаннаго мужемъ ея; и такъ, не смотря на ошибку въ соразмѣрности, шалашъ былъ додѣланъ.

День, въ которой уже можно было обѣдать въ шалашѣ, былъ день праздничной. Мишель поупру ходилъ въ Аббашство и принесъ отшуда земляныхъ яблокъ и мягкаго хлѣба, и сверхъ того кринку молока и нѣсколько яицъ, купленныхъ имъ въ деревнѣ. Дѣти, увидя такой обѣдъ, чрезвычайно обрадовались. Ихъ радость развеселила и родителей ихъ. Обѣдъ былъ совершенно пріятенъ; потому что обѣдавшіе были и голодны и веселы. Ночь провели въ покойнѣйшемъ снѣ. Спавъ нѣсколько 'ночей на сыромъ воздухѣ, весьма пріятно было уснуть въ шалашѣ на свѣжей соломѣ. Проснувшись поупру, всѣ чувствовали въ себѣ необыкновенную свѣжесть и бодрость.

Хоро-

Хорошо тому человеку, у котораго все есть, сказалъ Мишель. Хотя и говорятъ, что ко всему можно привыкнуть, однакожь подѣ кровлею спать гораздо лучше, нежели лежать на сырой правѣ и смотрѣть на небо. Я также думаю, сказала Жакелина: я всегда тужила о хлѣвѣ покойнаго нашего Господина, въ которомъ мы обыкновенно сыпали. — „Однакожь, Жакелина, нашъ шалашъ не хуже хлѣва?“, — О! конечно. Теперь же мы живемъ своимъ домомъ; а баринъ нашъ говаривалъ, что щасливѣе шотъ, у кого есть домъ. — Съ того времени начали наши пустынные хозяйничать. Мишель купилъ блюдо и пяць деревянныхъ ложекъ, шубы для зимы и льну для Жакелины, у которой была пряслица, и которая умѣла изрядно прясть. Такимъ образомъ были издержаны девять ливровъ. Между тѣмъ и Мишель нашелъ для себя упражненіе. Онъ ловилъ стѣпью маленькихъ ппичекъ и носилъ ихъ въ Аббатство; а черезъ мѣсяцъ носилъ туда продавать пряжу, работу своей жены, что приносило имъ небольшой доходъ; потому что Жакелина, какъ я сказала, была не очень трудолюбива.

Такимъ образомъ прошло лѣто. Пришла зима; и не смотря на шубы, чувствовали наши пусшынники холодъ, и шалашъ казался уже не столь пріятенъ, болѣе по тому, что не было уже ни малины, ни шелковицы, ни другихъ лѣсныхъ плодовъ. Однакожь холодъ для Мишеля и Жакелины не былъ такъ чувствителенъ, какъ бы надлежало думать. Во всю свою жизнь не сыпали они въ теплой горницѣ. Хлѣвъ, о кошоромъ они съ такою пріятностію говаривали, былъ очень худо покрытъ, такъ что сквозь кровлю во многихъ мѣстахъ было видно небо; а сквозь досокъ, изъ которыхъ были сдѣланы двери, или воропа, можно было просунуть руку. И такъ Жакелина и Мишель въ самое жесточайшее время зимы не великое различіе находили между своимъ шалашемъ и хлѣвомъ, прежнимъ жилищемъ ихъ; а лѣтомъ, когда лѣсъ наполненъ былъ цвѣтами и всякими плодами, шалашъ, построенной на сухомъ мѣстѣ подъ тѣнію деревъ, былъ гораздо пріятнѣе темнаго низкаго хлѣва, построеннаго на маленькомъ навозномъ и вонючемъ дворикѣ.

Въ концѣ зимы заболѣли у Мишеля ноги, и черезъ нѣсколько времени не могъ уже онъ

онъ ходить въ Аббатство за хлѣбомъ. И такъ Жакелина принуждена была вмѣсто его ходить туда; а бѣдной Мишель оставался въ своемъ шалашѣ, лежа въ горести на сѣнѣ. Впрочемъ болѣзнь его была не весьма мучительна. Будучи набоженъ, усердно молился онъ Богу, и въ сей усердной молитвѣ находилъ для себя великое утѣшеніе. Жакелина, сидя подлѣ него, прядла или вмѣстѣ съ нимъ молилась. Дѣти поминутно къ нему подбѣгали и ласкали его. Коротко сказать, Мишель иногда горевалъ, однакожь никакъ не почиталъ себя несчастнѣйшимъ человѣкомъ. Такимъ образомъ прошелъ годъ.

Въ одинъ день пошла Жакелина въ лѣсъ брать ягоды [сіе было въ Іюль мѣсяцѣ], но черезъ нѣскольکو минутъ прибѣжала назадъ вся запыхавшись, и кричала: ахъ, Мишель! какое диво я видѣла! какое диво! — „Что такое?“, — Прекрасную большую шельгу, цвѣта золотого. Шестъ большихъ лошадей впряжены въ нее, и всѣ онѣ сіяютъ серебромъ. Въ шельгѣ сидятъ прекрасныя барыни, а назади стоятъ Господа въ красныхъ кафтаныхъ. — Въ самую сію секунду услышала Жакелина стукъ коляски, копорую

она описывала. Запрепетавъ отъ радости, выскочила она изъ шалаша, а за нею выбѣжали и всѣ дѣши ея. Когда коляска подѣѣхала поближе, она увидѣла сидящую въ ней молодую прекрасную женщину, которая съ пріятною улыбкою смотрѣла на нее и на дѣшей ея, и въ самую ту мину приказала кучеру остановиться. Удивленная и восхищенная Жакелина не смѣла сойти съ мѣста.

Молодая Госпожа вышла съ четырьмя женщинами изъ коляски и подошла къ Жакелинѣ. Эпо все свои дѣши? спросила она у Жакелины. — „Мои, сударыня.“ — Бѣдныя! онѣ почти совсѣмъ наги. — „У нихъ есть кафшаны, да мы бережемъ ихъ къ зимѣ.“ — И вы весь день бываєте въ этомъ шалашѣ? — „Мы живемъ здѣсь и день и ночь.“ — Какъ! у васъ нѣтъ другаго жилища? — „Нѣтъ, сударыня. Лѣтомъ хорошо здѣсь жить; только зимою бываетъ намъ не много худо, особливо же съ того времени, какъ мужъ мой неможетъ.“ — Неможетъ? и лежитъ въ этомъ шалашѣ? — „Да, сударыня.“ — Боже мой!... Какъ я рада, что мы поперяли дорогу, и что случай завелъ насъ сюда! — Сказавъ сіе, незнакомая вошла въ шалашъ, хопя

хотя и не безъ труда; ибо высокія каблуки и шляпа съ перьями принудили ее такъ согнуться, что она, не могши бытъ въ такомъ принужденномъ положеніи, рѣшилась въ семъ шалашѣ спать на колѣни. Можно ли, сказала она, обращая на Мишеля глаза свои, наполненные слезами: можно ли, чтобы вы два года здѣсь жили! Не уже ли не нашли вы въ Форжѣ такого чловѣка, которой бы вамъ помогъ? — „Ахъ, сударыня! Форжѣ отъ насъ очень далеко.“ — До него отсюда не будетъ болѣе трехъ миль. — „Мужъ у меня давно уже не можетъ, а мнѣ не лзя оставить его на долгое время и ийти въ такую даль. Къ тому же у насъ всего довольно; намъ даютъ хлѣбъ и земляныя яблоки.“ — Тутъ незнакомая вынула изъ кармана кошелекъ съ деньгами и сказала Жакелинѣ: возьми эпотъ небольшой подарокъ; а нынѣ ввечеру пришлю я за вами коляску. Еслили вы очень любите это мѣсто, то можете опять сюда возвратиться; только мужу своему, имѣющему нужду въ лѣкарѣ, надобно прожить нѣсколько времени въ Форжѣ.

Между тѣмъ Жакелина разсматривала золотыя монеты, которыя пода-

рила ей неизвѣстная Госпожа. Наконецъ сказала она ей: когда уже вы такъ милостивы, сударыня, то скажу вамъ, что такія деньги совсѣмъ вѣ здѣшной сторонѣ не ходятъ. — „И такъ ты никогда не видала золота?“, — О! я видѣла вызолоченую главу на Бобекской церкви; однакожь золотая монета конечно у насъ не ходитъ, и я никогда не слыхала, чтобы о золотыхъ деньгахъ говорили. — Незнакомая, будучи поражена видомъ чрезвычайной бѣдности, которой она никакъ не могла себѣ представить, не могла отъ слезъ удержаться. Между тѣмъ она уговорила Жакелину удержатъ у себя золотыя деньги; а вѣ удовольствіе ея дала ей нѣсколько серебряныхъ монетъ, которыя взяла Жакелина съ великою радостію и благодарностію. Потомъ незнакомая и провождавшія ее Дамы вышли изъ шалаша, сѣли вѣ коляску и возвратились вѣ Форжъ. Мишель и Жакелина, будучи вѣ восхищеніи отъ радости, говорили нѣсколько часовъ безпрестанно о прекрасной барынѣ; а ввечеру пріѣхала къ нимъ коляска. Четыре чело-вѣка положили Мишеля на носилки и шихонько понесли его; а Жакелина съ дѣтьми сѣла вѣ коляску. Вѣ девять ча-
совъ

совѣ вечера прибыли они въ Форжѣ. Ихъ проводили въ маленькой домикѣ, гдѣ были приготовлены для нихъ плащя, бѣлье и постели.

Когда Мишеля положили на постелю, Жакелина пошла поговорить съ хозяиномъ. Черезъ четверть часа она возвратилась. Ахъ, Мишель! сказала Жакелина: ты чудо услышишь. — „Скажи же поскорѣе.“ — Прекрасная барыня. . . . Знаешь ли ты, что такое Принцеса? — „Нѣтъ.“ — Прекрасная барыня называется Принцесою; и еще Дюшесою, и еще — забыла, какъ . . . прешье имя совсѣмъ изъ ума вышло. А сверхъ всего, Мишель, она родня Королю. — „Полно, Жакелина! я этому не повѣрю. Естъли бы она была родня Королю, такъ бы вѣрно на насъ и смотрѣть не хотѣла.“ — Точно такъ; увѣряю тебя, что говорю правду. — „Королевская родня смотрѣла на насъ съ такою жалостію, говорила съ нами такъ ласково!“, — У нее сердце самое хорошее; всѣ ее хвалятъ.

Сей разговоръ былъ перерванъ приходомъ хозяйки, которая принесла имъ разныя кушанья. Мишель и Жакелина пивали заквашенной яблочной сокъ, но

совсѣмъ не знали вкуса винограднаго вина; тогда въ первой разъ выпили они нѣсколько рюмокъ за здоровье своей благодѣтельница. Жакелина, ложась спать, благословляла свою благодѣтельница и молилась за нее Богу. На другой день ее разбудила швея, пришедшая снять съ нее и дѣшей ея мѣрку. Принцеса приказала ей сшить плащя для всей семьи. Черезъ нѣсколько дней принесли къ Жакелинѣ сіи плащя, нѣсколько паръ рубашекъ, чулокъ и башмаковъ. Она несказанно обрадовалась, болѣе по тому, что Мишелю стало гораздо легче. Попеченіе Доктора, здоровое жилище и хорошая пища, постепенно возвращали ему силы, и черезъ три недѣли могъ уже онъ вспать съ постели и ходитъ по комнатамъ.

Въ сіе время Жакелина видѣлась съ своею благодѣтельницаю, которая отдала ей связку ключей, сказавъ: вошь ключи отъ своего дому и отъ всѣхъ твоихъ ящиковъ. Теперь поѣзжайте въ прежнес свое жилище, любезная Жакелина; а завтра поутру я къ вамъ пріѣду и буду у васъ завпракать. — Жакелина, будучи внѣ себя, сказала нѣсколько несвязныхъ словъ и трепещущею рукою взяла ключи, не могши вѣрить, чтобъ у нее были

подлин-

подлинно домъ и ящики, и чтобы *родня Коовлевская* прѣхала къ ней завтракать. Въ тотъ же день отвезли Мишеля, жену и дѣтей его, въ тотъ лѣсъ, въ которомъ ихъ нашли. Но какъ они удивились, увидя вмѣсто своей хижины прекрасной маленькой домикъ, построеной среди большаго сада! Дѣти закричали отъ радости; а Мишель и Жакелина обнимали ихъ съ восхищеніемъ, проливая слезы. Боже мой! сказала Жакелина, поднявъ руки къ небу: чѣмъ можемъ мы отплатить этому Ангелу за такія благодѣянія!

Коляска остановилась у воротъ. Пустынниковъ нашихъ отвели въ домъ ихъ, въ которомъ были двѣ большія комнаты, чуланъ и кухня, гдѣ лежала всякая нужная посуда. Въ обѣихъ комнатахъ были камины. Домовые приборы состояли изъ двухъ хорошихъ постель съ занавѣсами, двухъ споловъ, четырехъ соломенныхъ стульевъ, двухъ креселъ и большаго поставца. Жакелина, взявъ свои ключи, оперла поставецъ и нашла тамъ нѣсколько паръ плащей для Мишеля, себя и дѣтей своихъ, множество рубашекъ, чулокъ, простынь, наволокъ, салфетокъ и льну. Когда Жа-

келина

келина осмошрѣла свѣй поспавецѣ, повели ея вѣ садѣ, копорой уже наполненѣ былѣ разными поваренными правами; по томѣ показали ей пшичникѣ, вѣ копоромѣ было болѣе дващцаши курицѣ; наконецѣ провели ея вѣ хлѣвѣ, гдѣ были двѣ хорошія коровы, и сказали ей, что вѣ нѣсколькихѣ саженьяхѣ отѣ дому есть лугѣ, копорой ей принадлежитѣ. Жакелина не могла вѣришь глазамѣ своимѣ. Какѣ! сказала она мужу своему: мы вдругѣ спали богатѣе покойнаго нашего барина Анзельма! Хижина его не много лучше нашего хлѣва; а садѣ нашѣ вдвое болѣе его сада. О Мишель! намѣ не надобно никогда забывашь нашего шалаша, а особливо зимою, когда со всѣми дѣшными будемѣ сидѣшь вокругѣ камина, чтобы всегда благодарить Бога такѣ же усердно, какѣ теперь. — Говоря сіе, Жакелина проливала слезы. Мишель также плакалѣ. Дѣшей своихѣ обнимали они сѣ такимѣ удовольствіемѣ, какого никогда не ощущали, хотя они и всегда нѣжно любили ихѣ.

Жакелина во всю ночь не могла сомкнуть глазѣ. Лампада горѣла у нея на каминѣ, и она всю ночь разсматривала свою горницу и домовые приборы свои,

МОЛИ-

молилась Богу и благословляла свою благодѣшельницу. На разсвѣпѣ вспали и мужъ и жена, и снова пошли осматривать свою кухню, садъ и хлѣвъ. По томъ одѣли дѣшей, надѣли лучшее платье и начали пригошовлять завтракъ. Сполъ накрыли новою скапертьею, поставили на него двѣ кринки съ сливками, чашку съ бирымъ масломъ, а другую съ орѣхами, и положили мягкой хлѣбъ. Такимъ образомъ ожидали они съ великимъ неперпѣнемъ прекрасную добродѣтельную Госпожу. Старшій сынъ, которой на концѣ лѣса былъ пославленъ на караулъ, въ одинацать часовъ прибѣжалъ сказать, что вдали видѣлъ онъ ѣдущую карету. Тогда Мишель и Жакелина, чувствуя необыкновенное бѣненіе въ сердцѣ, подали другъ другу руки. Мишелю досадно было, что онъ по слабости своей не могъ итти скоро. Дѣши хотѣли бѣжать напередъ и бросились съ великимъ крикомъ къ ворошамъ. Отецъ и мать ворочали ихъ назадъ, но дѣши ничего не слышали, и въ первой разъ въ жизни своей не послушались родительскаго приказанія.

Въ то время, какъ Мишель съ Жакелиною дошли до ворошъ, карета подъѣхала ко двору и молодая Принцеса вышла

шла изъ коляски. Мишель и жена его, проливая слезы, бросились къ ногамъ ея; и Жакелина, указывая на Мишеля, сказала перерывающимся голосомъ: о государыня! онъ совсѣмъ почти здоровъ и можешь уже ходить! Вотъ дѣти мои, которыя зимою не будутъ уже перпѣть холода! Вотъ нашъ домъ, въ которомъ намъ будетъ жить хорошо и лѣпомъ и зимою! Все это сдѣлала ты: чѣмъ же намъ заплашишь себя? Нѣтъ, мы не можемъ себя ничѣмъ заплашишь; а будемъ только во всю нашу жизнь молиться Богу о своемъ здоровьѣ. Одинъ Богъ можешь наградишь себя за свое благодѣяніе.

Жакелина залилась слезами и не могла болѣе говорить. Великодушная Принцеса вмѣстѣ съ пустынниками проливала слезы, и поднявъ Жакелину, взяла ее за руку и пошла къ ней въ домъ. Завтракъ показался очень вкусенъ; а по томъ гуляли по саду.

Въ половинѣ перваго часа Принцеса оставила пустынниковъ, и возвращаясь въ Форжъ, узнала къ удовольствію своему, что нѣтъ такого состоянія, въ которомъ не лзябъ было найти чувствительныхъ и великодушныхъ людей, въ числѣ которыхъ была она сама. Каменьщики,
спро-

спроившіе для пустынниковъ домъ, работали день и ночь, будучи оживляемы желаніемъ по возможности своей участвовать въ такомъ благодѣяніи, которое составляло счастье цѣлаго семейства. Построивъ домъ, ни одинъ человекъ изъ нихъ не взялъ денегъ, которые хотѣли имъ заплатить за работу. Не лзя было ихъ наградить иначе, какъ употребивъ въ другую работу, за которую заплатили имъ вдвое противъ той цѣны, которую они просили. —

Эта исторія очень пріятна, сказалъ Г. Чудинъ, когда Гж. Добролюбова окончила свое повѣствованіе: и я не такъ дивлюсь щедрости Принцесиной, какъ великодушію каменьщиковъ. И то бы удивительно было, если бы одинъ человекъ изъ работниковъ имѣлъ такое величіе души; но чтобы всѣ каменьщики согласились работать день и ночь единственно для участіе въ добромъ дѣлѣ, жертвовать трудами и временемъ, и потомъ спыдились бы взять деньги за работу свою — въ этомъ поступкѣ вижу я такую нѣжность сердца, такое великодушіе, такую добродѣтель — коротко сказать, я сомнѣваюсь, чтобы это въ самомъ дѣлѣ когда нибудь было; чтобы
люди

люди низкаго состоянія удобны были къ такимъ благороднымъ чувствамъ. — „Естьли же эшо слышала я опѣ шакаго человѣка, которой самъ былъ всему свидѣтелемъ, и котораго никакъ не лзя подозрѣвать, во жи?„ — И такъ я радуюсь, увѣряясь въ истинѣ эшова приключенія. — „Я всегда думаю, что добродѣтели, описываемыя въ произведеніяхъ воображенія, подлинно существуютъ. Героическія дѣла, копорымъ мы удивляемся въ Исторіи, показались бы намъ въ романѣ пустою выдумкою, совсемъ невѣроятною. Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ никакой добродѣтели, къ копорой бы не былъ удобенъ человѣкъ, естьли онъ послѣдуетъ первымъ движеніямъ своего сердца, видя передъ собою великіе примѣры.„

По шомъ всѣ разошлись спать. На другой день около вечера пошли прогуливаться, и домой возвратились уже въ самыя сумерки. Пётръ вошелъ первой на дворъ. Онъ увидѣлъ всѣхъ людей своихъ собравшихся вокругъ одного верьховаго, котораго лошадь была вся въ поту. Всѣ вдругъ говорили и повворяли имя опца его. Онъ бросился въ толпу: ему дали мѣсто и всѣ вдругъ закричали:

Ба-

Баринъ отсюда въ двухъ верстахъ! Петрѣ, будучи внѣ себя, подбѣжалъ къ верховому, копорой, увидя его, сошелъ съ лошади. Петрѣ узналъ камердинера своего отца, и по первому движенію бросился его обнимать и заплакалъ. Между тѣмъ подошла Госпожа Добролюбова съ дочерьми своими. Мать и дѣти тысячу разъ обнимали другъ друга, проливая радостныя слезы. Разспрашивающъ присланнаго, требуютъ карету, бѣгутъ понуждать кучера и садятся въ незапряженную карету. Наконецъ ѣдутъ, черезъ четверть часа карета останавливается, всѣ изъ нее выходятъ, и — нѣжнѣйшій супругъ и отецъ, послѣ долговременнаго отсутствія, бросается въ объятія супруги и дѣтей своихъ.

Сѣвъ въ карету, изъявляли они великую радость свою слезами и нѣжными объятіями. Ночь была такъ темна, что не лзя имъ было видѣть другъ друга въ лице. Когда вошли въ домъ, радость еще умножилась. Г. Добролюбовъ не могъ насмотрѣться на Петра, Елисавету и Каперину. Какой отецъ по долговременномъ отсутствіи не находитъ, что дѣти спали гораздо прекраснѣе! Г. Добролюбовъ удивлялся, какъ дѣти его въ ко-

ропкое время могли шакъ вырости. Сѣ другой стороны сѣ несказаннымъ удовольствіемъ видѣли, что военныя безпокойства не произвели никакой перемѣны въ лицѣ Г. Добролюбова, и что онъ былъ совершенно здоровъ.

Просидѣли до самой полуночи; а на другой день вспали дѣши на самомъ разсвѣтѣ, не могли спать отъ радости почти всю ночь. За завтракомъ Г. Добролюбовъ объявилъ, что важныя дѣла опзываютъ его въ Москву, и что черезъ два дни надобно имъ выѣхать изъ села Уединеннаго. Сія вѣдомость опечалила дѣшей; но Г. Добролюбовъ утѣшилъ ихъ обѣщаніемъ пріѣзжать въ деревню всякой годъ на нѣсколько мѣсяцевъ. Петръ и сестры его не могли безъ слезъ разстаться съ деревнею. Николай сѣ великою горестію прощался сѣ опцемъ, матерью и маленькимъ братомъ. Наконецъ поѣхали. Дорогою мало помалу дѣши развеселились; а пріѣхавъ въ Москву, забыли всю грусть и по прежнему спали веселы.

Живя въ городѣ, дѣши наши не перемѣняли главныхъ своихъ упражненій: поучительные разговоры продолжались, и ка-
ждой

ждой день часа по четыре употребляли на чтение полезныхъ книгъ. Часто прогуливались въ садахъ и ѣздили въ поле. Правда, что въ такихъ прогулкахъ дѣши всегда съ горестію воспоминали луга и рощи села Уединеннаго, сіи природныя просвѣты красоты, которыя для неиспорченнаго сердца пріятнѣе всѣхъ хитро выдуманыхъ украшеній искусства. Дѣши любивъ рисовать, любили и разсматривать картины: и такъ Гж. Добролюбова часто ѣздила съ ними къ Г. * * *, у котораго собрано множество славныхъ картинъ и эстамповъ. Она прилѣжно разсматривала съ ними красоты каждой картины, и толковала имъ правила живописи. Между тѣмъ читала съ ними Французскую книгу, подъ заглавіемъ *Extrait des différens Ouvrages publiés sur la vie des Peintres*, par M. P. D. L. F. которая можетъ быть весьма полезна для желающихъ имѣть хорошее понятіе о живописи. Въ театрѣ ѣздили рѣдко, и только тогда, когда были представляемы шворенія философическихъ драматическихъ Авшоровъ, искусною кистію изображавшихъ сердце человеческое. Каждую недѣлю посѣщали они богатой Натуральной Кабинетъ одного родственника своего.

Любезныя дѣти! говаривала Гж. Добролюбова: ешлы вы хошите щасливо жись въ городѣ и никогда не знашь скуки, то берегитесь разсѣянiя, котораго многiя люди ищутъ, но которое есть врагъ сердечнаго спокойствiя и просвѣщенiя разума. Разпроспраяйте свои знанiя, любите науки, любите художества. Между шѣмъ желаю, чшобы городскiя упражненiя не изпребили любви вашей къ сельской жизни, и чшобы сердце ваше всегда вспоминало *деревенскiе вечера* и всѣ невинныя забавы села Уединеннаго.

Госпожа Добролюбова сказала нѣкогда своимъ дѣтямъ, чшо она сочинила для нихъ нравоучительныя сказки, копорыя дастъ имъ чшпать погда, когда онѣ будутъ постарѣе. И такъ черезъ нѣкоторое время отдала она имъ нѣсколько сочиненныхъ ею сказокъ, сказавъ: впредь можете вы чшпать сказки прiятнѣйшiя моихъ; однакожь и въ моихъ найдете *нравоученiе* и *истину*. — Сiи повѣсти слѣдуютъ по порядку.

ДАФНИСЪ и ПАНДРОЗА,

и л и

ОРЕАДЫ, ш. е. ГОРНЫЯ НИМФЫ,

Мифологическая правоучительная сказка.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Венера, богиня любви, мать Купидонова.

Купидонъ, богъ любви.

Меркурій, сынъ Юпитера и Майи.

Дриада, дочь Фаунуса (*), богиня цѣломудрія. Мущинамъ не позволено было присутствовать при жертвахъ, ей приносимыхъ. Она была въ числѣ сельскихъ божествъ; въ городахъ ее почитали, однакожь
Е 3 жила

(*) Фаунусъ, сынъ Пикусовъ, установилъ публичное служеніе Сатурну, дѣду своему, и включилъ въ число боговъ отца своего и Фауну, жену и сестру свою. Онъ самъ былъ почтенъ богомъ. Жена его почиталась первою изъ богинь Фаунъ, которыхъ наиболѣе спрашивали о будущемъ. Феи заступили наконецъ мѣсто Фаунъ. *Dict. de la Fable.*

жила она только въ лугахъ, лѣсахъ и горахъ.

Дафнисъ, пастухъ Сицилійской, сынъ Меркуріевъ и любовникъ Пандрозинъ.

Пандроза, одна изъ Ореадъ, то есть горныхъ Нимфъ.

Циниска, дочь Архидамаса. Она первая получила награжденіе на Олимпійскихъ играхъ, обскакавъ всѣ колесницы; почему оказывалась ей великая честь. Dict. de la Fable. Хотя въ семъ Лексиконѣ и не сказано, что она была дочь Спартанскаго Царя Архидамаса; но всѣ древніе писатели, говоря о Цинискѣ, сіе утверждаютъ.

Большая часть дѣйствія происходитъ въ Сициліи; сцена на горѣ Этнѣ, гдѣ Пандроза была Нимфою.

Мрачная и тихая ночь царствовала во вселенной. Фебъ въ объятіяхъ Фе-пиды забылъ Олимпъ и смертныхъ, и сестрѣ своей оставилъ попеченіе освѣщать міръ.

Сія нечувствительная богиня не охотно изливаетъ на міръ свѣтъ свой; она презираетъ, ненавидитъ любовь, хотя ея крохотное и нѣжное сіяніе благопріятствуетъ оной. Уже блискаетъ на небѣ несчастный Оріонъ, жертва дерзосной любви (*); онъ ожидаетъ той минуты, въ кошорую Діана, въ медленномъ и размѣренномъ своемъ печеніи, должна къ нему приблизиться. Уже показывается Нимфа, Юпитеромъ любимая, и младый

Е 4

сынъ

(*) Гомеръ приписываетъ смерть Оріонову ревности Діаниной. Едва прекрасная Аврора, говоритъ онъ, съ пріятностію взглянула на юнаго Оріона, возгорѣлась ревность въ сердцѣ Діаниномъ; смертоносными стрѣлами своими лишила она жизни Оріона, къ несказанной Авроринной горести. — Наконецъ Діана, сожалѣя о смерти прекраснаго Оріона, выпросила у Юпитера, чтобы онъ вознесъ его на небеса, гдѣ составитъ онъ блистательнѣйшее созвѣздіе.

сынъ ея, Аркасъ. Чувствительная Андромеда является подлѣ своего возлюбленнаго. Свѣплѣ всѣхъ сіяетъ звѣзда Венерина. На небѣ и на землѣ все дышетъ любовію; все изображаетъ ея могущество. Гордая Діана, видя сіе, воздыхаетъ; но обращая взоры свои на прекрасный островъ Пафосъ, на нѣсколько минутъ утѣшается, видя памѣ врага своего, Купидона, проливающего слезы на колѣняхъ у своей матери; во всѣхъ окрестныхъ рощахъ опзываются вздохи и вопль его; сердце его есть сердце упрямаго младенца: стараяся его утишить, болѣе его раздражаетъ. Венера, желая утѣшить Купидона, напрасно его ласкаетъ и прижимаетъ къ сердцу своему; онъ пропившя ласкамъ ея, и хотѣтъ вырваться у нее изъ рукъ; гореснь его, отъ гнѣва производящая, увеличивается болѣе и болѣе. Наконѣцъ сама Венера раздражилась, отшполкнула его и съ гнѣвомъ ему сказала: упрямой, злой младенецъ! уже ли ласки и снизхожденіе будуще всегда умножатъ твое сердце? . . . Но я знаю причину такой великой гореспи; ты конечно не могъ причинить столько безпорядка и смятенія, сколько тебѣ хотѣлось. Ссоришь боговъ и смертныхъ есть твоя забава,

бава, швое веселіе. Коварныя швои слезы шекушъ только отъ злобнаго сожалѣнія, что ты не сдѣлалъ столько зла, сколько сдѣлать его намѣревался. — Сіи слова усмирили Купидона; съ покорнымъ и нѣжнымъ видомъ подходитъ онъ къ Венерѣ, копорая простираетъ уже къ нему руки свои. Богиня попихоньку опираетъ слезы его божественнымъ покрываломъ, развѣвающимся на прекрасныхъ волосахъ ся. Неблагодарный! сказала она: мнѣ бы не надлежало уже любить тебя: но какое сердце не смягчилось слезами Купидоновыми! Ты печалишься, воздыхаешь, и гнѣвъ мой исчезаетъ. Ахъ! удовольствіе прощать тебя награждаетъ меня за горестъ, причиняемую швоею неблагодарностію. Говори, открой мнѣ свою печаль: сердце мое раздѣлитъ ее съ швоимъ сердцемъ.

И такъ, отвѣпспвовалъ Купидонъ, выслушай сію печальную повѣсть. Ты знаешь, что я все сдѣлалъ для Дафниса, любимаго сына Меркуріева. Есть ли въ Сициліи какойнибудь другой паспухъ, копораго бы можно было сравнить съ Дафнисомъ? Едва ли самъ Аполлонъ и Музы осмѣляются спорить съ нимъ о превозходствѣ въ пѣніи; богъ краснорѣчія сообщилъ

шилъ ему драгоцѣнный даръ убѣждать умы и шюгать сердца: но Дафнисъ мнѣ одному обязанъ щаспливымъ даромъ прельщать — увы! бесполезное благодѣяніе! Правда, что всѣ Сицилійскія пастушки стараются пріобрѣсть славу нравиться Дафнису, и тысячи прекрасныхъ Нимфъ ищутъ любви его; но одна Нимфа пронзила сердце его стрѣлами своихъ прелестей, а мои стрѣлы не могутъ проникнуть въ ея сердце. Между рѣзвыми Нимфами, обипапельницами страшной горы, гдѣ день и ночь слышанъ стукъ молотовъ работающихъ Циклоповъ (*), прекраснѣйшая Ореада, Пандроза, богинямъ подобная, любима Дафнисомъ, но — сама его не любитъ. Тщетно Дафнисъ помится и воздыхаетъ. Гордая Нимфа презираетъ его любовь и не хочетъ слушать его пѣсней; она убѣгаетъ Дафниса и смѣется надъ Купидономъ! . . . Ахъ! когда красота спроитъ мнѣ олшари, получая отъ меня свое могу-

(*) Поэты говорятъ, что Вулканова кузница находится въ нѣдрахъ горы Эшны, и что Циклопы безпрестанно куютъ шамъ громовыя стрѣлы для Юпишера.

могущество, и посредствомъ меня прославляяся: по чего же не имѣлъ я права пребывать ошъ Пандрозы! Но неблагодарная не познаетъ моихъ благодѣяній, презираетъ мое могущество. Она предпочитаетъ мнѣ гордую Діану и суровую Дріаду. Дочь Фаунуса шоржесивуетъ надо мною; она умѣетъ привлечь Пандрозу въ сельской гротъ свой. Пандроза обожаетъ ее, и пребуетъ у нее во всемъ совѣта; съ удовольствіемъ слушаетъ печальные уроки свирѣпаго разсудка, и сердце ея не чувствительно ко всѣмъ прелестямъ Купидона. О Венера, дражайшая родительница! могу ли я носить такую ужасную обиду, такой чрезмѣрной стыдъ? — Окончавъ свои жалобы, богъ любви бросился въ объятія къ своей матери. Божественное лице его омочено слезами, съ которыми Венера смѣшиваетъ свои слезы: подобно сему при возхожденіи Авроры блистательная царица цвѣтовъ, окропленная бальзамическою росою, изливаетъ ее въ видѣ жемчужныхъ капель на разпускающійся подлѣ нее цвѣтокъ — такъ чувствительная Венера лила слезы свои на лице прелестнаго Купидона.

Утѣшься, сынъ мой, съ нѣжностію сказала она ему: не бойся ничего. Развѣ ты не увѣренъ въ своей побѣдѣ, еслыли только заставишь себя выслушать? Умѣя принимаешь на себя различные виды, почему являешься тебѣ робкой Пандрозѣ въ страшномъ для нее образѣ? Тогда бываешь ты гораздо опаснѣе, когда перемѣняешь свой образъ. Сколько разѣ обманывалъ ты своимъ припворствомъ безсмертныхъ, и даже самаго Юпитера? Гораздо легче будешь тебѣ обмануть Дриаду и Пандрозу: Сокрой убивственныя свои стрѣлы, лукъ и колчанъ свой; особливо сокрой крылья свои — и ты вѣрно возторжествуешь. — При сихъ словахъ Купидонъ улыбнулся и развеселился. Обнявъ Венеру, быстро поднимается на воздухъ и направляетъ дерзостный полетъ свой къ щастливымъ берегамъ Арсеузы (*).

Уже

(*) Арсеуза была одна изъ подругъ Дианиныхъ. Однажды, купавшись въ прозрачномъ ручейкѣ, увидѣла она приближающагося къ ней Алфея, своего любовника; она хотѣла уйти, но видя, что Алфей догоняетъ ее, просила помощи

Уже возходитъ багряная Аврора и позлащаетъ небо. Едва разлился по вселенной первые лучи крохкаго свѣта ея, Натура пробудилася, цвѣты разпустились и наполнили воздухъ благовои-емъ. Въспрѣнный любовникъ Флоринъ потрясаетъ листочки и играетъ въ пушистомъ шпротникѣ (*). Нѣжная Филомела (**). воз-
пѣзаетъ

у Діаны, которая и презрашила ее въ ручей, и нынѣ еще въ Сициліи находящійся.

(*) Зефиръ былъ любовникъ и супругъ Флоринъ.

(**) Филомела, дочь Аѳинскаго царя Пандіона, была несчастнымъ предметомъ гнусной спраспи Теря, царя Фракійскаго, мужа сестры ея, кошорой, будучи всегда мучимъ совѣстію, рѣшилъ спрѣзашь у нее языкъ и запереть ее въ одномъ старомъ замкѣ, сказавъ женѣ своей, что Филомела умерла. Черезъ годъ Филомела нашла случай увѣдомишь сестру свою о поступкѣ Тереевомъ, пославъ къ ней покрывало, на которомъ начерпала она печальную свою повѣсть. Прогнея, сестра ея, получивъ покрывало, возпылала мщеніемъ, и пользуясь праздникомъ Вакховымъ, въ которой женщ-

ини

пѣваетъ жалкимъ и прогашельнымъ голо-
сомъ гармоническія свои пѣсни. Эхо (*)
опвѣщ-

щины бѣгали по полямъ, пошла она въ
пошъ замокъ, гдѣ была саспра ея,
взяла ее съ собою и скрыла въ своихъ
черпогахъ; по томъ умершвила сына
свсего, велѣла сварить его шѣло и по-
спавишь на столъ въ обѣдѣ, которой
она давала своему мужу. Въ концѣ
сего обѣда вбѣжала Филомела и бросила
на столъ голову младенцову. Терей
хошѣлъ ихъ умершвишь въ ярости сво-
ей; но онѣ побѣжали отъ него, и
филомела была превращена въ соловья,
а Прогнея въ ласточку.

- (*) Нимфа, которой Юнона запретила гово-
рить, позволивъ ей только опвѣчать на
вопросы, и по крашко; для шого что она,
спссобшвуя Юпигеру въ любовныхъ-его
дѣлахъ, спаралась безпрестанно говорить
съ Юноною, не давая ей примѣчать невѣр-
ности супруга ея; и которая, влюбясь въ
прекраснаго Нарцисса, вездѣ за нимъ тайно
слѣдовала, но видя себя всегда презираему
своимъ любовникомъ, сокрылась въ дре-
мучіе лѣса. Съ шого времени живешъ
она только въ пещерахъ и на камен-
ныхъ горахъ. Палимая огнемъ любви

отвѣтствуетъ на ея печальные шоны, и будучи подобно ей несчастно, находить удовольствіе въ повтореніи оныхъ. Все одушевляется, все чувствуетъ и живетъ.

Купидонъ съ высоты воздушной взираетъ на Сицилію, видитъ на вершинѣ Этны разсѣявшихся Ореадъ и узнаетъ между ими Пандрозу. Онъ удерживаетъ быспрошу полета своего и разсмаприваетъ Нимфу. Подобно спрашному орлу, надъ облаками парящему и устремляющему жадный и пронзительный взоръ свой на невиннаго голубя, копорой скоро будетъ его пищею — богъ Пафоса поржеспвовалъ въ сердцѣ своемъ, удивляясь виду чистосердечія, пріятности и красотѣ небесной Пандрозы. Нимфа зоветъ подругъ своихъ: всѣ собираются на голосъ ея, всѣ рѣзвыя и прелестныя Нимфы сходятъ съ горы и спѣшатъ ко грошу Дріадину. Тогда Купидонъ, слѣ-
дуя

и перзаемая горестію, впала она въ смертное разслабленіе, и пакъ высохла, что остались на ней однѣ коспи, и только голосъ ея слышанъ; по шомъ и коспи превратидись въ камни, и только одинъ голосъ у нее осшался.

дуя совѣту Венерину, перемѣняетъ свой образъ и принимаетъ на себя видъ юной и опкровенной Корониды, любезной Пандрозиной подруги, и дерзосно сходитъ въ священный гротъ, куда входъ ему всегда запрещенъ былъ.

Въ семъ мирномъ мѣстѣ, пихомъ прибѣжище невинности и щастія, всякой предметъ оскорблялъ взоры Купидоновы. Гротъ, устроенный богинею, представляется удивленному оку величественнымъ храмомъ, великолѣпнымъ при видѣ сельской простоты. Алебастровые столпы, украшенные множествомъ вѣнковъ, изъ лавровъ и незабудокъ сплетенныхъ, поддерживающъ зданіе; стѣны сдѣланы изъ Паросскаго мрамора удивительной бѣлизны; божественная рука начерпала на нихъ исторію добродѣтельныхъ женъ, которыя были украшеніемъ своего пола, честію и славою отечества свдего. На мраморѣ изображающся сіи великодушныя Героини, пожертвовавшія собою благу общественному. Представляются дочери Аншипенусовы, охотно лишающіяся жизни для благоденствія Фивъ, и храбрыя Гіациноиды, такой же примѣръ являющія; изъ пепла страшнаго костра, на коемъ были сожжены дочери Эхіоновы, воспашъ

юшѣ двое увѣнчанныхъ юношей: — сла-
вное и великое чудо, явленное безсмерт-
ными для почтенія добродѣтели и ушѣ-
шенія несчастнаго отца (*).

Подлѣ сихъ Героинь представляются
нѣжныя дочери, излѣ любви къ родител-
ямъ пожертвовавшія жизнью своею: семь
дочерей Альціоновыхъ, которыя, не мог-
ши жить по смерти своего отца, броса-
Ются

(*) Дочери Аншипенусовы пошчасѣ лишили
себя жизни, какѣ скоро узнали опвѣтѣ
Оракула, что *Эивы* не освободятся излѣ
рукъ *Геркулесовыхъ*, естли кто ни-
будь излѣ славнѣйшей фамиліи не согла-
сится принести влѣ жертву жизньъ свою.

Дочери *Эрехтея*, царя *Аѣинскаго*,
пожертвовавѣ жизнью благо опечества
своего, были названы *Гіациндами*, по
тому мѣсту, гдѣ онѣ были принесены
влѣ жертву, и которое называлось *Гіа-
цинномѣ*. Ихлѣ называютлѣ и *дѣвцами*.

Двлѣ дочери *Эхіоновы*, которой быллѣ
царемлѣ влѣ *Эивахлѣ*, рѣшились для умилос-
спивленія боговлѣ, помившихлѣ всю страну
долговременною засухою, жертвовать
своею жизнью. Излѣ пепла ихлѣ возспали
двое увѣнчанныхлѣ юношей, которые
прославили великодушную смерть сихлѣ
Героинь.

юпся въ море; прекрасная Эригона, лишающая себя жизни подлѣ гроба Икарова; прелестная Гипсипила, подвергающаяся опасности лишиться престола и жизни для спасенія Эоаса отъ ярости женъ Лемносскихъ. Мужественная Гарпалиса, Палладѣ подобная, изображается среди кровопролитнаго сраженія; она презираетъ всѣ опасности и самую смерть, которая въ различныхъ видахъ ей представляется; она смотритъ на одного опца своего, бросается впередъ его и хочетъ сама подвергнуться тѣмъ ударамъ, которые на него спремются; наконецъ вырываетъ его изъ рукъ непріятелей и со славою провождаетъ во Эракію. Между сими Героинями видны и нѣжныя сестры юнаго Гіаса, безразсуднаго Эракію и Мелеагриды (*). Любезная богиня цѣломудрія
сѣ

(*) Альціонъ былъ исполинъ, братъ Порфиріона. Онъ умертвилъ дватцать семь Геркулесовыхъ воиновъ, и самъ былъ умерщвленъ симъ Героемъ. Семь юныхъ дочерей его были смертію его споль тронушы, что изъ отчаянія бросились въ море, гдѣ были превращены въ Алціонъ, нѣкотораго рода птицу.

еѢ большимѢ еще спараніемѢ изобразила
добродѣтельныхъ НимфѢ, которыя избѣ-
Ж 2 жали

Эригона повѣсилась на деревѢ, свѣ-
давѢ, что лишился жизни отецѢ ея, о
смерти кошораго узнала отѢ Меры, со-
баки Икаровой, лаявшей всегда на мо-
гилѢ Господина своего. Сія Эригона
была любима БахусомѢ, копорой, же-
лая прельстить ее, превратился вѢ
виноградную кистѢ. Поэты выдумали,
что она была превращена вѢ созвѣдіе,
называемое *дѣвицею*. ВошѢ причина
смерти Икаровой: онѢ напоилѢ виномѢ
поселянѢ, которыя не знали сего питья;
другіе поселяне, увидя ихѢ пьяныхѢ,
подумали, что они напоены ядомѢ, и
умерщвили за то Икара. ПослѢ сего
всѢ жены сихѢ поселянѢ пришли вѢ
бѣшенство, которое продолжалось до
шого времени, какѢ ОракулѢ повелѢлъ
учредить праздниства вѢ честь Икару.
ОтѢ сего произошли Икарскія игры,
которыя состояли вѢ балансированіи на
веревкѢ, привязанной кѢ двумѢ дере-
вамѢ; вѢроятно, что сіе дѣлалось вѢ
память плачевной Эригоной смерши.
Мера, Икарова собака, показавшая гробѢ
его, была превращена вѢ созвѣдіе,
называемое *собакою*, а ИкарѢ вѢ звѣзду,
кошо-

жали всѣхъ сѣшей Купидоновыхъ: Панопу,
Ареѳузу, Сиринксу и прекрасную Дафну;
Туцію

которая по мнѣнію многихъ есть *воотесъ* или *пастухъ*. — Былъ другой Икаръ, сынъ Дедалусовъ. Отецъ Пенелопы также Икаромъ назывался.

Когда Лемносскія жены умертвили мужей своихъ и всѣхъ муштинъ, по Гипсипила, спасая отца своего Тсаса, сказала, что его умертвила, но въ самомъ дѣлѣ скрыла его. Язонъ, отправясь завоевать златое руно, прислалъ къ острову Лемносу, и женился на Гипсипилѣ, которая избрана была Царицею. Язонъ оставилъ Гипсипилу для Медин. Когда же Лемносскія жены узнали, что Гипсипила спасла своего отца, то онѣ выгнали ее изъ своего острова. Она попала въ руки морскимъ разбойникамъ, которые продали ее Ликургу, Царю Немейскому. Сей царь поручилъ ей воспитаніе сына своего Архемора. Однажды Гипсипила посадила маленькаго Принца на траву, называемую дикою пепрушкою, а сама пошла показашъ источникъ пѣмъ Принцамъ, которые шли осаждашъ Эивы. Въ сіе время змѣя ужалила Принца, отъ чего онъ и умеръ. Ликургъ хошѣлъ

Туцію и Клавдію, споль любезныхъ Веспѣ;
Анаксибію, любимую Діаною; Болину,
Ж 3 копо-

шѣлъ наказашъ Гипсипилу за ея небреженіе; но Аргивы взяли ее подѣ свое покровительство. Въ память сего приключенія учредили Немейскія игры, которыя праздновались каждыя три года. Побѣдители надѣвали шраурѣ и увѣнчивались дикою пепрушкою.

Гарпалиса была дочь Гарпаликуса, Царя нѣкопорою часпи Эракіи. Когда отецъ ея въ одномъ сраженіи былъ подверженъ великой опасности и уже раненъ рѣкою Неоптолема, тогда Гарпалиса приспѣла къ нему на помощь, освободила его отъ опасности, и обратила въ бѣгъ войско Неоптолемово. Она весьма искусно управляла конями на бѣгу, и пошому была славна. — Были еще двѣ Гарпалисы: исторія одной наполнена злодѣянїями; а другая умерла отъ горести, не могши прїобрѣсти любви Ификлуса, въ котораго она влюблена была.

Гіады, дочери Апласовы и Эерїнны, были шакъ названы по имени брата ихъ Гіаса, котораго онѣ весьма нѣжно любили, и котораго смерть погрузила ихъ въ неутѣшную печаль. Воги, про-
нушыя

кошорая была нечувствительна къ любви
наипрекраснѣйшаго изъ всѣхъ боговъ. Сія
послѣдняя изображена бросающаяся въ мо-
ре, желая избавишься оцѣ гоненій Апол-
лоновыхъ, и думая лишиться несносной
жизни; но любовникъ ея, съ горестію
чувствуя великую добродѣтель ея, и
весьма ее почитая, проситъ Юпитера, и
Нимфа оживаетъ: будучи достойна жить
на Олимпѣ, принимаетъ она даръ без-
смертія (*).

Дрі-

нушыя ихъ горестію, превратили ихъ
въ звѣзды. — Другіе повѣствуютъ,
что Гіады были Нимфы, кошорыхъ
Юпитеръ превратилъ въ звѣзды, спасая
ихъ оцѣ гнѣва Юноны, хочѣвшей на-
казать ихъ за то попеченіе, кошорое
имѣли онѣ о воспитаніи Бахусовомъ.

Сестры Фаэтоновы были Геліады,
дочери Солнцевы и Клименены. Ихъ
было три: Лампезуза, Лампеція и
Фаезуза. Онѣ были превращены въ
щополы, а слезы ихъ въ янцарь.

Мелеагриды столько плакали о смер-
ти брата своего Мелеагра, что боги
превратили ихъ въ курицѣ.

(*) Панопа, одна изъ Нереидъ или мор-
скихъ Нимфъ, прославилась мудростію

Дріада изобразила вѣ храмѣ своемѣ
и нѣжныхъ матерей, добродѣтельныхъ

Ж 4

вѣр-

и чистотою нрава своего. Она была вѣ числѣ тѣхъ божествъ, копорыхъ называли Липтораями, или божествами берега: имя, произшедшее отъ того, что древніе, вышедъ на берегъ, по своему обыкновенію потчасъ исполняли тѣ обѣщанія, копорые дѣлали они на морѣ. — Была другая Панопа, на копорой женился Геркулесъ, и отъ копорой былъ у него сынъ Панопъ.

Туція и Клавдія были Веспалки. Туція, будучи почитаема преступницею, доказала невинность свою тѣмъ, что рѣшетомъ почерпнула воды вѣ Тибрѣ и принесла ее вѣ храмъ Веспинъ. Клавдіна добродѣтель была вѣ подозрѣніи, но Веста сдѣлала чудо, чтобы доказать ея цѣломудріе. Клавдія одна поясомъ своимъ пошянула корабль, на коперомъ была спашуя матери боговъ, изъ Фригійи везенная, и копорой, вошедъ вѣ Тибрѣ, остановился, такъ что многія тысячи людей не могли спастись его съ мѣста.

Анаксабія была Нимфа, копорая исчезла вѣ Діаниномъ храмѣ, куда она ушла отъ Аполлона.

Вѣ

вѣрныхъ супруговъ. Представляются Пенелопа, Артемиза, Андромаха, Алціона и великодушная Алцеста, въ важнѣйшихъ случаяхъ жизни ихъ; несчастная Аргія, отдающая послѣдній долгъ супругу своему; Лаодамія, лишаящаяся жизни при явленіи Протезилаевой тѣни и слѣдующая за сею любимую тѣнію въ царство мертвыхъ. Не много подалѣе видны Арганеона и Каненсъ, снѣдаемыя вѣрстію; несчастная Клиція, свергающая съ себя бремя жизни; мужественная и вѣрная Эвадна, бросающаяся въ пламя, ея супруга пожирающее (*). Во множествѣ женъ,

Въ число сихъ цѣломудренныхъ Нимфъ можно еще включить Нимфу Эа, которая, бѣжавъ отъ рѣки Фазиса, просила боговъ о помощи и была превращена въ островъ; Корониду, которую Минерва превратила въ ворону, чтобы избавить ее отъ гоненій Нептунныхъ, и проч. Сія Коронида не есть та, которую любилъ Аполлонъ, и которая родила Эскулапія.

- (*) Аргія была дочь Адраспова и жена Полинисова, котораго шурѣ ходила она искать съ Антигоною, чтобы отдать ему послѣдній долгъ; за сіе же Кре-

женъ, которыя прославились материнскою нѣжностію, примѣшнѣе прочихъ чувствительная Пирена и Нимфа, родившая Цикнуса. Несчастное пушешествіе Арго-

Ж 5 нав-

Креонъ столь озлобился, что онъ ихъ обѣихъ умертвилъ: но Аргія была превращена въ источникъ сего имени.

Лаодамія умерла, увидя тѣнь своего супруга Промезидая, съ которымъ она весьма желала видѣться. Была другая Лаодамія, дочь Беллерофонова, которую любилъ Юпитеръ. Діана заспѣлила ее за ея гордость.

Арганеона, жена Резусова, была столь пронута смертію мужа своего, убитаго при осадѣ Трои, что опъ горести умерла. Каненсъ, или Каненша, жена Пикусова, столь крушилася по смерти супруга своего, что мало по малу совсѣмъ исчезла.

Клипа, дочь Меропина, не хотѣвъ пережить супруга своего, удавилась.

Эвадна была дочь Марсова, а по извѣстію другихъ дочь Ифисова и Оивина. Она была нечувствительна къ любви Аполлоновой и вышла за мужъ за Капанеуса. Когда же мужъ ея при осадѣ Эиеъ за безбожіе свое былъ убитъ громомъ, Эвадна бросилась на костеръ, на которомъ сожигали тѣло его.

навповѣ! ты опнимаешь жизнь у нѣжнѣйшей матери! Амфинома не можетъ сносить отсутствія Язона: она вонзаетъ кинжалъ въ сердце свое! . . . Каллипапира, мать столь же нѣжная, но гораздо щасливѣйшая, презираетъ тысячи опасностей, чтобы слѣдовать за сыномъ своимъ на Олимпійскія игры и насладиться удовольствіемъ видѣть его увѣнчаннаго (*). Въ задней сторонѣ храма богиня поставила спашуи любезныхъ ей богинь:

(*) Когда Ценхрея, дочь Нимфы Пирены, нечаянно была умерщвлена дропикомъ, которой Діана бросила въ дикаго звѣря, Пирена пролила столько слезъ о смерти ея, что была превращена въ источникъ. — Другіе Азторы говорятъ, что Пирена была Принцеса, дочь Бебрикса, Царя той части Гишпаніи, которая граничитъ съ Франціею; что она была похищена Геркулесомъ, которой удалясь отъ нее однажды на нѣкоторое время, по возвращеніи своемъ нашелъ ее умерщвленную и разщербленную дикими звѣрьми; что онъ погребъ ее на одной изъ тѣхъ горъ, которыя съ того времени называются Пиринейскими горами.

Гирія,

гинъ: вѣрной дружбы, величественной Весты и двухъ безсмертныхъ сестръ, Калліанасы и Калліаниры, пекущихся о чистотѣ нравовъ. Купидонъ въздыхаетъ и негодуетъ, что сіи мирныя богини ему предпочитаются. Съ большею еще досадою видитъ онъ прекрасную и цѣломудренную Дріаду, окруженную всѣми Нимфами водъ, горъ, лѣсовъ и луговъ (*).
Боги-

Гирія, Аркадская Нимфа, такъ плакала о сынѣ своемъ Цикнусѣ, которой бросился съ каменной горы, не могши у одного друга своего выпросить вола, что вся въ слезахъ разлилася, и была превращена въ озеро, которое называлось ея именемъ.

Каллипашира въ образѣ учителя экзерциціи провожала сына своего на Олимпійскія игры, при которыхъ не позволено было присутствовать женщинамъ; но ее узнали по радостному восторгу, въ которой она пришла, увидя сына своего побѣдившаго прочихъ. Судьи простили ее; но утвердили закономъ, чтобы впредь всѣ учителя экзерциціи были наги, такъ какъ и сражающіеся.

(*) Эфидриды суть Нимфы озера; Меліады и Эпимелиды суть тѣ Нимфы, которыя

Богиня сидитъ на престолѣ, состоящемъ изъ зелени и цвѣшовъ. Величественная лилія и смиреннѣя фіялка растутъ вокругъ нее и подъ ногами ея. Бѣлѣйшее покрывало сокрываетъ часть лица ея, и волнистыми сгибами виситъ по ея плечамъ и спиѣ. Самъ Купидонъ принужденъ удивляться блеску ея свѣжести, прогашельной пріятности и кропкому величеству, на лицѣ у нее сіяющему. Онъ горитъ желаніемъ приближиться къ Дриадѣ и вблизи разсмапривать ее; но новое для него чувство удерживаетъ его: богиня непонятною для Купидона силою влечетъ его къ себѣ, но приближаться не позволяетъ.

Между тѣмъ Нимфы разсѣялись въ грошѣ. Пандроза приходитъ и садится у ногъ богининыхъ. Купидонъ, не опходя отъ Пандрозы и не оставляя Коронидина образа, садится подлѣ нее. Тогда Дриада даетъ Нимфѣ полезныя на-
спа-

рыя пекутся о стадахъ; Лимніады болотныя Нимфы; Лимоніады Нимфы цвѣшовъ и луговъ; Герезидами назывались тѣ Нимфы, которыя служили Юнонѣ, когда она купалась; а Попамидами рѣчныя Нимфы, и проч.

ставленія и пріятнымъ голосомъ говоритъ ей: дражайшая Пандроза! остерегайся всегда сѣшей Купидоновыхъ. Не тогда бываетъ онъ наиболѣе спрашенъ, когда является въ своемъ видѣ: онъ ужаснѣе тогда, когда сокрывается. Такимъ образомъ побѣдилъ онъ Меланеу, Левкопрою и прекрасную Помону (*). Онъ торжествуетъ посредствомъ обмановъ, производя суешныя мечты; обѣщая существовавшее благополучіе, дѣлаетъ всѣхъ несчастными. — Такъ говорила Дриада. Пандроза обѣщаетъ слѣдовать совѣщаніямъ ея, а Купидонъ улыбается. Невинная Нимфа призываетъ подругъ своихъ, и опершись съ надежностію на плечо опасной Корониды, оставляетъ грошъ Дриадинѣ.

(*) Меланез была любима Нептуномъ, кошорой, чшсбы похитишь ея, принялъ на себя образъ Дельфина. Левкопоя, дочь Орхама и Эвриномы, была любима Аполлономъ, кошорой явился ей въ образѣ Эвриномы. Клиція, ея совмѣстница, увѣдомила Орхама, что Аполлонъ любовникъ его дочери, за что онъ погребъ Левкопю живую. Аполлонъ превратилъ ее въ дерево, кошорое производитъ ладонъ.

адинъ. Едва только вышла она изъ сего священнаго мѣста, вдругъ почувствовали въ сердцѣ своемъ новое безпокойство. Смятенная и погруженная въ глубокое размышленіе, слѣдуетъ она за ведущимъ ее Купидономъ, кошорой удаляетъ ее отъ подругъ, ведетъ по пущамъ цвѣтами усѣяннымъ; но среди сихъ неизвѣстныхъ дорогъ съ ужасомъ видитъ Пандроза крушья спремнины и глубокія пропасти. О Коронида! сказала она слабымъ и дрожащимъ голосомъ: куда ведешь меня? Мы на Эпнѣ, ошвѣстствовалъ Купидонъ: смотри на сей дымъ, поднимающійся густыми облаками: мы приближаемся къ вершинѣ горы. Успокойся, прелестная Нимфа! да и чего тебѣ бояться? — Сама не знаю, ошвѣстствовала Пандроза: но никогда не чувствовала я въ себѣ такого волненія, какое теперь ощущаю. Гдѣ наши подруги? Пойдемъ къ нимъ. — Пандроза хочетъ кликнуть Поликсу, Димаду, Фалу, любезнѣйшихъ подругъ своихъ; но шедши весьма скоро и безпокойными дорогами, такъ упомялась и ослабѣла, что не могла громко кликнуть. Купидонъ зоветъ ее успокоиться въ миршовой и розовой лѣсокъ, находящійся близъ ужасной пропасти, во глубинѣ кошорой черные Ци-

КЛОПЫ

клопы куяшъ для Юпитера громовыя стрѣлы. Пандроза оспанавливается и садится на мураву. Она не можетъ повѣять, что происходитъ въ душѣ ея. Тщешно выгоняешъ изъ воображенія своего юнаго Дафниса! Она видитъ, слышитъ его; воспоминаетъ всѣ стихи, сочиненные Дафнисомъ для нее. Пріятныя звуки голоса и лиры любезнаго паспуха опзываются въ ея сердцѣ; она внимаетъ нѣжнымъ и сладостнымъ пѣснямъ его, отъ которыхъ прежде всегда бѣгала, подобно боязливой и легкой сѣрнѣ, только издалека слышащей звукъ рога и крикъ горячаго охотника, за нею гонящагося.

Пандроза пребываетъ въ молчаніи, погружаясь въ глубокую задумчивость. Купидонъ смотритъ на нее со злобною радостію. О Пандроза! говоритъ онъ ей: какъ прекрасны сіи мѣста! Какія пріятныя воспоминанія возбуждаются въ душахъ нашихъ! . . . Здѣсь, подлѣ сего лѣску, любезная дочь Церерина рвала цвѣты и плела вѣнки, когда страшный Царь ада предсталъ взорамъ ея. Здѣсь Купидонъ умѣлъ пронуть сердце сего свирѣпаго, непоколебимаго и жестокаго бога. Тщешно безразсудная Ціана хочетъ прошивишься восхищеніямъ, вліяннымъ

Любо-

Любовію! Она лишается жизни и превращается въ быспропекущую воду (*). Смотри, какъ рѣка сія мчится поперегъ цвѣшущихъ луговъ! Какъ пріяпно размышляеть на берегахъ ея! . . . Я слышу жалостный голосъ Ціаны; ея журчаніе, кажешся, говоритъ намъ: о Нимфы! спрашишесь прошивишесь Любви! . . . Тамъ видишь пы испочникъ Ареѳузу; Діана, превративъ Нимфу въ сей испочникъ, думала спасти ея опъ гоненій любовника ея; но Алфей, покровительствуемый Любовію, умѣлъ соединиться съ своею любовною (**). Посмотри, какъ сей ключъ бьетъ, какъ пѣнился вода его, упадаеть и спремится въ проспранное и глубокое море. Любовьъ причиною быспропы спруй его: спремительно мчитъ онъ Ареѳузу къ ея возлюбленному. Взгляни на сію каменную гору: подъ симъ величественнымъ

(*) Плутонъ на Эпнѣ похищилъ Прозерпину, которая рвала шамъ цвѣшы и плела вѣнки. Ціана, прошивившаяся похищенію, была превращена въ испочникъ.

(**) О семъ превращеніи упоминалось въ *деревенскихъ вѣсрахъ*, въ Альфонсовой Исторіи.

побою, Пандроза? продолжалъ Купидонъ: ты въ великомъ волненіи. Ахъ! сказала Пандроза: кажешся, что я слышу его голосъ. . . . Послушай, Коронида! Чей голосъ? спросилъ Купидонъ съ улыбкою. Голосъ пастуха, отвѣстствовала Пандроза покраснѣвши. Какого пастуха? спросилъ еще Купидонъ. О Коронида! сказала Пандроза: любезная Коронида! вчера говорила я о немъ съ побою безъ всякаго страха и замѣшательства; а теперь, не знаю для чего — не смѣю произнести его имени. Боги! голосъ приближается! . . . Ахъ! уйдемъ Коронида! — Поздно, Пандроза, поздно! воскликнулъ Купидонъ. Въ самую сію минушу явился Дафнисъ, приблизился къ смущенной Пандрозѣ и бросился передъ нею на колѣни. Тщешно Пандроза хочеть отъ него бѣжать: Купидонъ ее удерживаетъ. Нимфа жалуется на шакое насиліе; однакожь оспается и не сердится на мнимую подругу свою. Но слушавъ нѣсколько времени Дафниса, Пандроза вырывается изъ рукъ Купидоновыхъ. О Пандроза! воскликнулъ Дафнисъ: постой, не бѣги, прекрасная Нимфа! Ты хочешь смерти моей; ты меня ненавидишь: и такъ благодарю боговъ, что я не безсмертенъ! —

Такъ,

Такъ, Пандроза! естли ты меня не выслушаешь, то я брошусь въ сію глубокую бездну и окончаю несносную для меня жизнь. — Пандроза, почувствуя ужасъ, оспанавливается, но помъ съ препеномъ идешь за Купидономъ, которой въ торжествѣ ведешъ ее къ паспуху. Она слушаешъ жалобы Дафнисовы и пысячу разъ повпоряешъ ему, что она чувствуетъ къ нему одну нѣжную дружбу, и что никогда не будетъ его любовницею; однакожь паспухъ доволенъ, а Пандроза, расставаясь съ нимъ, общаетъ ему на другой день опять припши въ сей лѣсокъ, гдѣ заспигла ихъ ночь.

Какъ скоро показалась заря, Пандроза пошла къ Дриадѣ, будучи исполнена безпокойства и шерзаема печальнымъ предчувствіемъ. Она опкрыла ей сердце свое. Богиня вздохнула. И такъ, любезная Нимфа, Купидонъ прельстилъ наконецъ сердце твое! Да почувствуетъ опасный сынъ Меркуріевъ, да почувствуетъ Дафнисъ всю цѣну своей побѣды! Да возгорится свѣпильникъ Гименеевъ для общаго щастія вашего! Сей благоразумный и миролюбивый богъ не можетъ жить въ согласіи съ Купидономъ: онъ

требуетъ чувствъ поспорянныхъ, твердой, благоразумной любви; а Купидонъ вселяетъ только минушную любовь, любовь страшную и безразсудную (*).

Пре-

- (*) Всѣ почти Авшоры говорятъ, что Гименей былъ сынъ Вакховъ и Венеринъ; но нѣкоторые повѣствуютъ, что онъ былъ молодой Афинянинъ, весьма не знатнаго рода, но совершенной красоты. Онъ влюбился въ знаменитую дѣвицу, и чтобы быть съ нею вмѣстѣ, переодѣлся въ женское платье. Въ одинъ день, когда онъ въ семъ платьѣ гулялъ по морскому берегу съ своею возлюбленною и многими другими дѣвицами, торжествуя праздникъ Элевзинской Цереры, всѣхъ ихъ похитили морскіе разбойники. Они свезли ихъ на отдаленной островъ, гдѣ съ радости сами напились пьяны и заснули. Гименей вооружилъ дѣвицъ, и разбойники были всѣ умерщвлены. Сей юноша освободилъ на островѣ освобожденныхъ имъ дѣвицъ, и возвратясь въ Аены, требовалъ у родителей ихъ, чтобы ему позволено было жениться на любой изъ дочерей ихъ; на что они и согласились. Онъ женился на своей возлюбленной; и сей бракъ былъ сполна счастливъ, что послѣ при совершении
всѣ.

Препятствія, безпокойство и страхъ питающъ сію спрасвную любовь; она подобна слабому огню, кошорой въ минушу угаснетъ, какъ скоро перестанешь его раздувать. Но ошвратимъ взоры наши ошъ будущаго. Возьми, дражайшая Пандроза, сей залогъ нѣжности Дріадиной, сіе покрывало, сотканное руками моими, и носи его всегда; оно не можетъ правиться Купидону, но сдѣлаетъ тебя прелеснѣйшею въ глазахъ швоего супруга. — Тронутая Пандроза, ставъ на колѣни, принимаетъ священное покрывало, даръ любезной богини цѣломудрія, и со благоговѣніемъ покрывается онымъ. Покрывало, спустившись съ головы, закрываетъ ся прекрасные волосы, прелестный и величественный станъ; но оно придаетъ ей новую пріятность, и хотя сокрываетъ ошъ глазъ часть ея прелесшей, однакожь вообще увеличиваетъ красоту ея.

Пандроза, не смотря на свое обѣщаніе, не можетъ рѣшиться иппи въ

З 3

лѣ-

всякаго брака призывали всегда Гименя, кошораго по шомъ включили Греки въ число боговъ.

лѣсокѣ для свиданія съ Дафнисомѣ. Одна-
кожь она бѣгаетѣ своихѣ подругѣ; ихѣ
чистое, невинное веселіе шягошитѣ ее.
Она ищетѣ уединенія и вѣ гореспи бро-
дитѣ по горамѣ. Вѣ задумчивости при-
ближалась она къ Сциллѣ (*). Пандроза
за-

-
- (*) Сцилла естъ каменная гора вѣ Сицилій-
скомѣ проливѣ противѣ Харибды. Из-
дали видѣ ея сходенѣ съ женскою фигу-
рою, и шумѣ волнѣ, о нее ударяющихся,
подобенѣ вою собакѣ или волковѣ. По-
эты говорятѣ, что Сцилла, дочь Фэр-
кусова и Гекашина, была превращена
вѣ сію гору. Они избражаютѣ ее окру-
женную волками и собаками, копорыя
у ногѣ ея воютѣ, съ шестью головами
и двѣнащцатью ногами, и вѣ каждой
головѣ при ряда зубовѣ. Говорятѣ, что
она пожирала цѣлые корабли. Овидій
повѣстуетѣ, что Сцилла была пре-
красная Нимфа, вѣ которую влюбился
Главкусѣ, морской богѣ; что онѣ, же-
лая приобрѣсти ея любовь, прибѣгнулѣ
къ помощи волшебницы Цирцеи, копо-
рая ненавидѣла Сциллу, почиая ея по
красотѣ опасною своею соперницею; что
Цирцея сослала ея ужасной ядѣ и бросила
его вѣ томѣ источникѣ, вѣ которомѣ
Сцилла обыкновенно купалась. Едва она
вошла

задрепетала, услышавъ ужасный вопль несчастной Форкусовой дочери. О злополучная Нимфа! воскликнула она: въ какое спрашное состояніе привела тебя любовь! Увы! опѣ какихъ бы ужасныхъ золъ избавилась ты, естли бы всегда убѣгала Купидона! И нынѣ бы еще видѣли мы тебя на сихъ берегахъ веселящуюся среди Нереидѣ, которыхъ красота замѣвалась блескомъ швоей красоты. . . . Твой спонѣ опзывается во глубинѣ моего сердца; никогда еще не дѣлалъ онѣ во мнѣ шакого болѣзненнаго впечатлѣнія. . . . Страшный примѣръ! . . . Ахѣ! да бѣгу опѣ сего ужаснаго мѣста! — Сказавъ сіе, Нимфа спѣшила удалиться. Скоро пришла она къ великому озеру, шоль спрашному для всѣхъ вѣроломныхъ; невѣрный любовникѣ, невѣрный другѣ не смѣютъ приближиться къ священнымъ водамъ его. Берега его уединенны и пусты; шолько добродѣпель и невинность могутъ

З 4

ходить

вошла въ воду, ядѣ въ одно мгновеніе превратилъ ее въ чудовище. Сцилла, увидя свой спрашной образѣ, изѣ опчаянія бросилась въ море близъ пролива, названнаго ея именемъ. Чшобы опмспить Цирцеи, погубила она корабли Улиссовы,

ходить въ сихъ мѣстахъ, не спрашася никакой опасности (*).

Нимфа оспанавливаеця и успокоиваетя подѣ пѣнію ивы. Въ сію минушу Дафнисъ, ведомый Купидономъ, представляеця взорамъ Пандрозы; онѣ приближаеця; упадаецѣ передѣ нею на колѣни и клянетя вѣчно любить ее. Пандроза, пронутая и смятенная, чувствуетѣ всю цѣну обѣща, произнесеннаго на берегахъ озера Палисковъ; не сомнѣваяся уже въ искренности своего возлюбленнаго, по одной стыдливости не хочетѣ открытъ чувствѣ своего сердца. Но Дафнисъ хочетѣ знать судьбу свою и заклиняетѣ Нимфу извѣститься. Скажи, Пандроза, говоритѣ онѣ, скажи, нещастливѣ ли Дафнисъ? Умереть ли съ горести ему оштаетя, или ты позволяешь ему питаться сладостною надеждою? — Пандроза ничего не отвѣтствуетѣ, но щеки ея покрываютя живымъ румянцемъ, и, пошупивѣ глаза въ землю, беретѣ покрывало и закрываетѣ имѣ лице свое. Восхищенный Дафнисъ понялъ сей отвѣтъ,
Боже-

(*) О семъ озерѣ было говорено въ Альфонсовой Исторіи.

Божественная Нимфа! воскликнулъ онъ: ты дѣлаешь меня щастливѣйшимъ изъ смертныхъ! . . . На семъ мѣстѣ, дражайшая Пандроза, гдѣ нѣжное швое признаніе увѣнчало всѣ мои желанія, руки мои соорудилъ олтарь Цѣломудрію, и на семъ божеспвѣдномъ олтарѣ пославлю образъ Любви . . . Безсмертные и великодушные братья, непримиримые враги клятвопреступниковъ! о вы, страшныя божества, копорымъ поклоняется Сицилія! внимайте моему обѣщанію: сими чистыми и ужасными водами клянусь быть вѣчно вѣрнымъ Пандрозѣ! Если когда нибудь нарушу сей священный обѣщаніе, то недостойнъ буду видѣть Пандрозу и свѣтъ; въ самую минушу клятвопреступленія лишите меня зрѣнія, могущеспвѣнные боги! Сіе наказаніе, ужаснѣйшее самой смерти, будетъ еще легкимъ наказаніемъ за такое страшное преступленіе (*).

3 5

При
сихъ

(*) Клятвы были у древнихъ въ великомъ обыкновеніи. Ихъ произносили съ разными обрядами. Иногда, между шѣмъ какъ жрецъ закалалъ жертвы, изливали вино изъ священныхъ сосудовъ и восклицали: да прольется по землѣ кровь шого, кщо

сихъ словахъ восхищительныя слезы покапились по лицу нѣжной Пандрозы. Она встаетъ, приближается къ берегамъ озера, упадаетъ на колѣни и восклицаетъ: безсмертныя боги! я обязуюсь шѣми же клятвами,

кто дерзнетъ преслупить клятвы свои и всего попомства его, такъ, какъ кровь сихъ жертвъ течетъ по нашимъ олтарямъ!

Иногда же, произнося клятву, обмакивали руки въ кровь и внутренность жертвъ. Часто еще бросали въ море кусокъ разкаленнаго желѣза, сбѣщая держать слово свое до того времени, какъ сей кусокъ самъ собою всплыветъ на поверхность воды. Смерть и вѣчное безчестіе были наказаніемъ для клятвопресшупниковъ; но изъ сего закона исключались Орашоры, Поэты и любовники. Цари клялись поднимая вверхъ скипетръ. Множество божествъ призывали Греки во свидѣтели своихъ клятвъ: иногда солнце, иногда Спиксъ и проч. были сими свидѣтелями. Пифагоръ клялся числомъ 4, которое по его мнѣнію есть символъ Божества. Сократъ призывалъ въ свидѣтели *Бога истиннаго, бога друзей*. Mœurs des Grecs par Menard.

пвами, которыя произнесъ Дафнисъ! — Въ самое сіе мгновеніе Купидонъ, оставя образъ Коронидинъ, являеться Пандрозъ въ собственномъ своемъ видѣ, общаетъ ей совершенное и продолжительное щастіе, и хочеть самъ присутствовать при ихъ бракосочетаніи. Нѣжные любовники навсегда соединились.

Скоро Пандроза начала сожалѣть о прелестяхъ потеряннаго спокойствія; будучи еще чувствительнѣе прѣжняго, узнала она, что Купидоновы общанія были ложныя, что она никакъ не была щастлива. Дафнисъ всегда увѣрялъ ее въ своей нѣжности; онъ говорилъ тѣ же слова, но сіи слова не имѣли уже силы убѣжденія. Пандроза не смѣла жаловаться; Дафнисъ почиталъ ее довольною, а сіе умножало еще горесть Пандроzinу. Любезная Нимфа повѣряла одной Дриадѣ тайную свою печаль; въ объятіяхъ ея пролиwała она горькія слезы, которыя сама богиня совѣтовала ей всегда скрывать отъ Дафниса.

Между тѣмъ нескромная посланница царя боговъ, быстрая Слава, пролетѣвъ Грецію, устремляетъ скорый полетъ свой къ

къ Сициліи, и опускается на вершинѣ Эпны (*).

Повсюда разглашаетъ она, что новыя игры будутъ празднованы въ Элидѣ, и что дочь Архидамаса, прекрасная и гордая Циниска, на играхъ Олимпійскихъ будетъ состязаться о награды въ бѣгѣ на колесницахъ, кою учредили Греки. Ся вѣдомость возбудила въ Дафнисѣ непреодолимое любопытство. Робкая Пандроза не имѣетъ силы противиться его предпріятію, наполняющему спрѣтомъ сердце ея. Дафнисъ отправляется и оставляетъ Пандрозу угнѣвленную горестію. Напрасно спарается она развѣишь себя: безпокойство мучитъ ее, свирѣпая ревность раздраетъ ея сердце. Наконецъ рѣшилась она слѣдовать за Дафнисомъ. Не смѣя обратиться къ Купидову, причинившему всѣ ея спраданія; не дерзая просить его о помощи, обращается она къ Юпитеру. Повелитель боговъ и смертныхъ! говоритъ она: благоволи перенести меня въ то мѣсто, гдѣ шеперь

Да.

(*) Слава, посланница Юпитерова, опускалась всегда на самыя высокія мѣста, чинобы разглашать всякія новости; она никакъ не могла молчать.

Дафнисъ, и сдѣлай меня невидимою для всѣхъ, пока я сама захочу опять сдѣлаться видимою. Молитва ея была исполнена. Въ ту же минуту видѣтъ она себя въ Элидѣ, въ просторной и великолѣпной Олимпійской залѣ. Бѣгъ начался. Пандроза, будучи невидима, въ толпѣ зрителей видѣтъ одного Дафниса, приближается къ нему и сначала чувствуетъ одну радость, будучи подлѣ своего любезнаго Дафниса; но дорѣго надлежало ей заплашеть за се минушное веселіе.

Вдругъ является гордая и мужеспвенная дочь Архидамаса. Она сидѣтъ на прекрасной колесницѣ, видомъ подобной раковинѣ и окованной золопомъ, котораго блескъ ослѣпляетъ глаза. Пурпуровое платье, золопой поясъ и жемчужная діадима, составляли весь ея уборъ, и простой и величественной. Взоры всѣхъ присутствующихъ устремляются разсматривать ея величественную красону. Она съ надежностію правитъ четьрью конями своими, рядомъ запряженными, и оспанавливается у ограды. Тутъ съ гордостію и презрѣніемъ взглядываетъ на Принцовъ и Героевъ Греческихъ, которые дерзають пуститься съ нею въ бѣгъ. На лицѣ ея видна увѣренность въ

побѣдѣ; всѣ сердца желаютъ ей сей побѣды, и самые соперники ея удивляются, что вызвались состязаться съ нею объ оной.

Среди пространнаго округа, который надлежитъ проскакать колесницамъ, возвышается величественный олшарь, на коемъ поставленъ мѣдный орелъ съ разпущенными крыльями: приводящъ въ движеніе сокровенную машину, орелъ потрясаешся и машетъ крыльями; громкій звукъ трубъ даетъ знакъ къ бѣгу, и колесницы вскакиваютъ въ ограду. Прекрасная Циниска всѣхъ обскакиваетъ, будучи ободряема звукомъ трубъ и громкими восклицаніями зрителей. Напрасно униженные соперники ея, переходящіе отъ удивленія къ ревности, стараются привести ее въ замѣшательство крикомъ своимъ, и не могли догнать ея колесницы, хотятъ по крайней мѣрѣ устрашить ее. Циниска пребываетъ спокойною и не чувствуетъ шума зависти; она спешитъ къ славѣ, и видитъ одни безсмертные лавры, которыми увѣнчиваетъ ее отечество ея. Наконецъ достигаетъ она цѣли, сходитъ поспѣшно съ своея колесницы и обнимаетъ древній дубъ, священное дерево, которое полагаетъ предѣлы бѣгу. Крикъ

радо-

радостный раздается по воздуху. При звукѣ музыки и восклицаніяхъ многихъ голосовъ, прославляющихъ ея имя, везутъ Циниску на триумфальной колесницѣ на другую сторону ограды ко гробу Эндиміона (*), сажаютъ на великолѣпный тронъ, блистающій золотомъ и серебромъ, украшенный лучшимъ Тирскимъ пурпуромъ и вѣнками виноградными и лавровыми

(*) Некоторые пишутъ, что онъ царствовалъ въ Элидѣ и былъ такъ прекрасенъ, что Луна влюбилась въ него; что когда Юпитеръ обѣщалъ ему исполнить всякое желаніе его, то онъ пожелалъ не умирая вѣчно спать; что и исполнилось. Другіе говорятъ, что Юпитеръ приревновалъ къ нему Юнону, и для того послалъ на него вѣчной сонъ; что Діана, пронувая его несчастіемъ, и боясь дальнѣйшихъ слѣдствій Юпитерова гнѣва, скрыла его на одной горѣ. Но некоторые и изъ самыхъ древнихъ почитали сіе за басню, и утверждали, что Эндиміонъ былъ женатъ, имѣлъ дѣтей и умеръ естественною смертію, по мнѣнію однихъ въ Олимпіи, гдѣ и гробъ его показывали, а по мнѣнію другихъ на горѣ Лаемосѣ, на которой одно мѣсто называлось *гробомъ Эндиміоновымъ*.

выми. Циниска получаетъ награжденіе, и по томъ начинаются новыя игры.

Соспязаются о превосходствѣ въ пѣніи. Дафнисъ входитъ въ ограду. Пандроза, пребывая невидимою, идетъ за нимъ. Нимфа, волнуемая ужаснымъ безпокойствомъ, съ препеномъ видитъ Дафниса приближающагося къ прекрасной и опасной Цинискѣ. Ей открыто было сердце въпренаго супруга ея; однакожь она хочетъ еще сомнѣваться, не хочетъ вѣрить своему несчастію и спрашивается худо думать о своемъ любезномъ, хотя и питаетъ ревность въ сердцѣ своемъ. Между тѣмъ Дафнисъ беретъ лиру и поетъ, и первое слово пѣсни его было — имя Циниски. Несчастливая Пандроза содрогается. Она слышитъ Дафниса прославляющаго ея совѣстницу, и въ выраженіяхъ его находитъ ту страсть, томъ жаръ, съ которымъ онъ нѣкогда жаловался на ея жестокость. Увы! сказала она: такъ прежде воспѣвалъ онъ Пандрозу! — Восхищенные Греки плещутъ руками. Дафнисъ, нечувствительный къ славѣ, занимается одною Цинискою. Ему даютъ преимущество въ пѣніи; онъ получаетъ миртовый вѣнецъ, спѣ-

какая же Нимфа можетъ надѣяться на вѣрность своего любовника! . . . Несчастіе сына моего соразмѣрно его преступленію. Увы! я не могу перемѣнить судьбы его; не имѣю никакой власти надъ его сердцемъ; не могу даже и зрѣнія возвратить ему. Надлежитъ ему пострадать за его преступленіе: таковъ приговоръ боговъ мстителей, его гонящихъ. Но тебѣ, прекрасная Нимфа не должно вздыхать подъ бременемъ шойцѣпи, которую разорвалъ неблагодарный сынъ мой; и такъ предложу тебѣ средство, которое можетъ возвратить тебѣ поперянное спокойствіе.

Близъ сей долины, у подошвы горы Олимпа, находишся источникъ Аргира, котораго хладныя воды имѣютъ силу испрелять несчастную любовь, даже и изъ самой памяти (*). Но чтобы приблизиться къ берегамъ его, должно вооружиться непоколебимымъ мужествомъ. Самъ Купидонъ не допускаетъ къ оному. Ты
уви-

(*) О семъ источникѣ было упоминаемо въ *Древенскихъ вечерахъ*.

увидишь его не играми и радостями окруженнаго, исполненнаго невинности и пріятностей, однимъ словомъ, такого, каковъ кажется онъ, когда хочешь прельщать — но грознаго, повелительнаго и спрашнаго, вооруженнаго ядовитыми стрѣлами своими и съ гнѣвомъ себя опгоняющаго; мрачная и печальная Ревность, держащая кинжалъ въ рукѣ, будетъ подкрѣплять его усилія, а пріятная и обманчивая Надежда, простирая къ тебѣ свои объятія, будетъ всячески спараться удалить тебя отъ щасливыхъ водъ, которымъ надлежитъ окончать твои спраданія. Но не устрашись: всѣ сіи ужасающіе или прельщающіе предметы суть мечвы, пущныя спрашилищи, которыя будутъ отъ тебя удаляться по мѣрѣ твоего приближенія къ источнику, и которыя, подобно летучимъ сновидѣніямъ, совсѣмъ исчезнутъ, если ты мужественно будешь продолжашь путь свой. Мнѣ не позволено провождать тебя къ сему спасительному источнику; я могу только сказывать къ нему дорогу.

Ахъ! сказала Пандроза съ глубокимъ вздохомъ: я конечно бы имѣла мужество

предпріять и совершить сіе трудное
 пупешествіе; но взгляни, о сынъ Юпите-
 ровъ! на сего несчастнаго . . . Вѣ какое
 ужасное состояніе привела его немилосер-
 дая судьба! . . . Что будетъ съ нимъ,
 естли я переспану любить его! . . .
 Такъ, Дафнисъ, любезный и несчастный
 супругъ! я сохраню сіи чувства, кото-
 рые раздираютъ сердце мое, но кото-
 рые по крайней мѣрѣ могутъ облегчить
 пыгость своего страшнаго положенія! . . .
 Увы! горестная Пандроза можетъ утѣ-
 шать себя посредствомъ одного обмана;
 но чтобы не дать себя впастъ въ отчая-
 ніе, она на все рѣшится! . . . Исполни
 мое прошеніе, о Меркурій! Когда пре-
 красная Циниска по окончаніи бѣга была
 везена въ пріумфѣ, она громогласно
 благодарила Олимпійскаго Юпитера: увы!
 я видѣла, какое движеніе произвелъ въ
 Дафнисъ голосъ ея! . . . Дай же мнѣ,
 вѣстникъ боговъ, сей прельстившій его
 голосъ, чтобы Дафнисъ, пришедши въ
 чувство, могъ думать, что любезная его
 подлѣ него; что нѣжная рука ея опи-
 раетъ его слезы и водитъ его! . . . При-
 сущствіе мое было бы для него въ сіи
 нервыя минуты жестокою, мучительною
 укори-

укоризною; я не такъ свирѣпа, чшобы подѣ видомъ ушѣшенія умножать его страданіе. Пусть припишетъ онѣ моей совмѣстницѣ тѣ попеченія, которымъ посвящаю жизнь мою: я на сіе согласна — и естли могу облегчить судьбу его, то ничто для меня не дорого.

Великодушная Нимфа! сказалъ Меркурій: желаніе твое исполнилось. Голосъ твой будетъ совершенно подобенъ голосу твоей совмѣстницы, которой бы никогда не надлежало отдавать предѣ тобою преимущества; но какому мученію подвергнетъ тебя заблужденіе твоего возлюбленнаго! Желая, любезная Пандроза, чшобы ты получила достойную награду за свою нѣжную и вѣрную любовь. — Сказавъ сіи слова, Меркурій прикоснулся своимъ жезломъ къ Дафнису. Вдругъ Дафнисъ оживаетъ, встаетъ, открываетъ глаза и чувствуя слѣпоту свою, рыдаетъ и стонаетъ. Утѣшься, сынъ мой, сказалъ Меркурій: Купидонъ, причина твоего несчастія, предлагаетъ тебѣ утѣшеніе. — По томъ сынъ Юпитеровъ оставляетъ Дафниса, поднимается на воздухъ и исчезаетъ.

Дафнисъ, думая, что онъ одинъ, выражаетъ свое отчаяніе прогашельнѣйшими жалобами. Пандроза, слушая его, проливаетъ слезы. Она знаетъ, что начавъ съ нимъ говорить, можетъ облегчить его горестъ; однакожь не можетъ рѣшиться прервать молчанія, спрашась восхищенія, въ которое привели бы Дафниса первыя слова ея — горестъ его мучительна для нее; однакожь и радость его спала бы перзатъ ея сердце. Но наконецъ сожалѣніе побѣдило ревность. Дафнисъ! сказала она: ты здѣсь не одинъ; нѣжно тебя любящая печется о тебѣ. . . Боги! перервалъ Дафнисъ: боги! что я слышу? . . Не мечшася ли мнѣ? Дѣйспвипельно ли слышу я Цинискинъ голосъ? . . . Ты умолкаешь! . . . Ахъ! говори, кто бы ты ни была! Дай мнѣ насладиться пріятностію швоего голоса! . . . Ты ничего не отвѣчаешь . . . Увы! не уже ли я мечшаю? — Нѣтъ, Дафнисъ, отвѣпствоваала несчастная Пандроза: я съ шобою, и никогда тебя не оставлю. Эшо она, воскликнулъ восхищенный Дафнисъ: эшо Циниска! . . . О ты, кошорую обожаю, божественная Циниска! ты перемѣняешь судьбу мою! Будучи въ такомъ состояніи,

ни, въ какомъ я нахожуся, только для тебя одной могу любить жизнь! . . . Но знаешь ли ты ужасное мое состояніе? Будучи подлѣ тебя, не могу тебя видѣть. Но зная, что ты меня любишь, и слыша тебя говорящую, долженъ я благословлять судьбу мою. Гдѣ ты, Циниска? Приблизься ко мнѣ; позволь мнѣ упасть къ ногамъ твоимъ! . . . Боги! ты подаешь мнѣ руку! . . . Я прижимаю къ сердцу моему, омочаю слезами сію благодѣтельную и любезную руку, которая будетъ водить несчастнаго, лишеннаго зрѣнія! . . . Ты воздыхаешь, Циниска? . . . Ахъ! не сожалѣй обо мнѣ; ибо только съ сей минуты познаю истинное счастье.

Дафнисъ! сказала Пандроза: признаюсь, что тайное безпокойство мучитъ меня, не могу надѣяться на твою вѣрность, зная, что ты любилъ одну Нимфу, и что . . . Нѣтъ, перервалъ съ жаромъ Дафнисъ, нѣтъ! я не любилъ ее; я обманывался въ своихъ чувствахъ, и только тебя увидя почувствовалъ я истинную любовь. Вѣришь ли мнѣ, любезная Циниска? . . . Ты плачешь? — Увы! сказала Пандроза: я сожалѣю о судьбѣ сей

несчастной Нимфы. . . . Уже ли ты, Дафнисъ, и не сожалѣешь о ней? — Я всегда буду почитать ее, оповѣстывалъ Дафнисъ со вздохомъ: но разрывая связь мою съ нею, даю ей полную свободу вступить въ новое обязательство, которое можетъ упѣшить ее. — Что ты говоришь? воскликнула Пандроза: жестокой! можно ли тебя когданибудь забыть? — Какою благодарностию наполняешь ты сердце мое, божественная Циниска! сказалъ Дафнисъ: но не суди по своему сердцу о сердцѣ Пандрозиномъ; съ чувствами своими можешь только мои сравнивать. — Такимъ образомъ каждое Дафнисово слово пронзало сердце весьма чувствительной Пандрозы.

Какъ скоро ночь разпустила мрачныя свои крылья, невидимая Юпитерова рука перенесла Дафниса и Пандрозу, погруженныхъ во снъ, къ подошеѣ Эпны. Паспухъ, проснувшись, думаетъ, что онъ все еще находится близь горы Олимпа; а Нимфа не выводитъ его изъ сего заблужденія.

Пандроза, вѣрно исполняя наложенную ею на себя должность, всякой день слу-

служила Дафнису проводникомъ, отъ восхожденія Авроры до самой ночи. Всегда водила она его по шѣмъ мѣстамъ, гдѣ все воспоминало ему прежнее его счастье. Иногда садился онъ подъ шѣнію того дерева, на которомъ рука его начертывала прежде имя Пандрозы; иногда же покоился въ томъ лѣску, гдѣ Нимфа внимала первымъ объшамъ его. Но невѣрный паспухъ говорилъ объ одной дочери Архидамасовой, и Пандрозъ клялся вѣчно любить Циниску.

Тысячу разъ хотѣла несчастная Нимфа открыть пайну свою; но спрахъ свергнувъ Дафниса въ отчаяніе всегда ее отъ того удерживалъ. Въ сердцѣ своемъ рѣшилась она нѣкогда открыться; но чувствовала и то, что дальнѣйшая отсрочка можетъ быть ей полезна, и что благодарность Дафнисова будетъ шѣмъ живѣе. Сія мысль оживляла Пандрозу и подкрѣпляла ея терпѣніе. Она надѣялась, что время ослабитъ любовь Дафниса къ Цинискѣ; однакожь въ семъ обманулась. Пандроза, часто раздражаемая, всегда недовольная и печальная, не показывала никакой снрасти къ Дафнису; Дафнисъ

не бывъ увѣренъ, что мнимая Циниска любитъ его такъ, какъ онъ ее любитъ, безпокоился, грустилъ: увѣренность усыпляетъ любовь, безпокойство пробуждаетъ и пипаетъ ее.

О Циниска! говорилъ онъ: я тебѣ всемъ обязанъ; однакожь ты не любишь меня такъ спраспно, какъ я тебя люблю. Часто холодность твоя приводитъ меня въ отчаяніе. Съ равнодушіемъ слушаешь ты всѣ пѣсни, копорыя для тебя сочиняю. Я могу воспѣвать только одну Циниску, ее дражайшее имя отвержу безпрестанно: — уже ли такая любовь тебя не прогаетъ? . . . Уже ли одному великодушному сожалѣнію обязанъ я тѣмъ стараніемъ, которое прилагаешь ты о моемъ утѣшеніи? . . . Ахъ, Циниска! если ли сіе подлинно такъ, то оставь несчастнаго Дафниса! Если ли его не любишь, то не думай, чпобы ты могла утѣшать его! — Неблагодарный! отвѣпствовала Пандроза: такъ, Дафнисъ! ты не можешь вообразить себѣ, сколь ты неблагодаренъ. — О восхипительная укоризна! восклицалъ Дафнисъ: любезная, божественная Циниска! отъ одного слова шво-

швого исчезаютъ всѣ мои безпокойства!
Увы! почто выраженія швои шолько
погда любовію оживляюпся, когда шы
жалуешься на своего любезнаго!

Таковы были разговоры Нимфы съ
паспухомъ. Въ семъ мучительномъ со-
стояніи Пандроза двукратно видѣла на-
ступленіе весны. Наконецъ, шоль долгое
время хранивъ тайну, рѣшипся от-
крыть ее Дафнису. Она идетъ на берега
озера Палисковъ; приближается къ дерно-
вому олшарю, сдѣланному нѣкогда Даф-
нисомъ близъ сихъ водъ, и, упавъ на
колѣни, призываетъ жестокаго бога, при-
чинившаго ея мученія. Купидонъ! гово-
ритъ она: благоволи изсушить испоч-
никъ слезъ моихъ, возврати мнѣ сердце
Дафнисово, сойди для меня еще на берега
сіи! Вѣрность молитъ тебя о семъ: явись
и отвѣтствуй на голосъ ея, себя при-
зывающій!

Вдругъ являея Купидонъ на высо-
тѣ воздушной, несетя на облакѣ, оста-
навливаетя надъ олшаремъ и говоритъ
Нимфѣ: о ты, украшеніе и слава моего
царства, нѣжная Пандроза! почто не
могу

могу исполнить твоего прошения! Но я могу только дѣлать сердца невѣрными, и донынѣ никогда еще снова не возжигалъ погасшаго огня любви. Однакожь, если Купидонъ можетъ сдѣлать такое чудо, вѣрная Пандроза будетъ его предметомъ. Желаю сего, о великодушная Нимфа! но обѣщать не дерзаю. Поди къ своему возлюбленному: Юпитеръ дастъ тебѣ силу возвратишь ему зрѣніе; какъ скоро пожелаешь того, Дафнисъ увидишь свѣтъ.

Сказавъ сіи слова, Купидонъ удаляется, покрывается облакомъ и исчезаетъ. Какъ! восклицаетъ радостная Пандроза: Дафнису возвращается зрѣніе, и только мнѣ одной будетъ онъ обязанъ такимъ неожиданнымъ щастіемъ, и въ то же время узнаетъ, что я для него дѣлала! Ахъ! могу ли еще беспокоиться! Такое порочное беспокойство сдѣлало бы меня недостойною любезнаго моего Дафниса. Ты конечно будешь меня любить по прежнему: зная твое доброе сердце, могу ли въ томъ сомнѣваться? — Сказавъ сіе, лезишь въ розовый и миртовый лѣсокъ, гдѣ находишь Дафниса, и преле-

нрещущою рукою схвативъ руку своего любезнаго, спѣшилъ съ нимъ къ берегамъ озера Палисковъ; приводитъ его къ олтарю Купидонову и говоритъ: Дафнисъ! прозри, и узнай руку, доннынѣ тебя водившую! — Дафнисъ шрещетъ: Пандроза сказала слова сіи природнымъ своимъ голосомъ, и сей пріятный, нѣжный голосъ ужасаетъ сердце виновнаго Дафниса. Онъ видитъ свѣтъ и содрогается, находясь на берегу священнаго озера, спрашнаго для кляшвопреступниковъ. Увидя Пандрозу еще болѣе ужасается, болѣе шрещетъ. Смертная блѣдность покрываетъ его лице и ясно показываетъ спрданіе сердца его. Онъ сполнитъ неподвижно и пошупляетъ въ землю глаза, слезами наполненные.

О Дафнисъ! сказала Пандроза: перестань ужасаться! Замѣшательство, тебя терзающее, мучительно для моего сердца. Приведя тебя на сіи спрашные берега, хотѣла я шолько напомнить тебѣ соединяющій насъ священный союзъ. Не шребую новыхъ кляшвъ, увѣрена въ сердце швоемъ, и всякой обѣщъ, не нужный для моего успокоенія, пошшу отъ тебя

за оскорбленіе. Въ собственномъ моемъ сердцѣ, въ нѣжной любви моей нахожу ту увѣренность, которая нужна для счастья моего супруга, для моего собственного счастья.

Говоря сіе, Пандроза приближается къ Дафнису и просиращаетъ къ нему руки свои. Пастухъ взираетъ на небо, и въ глазахъ его изображается живѣйшая горестъ; слезы ліются по лицу его; нѣсколько минутъ пребываетъ въ молчаніи, и наконецъ, бросясь на колѣни предъ Пандрозою, говоритъ ей: нѣтъ, я не хочу во зло употреблять своего великодушія, не хочу тебя обманывать. Добродѣтельная супруга, возвратившая зрѣніе несчастному! познай свою и мою участь! Я посвящаю тебѣ жизнь мою, и тысячу разъ готовъ бы ею тебѣ пожертвовать, если бы сіе было возможно. Сердце мое исполнено къ тебѣ благодарности, почтенія; я удивляюсь тебѣ, но Дафнисъ останавливается. Говори, варваръ! восклицаетъ Пандроза: скажи, чпо ты меня не любишь, и пронзи сердце мое сими ужасными словами! — Дафнисъ ничего не отвѣщивовалъ. Возможно

но

но ли, продолжала Нимфа, возможно ли, чтобы Дафнисъ еще предпочиталъ мнѣ Циниску? Постой, сказалъ Дафнисъ, не умножай мученія несчастнаго Дафниса, котораго судьба и безъ того весьма горестна. Къ Цинискѣ я чувствую то, что чувствовалъ къ тебѣ прежде начала моего несчастія; любовь, которую теперь имѣю къ тебѣ, конечно не столь жива и страстна, но глубоко вкоренена въ сердце моемъ и продолжится во всю мою жизнь. Циниска противъ воли моей забираетъ мое воображеніе, но ты всегда будешь владѣть сердцемъ моимъ.

Пандроза блѣднѣетъ и трепещетъ; смертный хладъ разливается по жиламъ ея и проникаетъ въ самое сердце, отъ котораго надежда навсегда удаляется. Что я слышу? восклицаетъ она: какой новой свѣтъ озаряетъ глаза мои? Наконецъ разсудокъ разсѣваетъ суетныя мечты... Какъ! я искала блаженства своего въ такой слѣпой и минушной любви, которую производитъ одно воображеніе, которая исчезаетъ безъ причины, и которой самая справедливая благодарность оживить не можетъ? . . . Дафнисъ! оп-
кажем-

кажемся навсегда отъ сей безразсудной любви. Нѣжная и вѣрная дружба наградитъ насъ за претерпѣнныя нами горести. Пойдемъ, разрушимъ олтарь Купидоновъ, и на развалинахъ сего олтаря можемъ мы предъ лицомъ боговъ, не бояся преступить нашихъ обѣщанъ, обѣщавшись быть до гроба вѣрными друзьями.

И С Т О Р І Я
ГЕРЦОГИНИ Ч*** (*)

О вы, которые любите замѣчать движенія сердца человѣческаго, и въ разсматриваніи чувствъ его находите важнѣйшее и полезнѣйшее для себя упражненіе! въ жизни моей найдете вы для себя нѣчто примѣчанія достойное — нѣчто такое, что можетъ разпространить ваши познанія о сердцѣ человѣческомъ. По крайней мѣрѣ естественная связь чувствъ и мыслей будетъ вамъ пріятна. Вы не увидите совершенной картины, во всѣхъ частяхъ општвенной кистию Рафаелевою; вамъ представляется одно легкое начертаніе, но начертаніе справедливое, во всѣхъ частяхъ соразмѣрное — не каррикашура. Снеситесь съ своими

Часть XIV. No. 23. I опы-

(*) Основаніе сей повѣсти совершенно истинно. Деятелинее заклкченіе въ подземной пещницѣ, куда свѣщъ не проникъ никогда; ложное объявленіе о смерти Герцогининой, образъ ея жизни, ея избавленіе — все сіе истинно. Сочинительница въ 17** году видѣла въ Римѣ Герцогиню Ч***.

опытами, наблюденіями, и вы конечно скажете: *такъ!*

Я родилась въ Римѣ, и была одна дочь у родителей моихъ, весьма богатыхъ и знашныхъ. Воспитывали меня наилучшимъ образомъ. Имѣя нѣжнѣйшую мать и хорошаго отца, которые любили меня болѣе всего на свѣтѣ, наслаждалась я рѣдкимъ щастіемъ. Мнѣ минуло четырнадцать лѣтъ, и до сего времени не чувствовала я никакой горести, не имѣла никакой болѣзни, не пролила никакихъ слезъ, кромѣ слезъ умиленія или радости. Я любила вспоминать прошедшее, съ восхищеніемъ наслаждалась настоящимъ, и въ будущемъ видѣла однѣ радости, одно щастіе. Въ самомъ еще младенчествѣ подружилась я съ дочерью друга матери моей, а съ лѣтами дружба наша болѣе и болѣе укрѣплялась. Она была добросердечна и чувствительна; но будучи весьма молодѣ, не имѣла довольно опытовъ, и не могла мнѣ подавать совѣтовъ, хотя я имѣла къ ней совершенную довѣренность. Я любила и весьма уважала мать мою, но не почитала ее другомъ моимъ; для того что она допустила меня избрать себѣ друга

друга почти одинакихъ со мною лѣтъ, да еще и споспѣшествовала сей опасной связи. Сія неосторожность мнѣ дорого стоила; она была главною причиною всего моего несчастія. Подруга моя вышла за мужъ за Маркиза Венузи, въ котораго она около года была влюблена; я знала ея шайну, и сія повѣренность весьма разгорячила мое воображеніе и нѣкопорымъ образомъ развратила мое сердце. Пріятельница моя, спустя два дни послѣ своего замужства, поѣхала съ мужемъ своимъ въ деревню, которая была въ тришцати миляхъ отъ Рима, и гдѣ у Маркиза былъ прекрасной домъ. Мать моя поѣхала съ ними и взяла меня съ собою. Маркиза Венузи была меня старѣе прѣма годами, вела себя всегда благопристойно и показывала въ себѣ много ума; и шакъ, хопя было ей и не болѣе девятнадцати лѣтъ, мать моя безъ всякаго опасенія оспавляла меня одну съ нею. Въ одинъ вечеръ послѣ ужина Маркиза предложила мнѣ иппи прогуливаться въ садъ. Мы пошли съ нею однѣ, вошли въ небольшой лабиринтъ и на поворотѣ одной ален увидѣли молодаго человѣка сидящаго на лавкѣ. Увидѣвъ насъ, онъ вспалъ. Луна освѣщала

предметы. Изумленіе, изобразившееся на лицѣ сего молодого человѣка; красота его и видѣ благородства — все сіе привело насъ въ удивленіе. Мы подошли къ нему весьма близко; и какъ онъ опъ насъ не удалялся, то Маркиза спросила у него, кто онъ. Съ великою учтивостію отвѣчалъ онъ, что по нѣкошорымъ обстоятельствомъ не можешъ сказать своего имени, и въ ту же самую минушу ушелъ опъ насъ. Будучи весьма удивлены симъ приключеніемъ, потчасъ возвратились мы въ домъ и сказали о томъ Маркизу Венузи. Онъ улыбнулся и далъ намъ почувствовать, что сей молодой человѣкъ былъ ему неизвѣстенъ; и какъ я неперпѣливо хотѣла узнать болѣе, то онъ отвѣчалъ: я могу сказать вамъ только то, что эшопъ молодой человѣкъ знашной фамиліи; что давно уже хотѣлъ онъ видѣть васъ; и что, ешли онъ на то согласился, скажу вамъ завтра имя его. На другой день опять начала я спрашивать его, но онъ не хотѣлъ мнѣ отвѣчать прямо и ясно. Вечеру, когда мать моя легла спать, я пошла къ моей пріятельницѣ въ кабинетъ ея; и въ то время, когда мы говорили о молодомъ незна-

комцѣ,

комцѣ, вдругѣ отворилась дверь, и вошелъ Маркизъ, держа въ одной рукѣ пошпенной фонарь, а другою ведя самагошого челоуѣка, котораго я споль неперпѣливо знашь хотѣла. Отѣ удивленія не могла я сойти съ мѣста. Маркизъ, подошедши ко мнѣ, сказалъ: представляю вамъ моего заключеннаго, которому, думаю, (говорилъ онѣ съ улыбкою) нельзя уже мнѣ возврапипь свободы, пошому что онѣ по безразсудности своей захопѣлъ васѣ видѣшь въ другой разѣ. Я покраснѣла и пришла въ великое замѣшательство. Не смопря на мою молодость, чувствозала я нѣкопорымѣ образомѣ, какія слѣдспвія можешѣ имѣшь такое приключеніе. Сперва хотѣла было я уйти, разбудипь машь мою и разсказашъ ей все; но любопытство остановило меня и заспавило меня забышь должностъ мою. Маркизъ, принявъ на себя видѣ важной, сказалъ, что онѣ хочешѣ намѣ сообщипь великую шайну. Я знаю, говорилъ онѣ, что вы обѣ скромны, и что безѣ всякаго опасенія можно вамѣ все повѣришь. Послѣ сего прелисловія Маркизъ заспавилъ меня дашь обѣщаніе хранипь шайну, а молодой челоуѣкѣ, начавъ говорипь, сказалъ намѣ, что онѣ Графѣ

БельмирѢ; что его отецѢ, МаркизѢ БельмирѢ, братѢ Герцогу Ч***, одному изѢ знатнѢйшихѢ людей вѢ НеаполѢ, копторой, поссорившись сѢ нимѢ, лишилѢ его благосклонности Двора, и сѢ такою жестокостію гналѢ его, что онѢ принужденѢ былѢ оставить опечество и уѢхать во Францію, гдѢ онѢ черезѢ четыре года имѢлѢ вѢкоторое несчастное дѢло, заставившее его искать прибѢжища вѢ иной землѢ; что МаркизѢ Венузи, вѢрной другѢ его, будучи тогда во Франціи и отправаляясь вѢ Италію, уговорилѢ его тайно возвратиться сѢ нимѢ вѢ опечество свое, предложивѢ ему жить вѢ его деревнѢ; что онѢ уже три мѢсяца жилѢ вѢ одномѢ сѢ нами домѢ; что молодой ГрафѢ БельмирѢ, слышавѢ приписываемыя мнѢ похвалы, не могѢ прошившись желанію видѢть меня; что увидѢвъ меня ночью при свѣтѢ луны, усильно просилѢ онѢ Маркиза Венузи доставить ему свиданіе со мною, которое для него было споль драгоцѢнно; и что на другой день ѢдетѢ онѢ сѢ отцомѢ своимѢ вѢ Венецію. ВыслушавѢ сію повѣсть, я встала, и, не смотря на Маркизовы убѣжденія, ушла вѢ свою комнату, чувствуя вѢ сердцѢ великую грусть. Я не смѢла разсуждать

о всемъ случившемся; спрашилась изслѣдывать сердце мое, боялась спроситься у моей совѣсти. Я не могла понять, какимъ образомъ безъ вѣдома матери моей и среди ночи была я въ состояніи слушать молодого человѣка, совсѣмъ мнѣ незнакомаго, которой осмѣлился говорить мнѣ о своей спраси. Ясно видѣла я, что мнѣ надобно осперетаться совѣщовѣ Маркиза Венузи, и что и жена его не могла давать мнѣ хорошихъ наставленій. Опасность моего положенія приводила меня въ препешѣ. Я съ ужасомъ предчувствовала, что невозвратно потеряю доброе свое имя, спокойствіе, и навсегда лишусь того щастія, которымъ наслаждалась до того времени. Маркиза Венузи скоро опять взяла прежнюю надомною власть, и безпрестанно говорила мнѣ о Графѣ Бельмирѣ. Сіи опасные разговоры приводили въ заблужденіе разумъ мой, не уменьшая моей печали. Три мѣсяца прожили мы въ деревнѣ, послѣ чего возвратились въ Римъ. Въ концѣ зимы было много веселій. Маркизъ Венузи давалъ маскарадъ, въ которомъ была я съ матерью моею. Въ два часа по полуночи Маркиза предложила мнѣ ийти въ ея комнату перемѣнить платье.

Мы вышли изъ залы, и проходя небольшою довольно темною галерею, примѣшила я, что одна маска идетъ за нами. Въ какое пришла я удивленіе, какъ сія маска, подошедши ко мнѣ, упала на колѣни! Кого же я увидѣла? Самаго Графа Бельмира. Не смотря на мое изумленіе и на тайную мою радость, по первому движенію своему хопѣла я уйти; но Графъ меня удержалъ и заклиналъ выслушать его. Онъ просилъ Маркизу уговорить меня, чтобы я оказала ему сію благосклонность. Она вмѣстѣ съ нимъ спала меня о помѣ просить, и я по слабости согласилась наконецъ исполнить прозьбу ихъ. Графъ сказалъ мнѣ, что дѣло отца его щасливо окончалось. Что около шести недѣль живетъ онъ въ Неаполѣ, гдѣ видѣлся съ Герцогомъ Ч*** братомъ своимъ, и искренно съ нимъ помирился. „Опець „мой, говорилъ онъ, черезъ мѣсяць ѣдетъ „во Францію для нѣкоторыхъ своихъ „дѣлъ, но хочетъ непременно возвра- „титься въ свое опечество; а я, будучи „принужденъ ѣхать съ нимъ, захотѣлъ „узнать судьбу мою, и пріѣхалъ сюда „изъ Неаполя единственно для того, что- „бы увѣришься въ щастіи или нещастіи „своемъ. Говорите же, сударыня, гово- „ри-

„рише! Естѣли вы меня ненавидите, по
 „я навсегда прощаюсь съ вами. Будучи
 „презираемъ вами, оставляю навсегда Ипа-
 „лю — никогда не возвращусь въ нее.
 „Говорите: вашъ опѣшъ заспавишъ ме-
 „ня возвратиться въ мое отечество, или
 „навсегда удалиться отъ него. „ — Когда
 Графъ произнесъ сіи послѣднія слова, я
 не могла удержаться отъ слезъ. Сей
 опѣшъ былъ весьма понятенъ. Графъ
 не требовалъ инаго. Онъ клялся, что
 вѣчно меня любить будетъ. Будучи увѣ-
 ренъ, что я люблю его; думая возвра-
 щиться въ Римъ черезъ шесть мѣсяцовъ,
 и могши по знашности своей требовать
 руки моей, хотя онъ былъ и не столь
 богатъ, какъ я — Графъ былъ внѣ себя
 отъ радости; но сердце мое, противъ
 моей воли, не ощущало подобной радости,
 пишая въ себѣ какой-то тайной страхъ.
 Черезъ два мѣсяца послѣ сего свиданія,
 лишившаго меня навсегда всего спокой-
 ствія, Герцогъ Ч*** пріѣхалъ въ Римъ,
 и я видѣла его въ собраніи у Посла Фран-
 цузскаго. Когда мнѣ его наименовали, по-
 чувствовала я въ себѣ чрезвычайное волне-
 ніе, кошорое, вѣроятно, произошло отъ
 того, что я наслышалась о немъ много
 худаго отъ Маркиза Венузи; говоря о

его поступкахъ противъ Маркиза Бельмира, описалъ онъ мнѣ Герцога человѣкомъ мстительнымъ и скрытнымъ. Герцогъ Ч * * * будучи тогда прищипавъ шести лѣтъ, былъ собою весьма хорошъ; но въ глазахъ его видна была нѣкоторая коварность и свирѣпость, которая при первомъ взглядѣ занимала вниманіе болѣе, нежели правильность чертъ лица его и хорошій его станъ. Взоръ его былъ весьма пронизывающій и дикъ; и когда хотѣлъ онъ сдѣлать его пріятнымъ, по видно было въ немъ притворство. Всѣ его поступки вообще были отвратительны; и хотя былъ онъ довольно учтивъ и знающъ въ обхожденіи, однакожь въ рѣчахъ и движеніяхъ его видна была несносная надменность. Гордясь знатностію своего рода, чинами своими, богатствомъ и благосклонностію Двора, не думалъ онъ, чтобы чтонибудь могло противиться его воли. Будучи испорченъ во внутренности своего сердца, не умѣлъ онъ побѣждать страстей своихъ и пропившись порочнымъ движеніямъ. Онъ былъ непримиримъ, и будучи однажды оскорбленъ, никогда не прощалъ, вѣчно гналъ своихъ непріятелей, и всемъ жертвовалъ злобному удовольствію мести.

Таковъ

Таковъ былъ Герцогъ Ч* * *. Увидѣвъ его въ первой разѣ, почувствовала я отъ него непреодолимое отвращеніе; но, къ несчастію моему, онъ почувствовалъ ко мнѣ совсѣмъ иное. Скоро познакомился онъ съ нашимъ домомъ, и недѣли черезъ двѣ послѣ того отецъ мой сказалъ мнѣ, что Герцогъ сватается за меня, и что черезъ мѣсяцъ надсжитъ мнѣ выпши за него за мужъ. Я далъ ему слово, примолвилъ отецъ мой, выдашь тебя за него, не спрося на то твоего согласія; ибо я увѣренъ былъ, что ты съ удовольствіемъ вступишь въ такой выгодной для тебя союзъ, и выдешь за мужъ за такого человѣка, которой въ тебя влюбленъ, и которой со всѣхъ сторонъ любви достоинъ. Я выслушала сіе объявленіе (которое было для меня страшнѣйшимъ ударомъ), не могши произнести ни одного слова. Отецъ мой любилъ меня, однакожь не перпѣлъ противорѣчія. Что же я и сказать могла? Могла ли я прибѣгнуть и къ нѣжности матери моей? Какъ бы осмѣлилась я открытъ ей сердце мое, признаюсь въ своемъ преступленіи и скажешь, что я безъ ея вѣдома общалась вѣчно любивъ незнакомаго ей человѣка? . . . Тогда-то прямо почувство-

вала

вала я всю безразсудность своихъ преступковъ, по страшное несчастіе, которому подвергася молодая дѣвушка, не считающая всегда матери своей искреннымъ и истиннымъ другомъ своимъ. Не могли ни жаловаться, ни говорить, и заключивъ во внутренности сердца всю горестъ свою, убѣгала я Маркизы Венузи, спрашась ея опасныхъ совѣщаній. Я думала, что однимъ послушаніемъ могу загладишь свое преступленіе; подверглась судьбѣ своей, и щастіемъ своимъ пожертвовала той покорности, которую надлежало мнѣ имѣть къ волѣ моихъ родителей. Я вышла за мужъ за Герцога Ч * * * и черезъ нѣсколько дней побѣжала съ нимъ въ Неаполь. Приѣхавъ въ сей городъ, и вошедши въ свой домъ, гдѣ мнѣ надлежало вѣчно жить — разлучась съ моею матерью, съ друзьями моими, со всѣми знакомыми — почувствовала я въ сердцѣ своемъ такую ужасную горестъ, которую описать не въ силахъ. Герцогъ, приписывая мою печаль разлукѣ моей съ родителями, старался утѣшать меня увѣреніями въ своей любви, за которую не могла я плащать ему подобнымъ чувствомъ. Я начала ѣздить ко Двору, и скоро примѣшила, что Герцогъ былъ чрезмѣрно

мѣрно ревнивѣ. Сіе меня немного оскорбляло; ибо я охотно бы предпочла уединенную жизнь большому свѣту. Но щесливой Герцогѣ не могѣ согласиться, чтобы я отстала отъ Двора, не смотря на мое желаніе жить въ тишинѣ и на великую его ревность. Черезъ шесть мѣсяцовъ послѣ замужства моего услышала я, что Маркизъ Бельмиръ умеръ во Франціи, и въ своемъ завѣщаніи назначилъ Герцога Ч * * * въ опекуны сыну своему, которому было еще только осьмнадцать лѣтъ, и которой, возвращаясь въ Испалію, занемогъ въ Туринѣ. Черезъ двѣ недѣли послѣ того Герцогъ, вошедши ко мнѣ въ комнату, сказалъ, что онъ получилъ письма отъ своего племянника; что онъ уже здоровъ, но не хочетъ ѣхать въ Неаполь, и пишетъ ко мнѣ особое письмо, въ которомъ проситъ меня уговорить его, чтобы онъ позволилъ ему два года путешествовать по Европѣ. Сказавъ сіе, Герцогъ подалъ мнѣ незапечатанное письмо. Я взяла его съ шрепетомъ, и съ великою робостію читала вслужь слѣдующее:

Милостивая Государыня!

„Хотя и не имѣю счастья знать
„васъ, но думаю, что несчастіе мое мо-
„жетъ въ васъ вселить ко мнѣ сожалѣ-
„ніе. Я лишился нѣжнѣйшаго, наилуч-
„шаго родителя Горестъ, перзавшая
„сердце мое, приближала меня ко смерти;
„но жестокіе друзья мои попеченіями
„своими принудили меня жить — жить
„и мучиться! . . Я лишился всего, для
„чего любилъ жизнь Простите мнѣ,
„милостивая Государыня, что я описы-
„ваю вамъ горестъ мою, копорой вы не
„можете раздѣлять со мною; но сердце
„мое такъ ею наполнено, что прошивъ
„воли моей говорю о ней. Извините ме-
„ня, извините, и пожалѣйте о несчаст-
„номъ! . . Покойной родитель мой завѣ-
„щаніемъ своимъ совершенно подчинилъ
„меня волѣ дяди моего; но я не могу
„повиноваться повелѣнію его ѣхать въ
„Неаполь. Тамъ родился отецъ мой —
„тамъ жилъ онъ двадцать лѣтъ . . .
„Все будетъ мнѣ вспоминать его; а сіе
„вспоминаніе для меня весьма мучительно.
„Нѣтъ, я не въ силахъ студа ѣхать! ---
„Позвольте мнѣ, милостивая Государыня,
„быть увѣреннымъ, что вы одобрите мои
„чув-

„чувства и уговорите дядю моего опмѣ-
 „нишь такое приказаніе, котораго ни
 „какъ не могу исполнить. Изпросите
 „мнѣ позволеніе путешествовать — бѣ-
 „жать — удалиться отъ Неаполя. На-
 „дѣюсь, что въ удаленіи отъ Италіи об-
 „легчится шягость моего состоянія, хо-
 „тя и увѣренъ, что сердце мое никогда
 „уже не будетъ способно къ принятію
 „впечатлѣній радости.

„Съ глубочайшимъ почтеніемъ имѣю
 „честь быть, и проч.

Графъ Бельмиръ.

Не могу изобразить ужаснаго замѣ-
 шательства и безпокойства, которое чув-
 ствовала я при чтеніи сего письма. Мнѣ
 казалось, что не лзя было не понять
 его двусмысленности; къ тому же Гер-
 цогъ былъ весьма недовѣрчивъ и подозри-
 теленъ. Однакожь, не зная, что его
 племянникъ былъ въ Римѣ, и будучи увѣ-
 ренъ, что я никогда не могла его ви-
 дѣть, ни мало не думалъ онъ подозрѣ-
 вать меня въ любви къ нему. Что ка-
 сается до меня, то не могла болѣе ша-
 ить въ сердце моемъ мучительныхъ для
 него чувствъ, написала я на другой день
 письмо

письмо къ МаркизѢ Венузи, въ которомъ осмѣлилась жаловаться на судьбу мою, и признавалась, что не могу побѣдить несчастной своей спраспи. Маркиза, отвѣтствуя мнѣ на письмо мое, спрашивала у меня, какъ ведетъ себя Герцогъ. Я писала къ ней, что всякой день открываю въ немъ новые пороки, и въ характеръ его вижу такую жестокость, которая весьма оправдываетъ мое отъ него отвращеніе. Такимъ образомъ новою безразсудностію усугубляла я несчастіе свое. — Около сего времени имѣла я удовольствіе увидѣться съ моими родителями. Они пріѣхали въ Неаполь, зная, что я готовилась родить. Я родила дочь, кошую стала сама кормить. Сіе пріятное упражненіе заставило меня нѣкошорымъ образомъ забыть мои горести, и я равнодушно сносила всѣ оскорбленія со стороны Герцоговой, кошорой съ нѣкошораго времени пересталъ принуждать себя и далъ свободу злобнымъ движеніямъ своего сердца. На другой день послѣ того, какъ я уже перестала кормить грудью дочь мою, вошелъ ко мнѣ Герцогъ и сказалъ, что въ ту же самую минушу надлежало намъ ѣхать въ его деревню, до кошорой стѣ Неаполя было двѣ-

двѣнадцать миль. Я взяла на руки дочь мою, которая сидѣла подлѣ меня, и, не сказавъ ни слова, вспала и пошла за Герцогомъ. Мы сѣли въ карету и поѣхали. Я держала дочь свою на колѣняхъ и ласкала ее. Герцогъ не говорилъ ни слова и во всю дорогу, казалось, былъ въ глубокой задумчивости. Приѣхавъ въ замокъ, проѣхали мы черезъ подземной мостъ; звукъ цѣпей его привелъ меня въ трепетъ. Въ сію самую минушу взглянула я на Герцога. Что вы? сказалъ онъ мнѣ: не уже ли ужасаетъ васъ видъ этого замка? Не уже ли почитаете его пещерою? Сія слова произнесъ онъ съ принужденною и злобною усмѣшкою, и въ глазахъ его видна была такая свирѣпая радость, что я ужаснулась. Хоптѣвъ сокрытъ свой страхъ, я наклонила голову и спала цаловать дочь мою, которая, чувствуя слезы мои текущія по ея лицу, начала плакать. Вопль ея пронизалъ во глубину моей души; я съ нѣжностію прижимала ее къ сердцу моему, и проливъ воли моей зарыдала. Въ семь часовъ вышла я изъ кареты. Герцогъ, вырвавъ у меня изъ рукъ дочь, отдалъ ее одному изъ людей своихъ, и схвативъ руку мою, повелъ меня въ замокъ.

Часть. XIV. Но. 24. К мокъ,

мокъ, взвелъ на крыльцо и пошелъ со мною по длинной галереѣ. Начинало смеркаться. Галерея, по которой мы шли, была чрезвычайно пространныя и темна. Герцогъ, ведшій меня съ великою поспѣшностію, вдругъ остановился и сказалъ мнѣ: вы шепчете, сударыня? Отъ чего происходитъ этотъ ужасъ? Развѣ вы не съ супругомъ, котораго сердечно любите, которой и самъ имѣетъ всѣ причины любить васъ? . . . Боже мой! воскликнула я: что значить этотъ свирѣпой видъ, этотъ страшный голосъ? . . . Пойдемъ, пойдемъ, отвѣчалъ онъ: мы скоро изяснимся. Сказавъ сіе, Герцогъ понесъ меня почти на рукахъ, потому что я не могла идти. Онъ выпустилъ меня изъ галереи и привелъ въ большую комнату. Я бросилась на кресла и дала свободное теченіе слезамъ моимъ. Онъ вышелъ и тотчасъ возвратился, держа въ рукъ свѣчу, которую поставилъ на столъ противъ меня, а самъ сѣлъ подлѣ него. Я не смѣла смотрѣть на него, и насилу дышала; будучи въ страхѣ и пощупя глаза въ землю, съ шепотомъ ожидала я, что онъ начнетъ говорить. Всѣ мои преступленія представились вдругъ моему воображенію, и я съ ужасомъ помышляла,

что

что открыта несчастная тайна сердца моего — сіе сердце, исполненное порочной любви, билось и шептало передъ раздраженнымъ судіею. . . . О какъ бы я была спокойна и мужественна, естлибъ была невинна! Но я чувствовала свое преступленіе, чувствовала угрызеніе совѣсти, и ужасалась. Наконецъ сказалъ Герцогъ: довольно веселился я тайнымъ безпокойствомъ порочнаго сердца твоего; пора еще болѣе увеличить твое спраданіе. Прочитай эготъ списокъ — вопш письма, списанныя собственною моею рукою. — Тупш подалъ онъ мнѣ связку бумагъ; но видя, что я не беру ихъ, вынулъ онъ изъ нихъ одинъ листокъ и началъ читать вслухъ. По первымъ словамъ узнала я, что это было письмо мое къ Маркизъ Венузи, въ которомъ я говорила ей прямо о тайной любви, наполнявшей сердце мое, и о непреодолимомъ отвращеніи отъ Герцога. Боже мой! воскликнула я. . . . Невѣрная! сказалъ Герцогъ: я не могъ сдѣлать тебя счастливою Я тебя избралъ, отдалъ тебѣ передъ всѣми преимущество; я обожалъ тебя, а ты меня ненавидѣла и почитала себя несчастною — ты чувствуешь отъ меня *непреодолимое отвращеніе*.

щеніе. Хорошо, я оправдаю твою ненависть — впродъ будешь ты имѣть причину ненавидѣть меня. Будучи побою обманути, обруганъ, уже ли могу оставить себя безъ наказанія? Честь моя оправдана Постой, перервала я слова его: ты можешь винить меня, можешь меня наказывать, но не имѣешь права ругать меня. Хотя я и пицала въ себя, противъ моей воли, несчастную любовь, однакожь честь твоя и моя ни въ чемъ не поспрадала, и я должна винить себя только за неосторожное признаніе, за неосторожную довѣренность къ другу моему. Вѣроломная! сказалъ съ гнѣвомъ Герцогъ: вотъ твое осужденіе; слушай. — Тутъ прочиталъ онъ изъ одного письма моего слѣдующія спроки:

„Тотъ, котораго ничто не можетъ
„изпробить изъ сердца моего, такъ же
„какъ и я несчастливъ. Онъ знаетъ, какъ
„я его люблю; знаетъ, что признаніе
„мое нынѣ мучитъ меня, дѣлаетъ меня
„виновною.”

Я помнила сіе мѣсто письма моего; помнила и то, что не въ одномъ письмѣ не именовала я Графа Бельмира, и говорила

рила о немъ всегда такъ неопредѣленно, что не лзя было узнать, когда именно началась любовь моя. Герцогъ, будучи чрезмѣрно ревнивъ и съ начала замужства моего подозрѣвавъ меня въ любви къ двумъ молодымъ придворнымъ, былъ тогда увѣренъ, что копоройнибудь изъ нихъ овладѣлъ сердцемъ моимъ, и по сему увѣренію имѣлъ причину почитать меня преступницею, невѣрною женою, забывшею священной обѣщъ свой и влюбившеюся въ другаго человѣка. Для оправданія моего надлежало бы мнѣ сказать ему, что любовь моя началась еще прежде моего замужства, въ которое вступила я единственно изъ повиновенія къ волѣ родителей моихъ; но сіе признаніе могло бы все открыть ему. Онъ спалъ бы развѣдывать, могъ бы вспомнить тысячу обстоятельствъ: письмо, полученное мною отъ его племянника; великое мое замѣшательство, съ копорымъ я читала его, и въ которое приходила я всегда, когда онъ произносилъ имя его; связь Маркиза Венузи съ опцемъ Графа Бельмира. Выведя его изъ заблужденія, могла бы я обнаружить тайну сердца моего и подвергнуть Графа Бельмира мщенію Герцога, отъ котораго онъ

совершенно зависѣлъ, будучи еще съ небольшимъ осмѣльцами лѣтъ и находясь подъ его опекою. Герцогъ почелъ мое молчаніе за безмолвное признаніе его безчестія и стыда моего, пришелъ въ великую ярость и вскочилъ со стула. Лице его пылало отъ гнѣва, глаза блистали отъ злобы. И такъ, сказалъ онъ подошедши ко мнѣ, и такъ ты не можешь уже ничѣмъ извинить себя? Въ такомъ ли ты теперь состояніи, произнесла я тихо и со вздохомъ, чтобы могъ выслушать мои оправданія! Клянусь Небомъ, что я невинна . . . Ты невинна? перервалъ онъ: ты еще осмѣливаешься это утверждать? . . . Не сама ли ты написала, что любовникъ твой знаетъ, какъ ты его любишь? — Однакожь, отвѣчала я проливая слезы, я невинна; супружескихъ обязанностей ни въ чемъ я не нарушила. О чудовище лицемѣрія! воскликнулъ Герцогъ: шпечи наказанія, для тебя приготавлиаемаго! . . . Сии слова, произнесенныя грознымъ, страшнымъ голосомъ, почла я за приговоръ къ смерти, упала въ ужасъ на колѣни, подняла руки къ небу и воскликнула: Боже, Боже мой! спаси меня! Ты моя надежда! . . . Вспань, сказалъ мнѣ Герцогъ тишайшимъ

голосомъ: сядь и выслушай меня. Я повиновалась, смотря на него съ великою робостію. Нѣсколько минушъ не говорилъ онъ ни слова. По томъ, вздохнувъ весьма тяжело, сказалъ мнѣ: ты можешь сама чувствоваться, какъ я провнушъ, оскорбленъ, обиженъ . . . Ты, вочитавшая меня свирѣпымъ и мстительнымъ; ты, неблагоприятная, кошорую до нынѣшняго времени любилъ я болѣе всего на свѣшъ; кошорой всегда оказывалъ я одну нѣжность — ты можешь и должна шеперь спрашиться моего мщенія, мщенія весьма основательнаго. Между шѣмъ . . . я могу еще простишь тебя . . . могу. Но знай, что одна швоя искренность можешъ обезоружить гнѣвъ мой; напрошивъ шого малѣйшее швое пришворство погубишь тебя невозвратно. Я могу удовольствоваться одною жершвою; но одна мнѣ надобна. Наименуй же мнѣ сію минушу злаго соблазнишеля швоего, заставившаго тебя забыть должности швой, священныя кляшвы, весь стыдъ Нѣшъ, перервала я, я не прешупила должностей моихъ, не забыла кляшвъ Я хочу, сказалъ Герцогъ возвыся голосъ, хочу знать имя швоего любовника; я вешю шибъ наименовать его. Въ сію ми-

нушу почувствовала я весь ужасъ судьбы моей; но ободрясь и рѣшась лучше лишиться жизни, нежели согласиться погубить человека, сказала я Герцогу твердымъ голосомъ: есѣли тебѣ надобна жертва, то на что искашь ее? Она въ твоей власти. Успреми на меня все мщеніе твое; потому что ты никогда не узнаешь имени, которое знаешь хочешь. Будучи удивленъ моею смѣлостію и твердостію, Герцогъ споялъ неподвижно, не находя словъ, которыя могли бы выразить его гнѣвъ и злобу. Наконецъ съ ужаснымъ жаромъ воскликнулъ онъ: несчастная! я никогда не узнаю его? . . . Но я вижу, говорилъ онъ, спараясь нѣсколько успокоиться, что ты не имѣешь никакого понятія о той крайности, до которой я дойти могу въ моемъ мщеніи. Я на все готова, отвѣчала я, и пакъ угнѣтена несчастіемъ, что могу презирать смерть. Смерть? сказалъ онъ: нѣтъ, не льсти себя смертію; я осуждаю тебя не на смерть. Около года скрываю въ сердцѣ злобу мою; около года размышляю о способѣ наказать тебя за твою невѣрность, и ты еще можешь думать, что я удовольствуюсь минувшимъ мщеніемъ? . . . Нѣтъ, ты не умрешь . . .

Гробъ

Гробъ подлинно приготоовленъ для себя; но ты пойдешь въ него живая, будешь желать смерти, и все еще жить будешь. — Сии слова привели меня въ трепетъ; кровь моя охладѣла, глаза закрылись и я упала въ обморокъ. Пришедши въ себя, увидѣла я себя окруженную моими служанками. Я спросила ту, копорую болѣе всѣхъ любила, и копорую привезла съ собою изъ Рима; но мнѣ отвѣчали, что она оспалась въ Неаполѣ. Я поняла, что Герцогъ не велѣлъ ей съ нами ѣхать, не хотѣвъ, чтобы при мнѣ были такія люди, копорыя въ судьбѣ моей брали бы участіе. Сіе обстоятельство умножило мою горестъ. Во всю ночь женщины отъ меня не отходили. Присутствіе ихъ было мнѣ пыгоспно, для того что при нихъ надлежало мнѣ принуждать себя и скрывать мучительныя свои чувства; однакожь я боялась и одна оспаться. Всѣ сіи часы мучилась я угрызеніемъ совѣсти и ожиданіемъ ужаснаго наказанія. Въ шесть часовъ утра пошла я въ комнату къ моей дочери; она еще спала. Я выслала всѣхъ женщинъ, и сѣла подлѣ ея колыбели. Смотря на нее, я еще болѣе прежняго мучилась. Любезной младенецъ! сказала я: ты спишь покойно и не мо-

жешь чувствовать мучительной горести несчастной твоей матери; не можешь раздѣлять ее со мною! . . . Можешь быть вижу я тебя въ послѣдній разъ . . . И такъ теперь благословлю тебя. — Упавъ на колѣни, сказала я: Боже мой! я готова претерпѣть все то, чѣмъ Тебѣ угодно наказать меня; но молю Тебя, чшобы Ты благоволилъ дочь мою сдѣлать щастливою — чшобы она была всегда добродѣтельна, и чшобы жизнь ея текла въ тишинѣ и спокойствіи. Если подлинно опнимутъ ее у меня, то будь ей покровищемъ, будь ей вмѣсто матери ея! . . . Я зарыдала и не могла болѣе говорить. Въ сію минушу вдругъ отворились двери и вошелъ Герцогъ. Я затрепетала, увидѣвъ его; слезы мои остановились; я вспала и не могла сползать на ногахъ, упала на кресла. Одумалась ли ты? сказалъ Герцогъ: чувствуешь ли ты наконецъ весь ужасъ наказанія, тебѣ опредѣляемаго, если не исполнишь воли моей? — Я отвѣчала ему однимъ тяжелымъ вздохомъ. Скажешь ли мнѣ по имя, которое знаешь хочю? спросилъ Герцогъ: не уже ли и теперь все еще намѣрена ты никогда его мнѣ не называть? — Я подняла глаза къ небу и

мол-

молчала. Я пребую рѣшипельнаго оп-
вѣпа, говорилъ Герцогъ: *на менуешь ли
мнѣ ея?* . . . Нѣтъ, отвѣчала я. И такъ
ты осуждаешь сама себя, сказалъ онъ:
посмотри на этого младенца, и простишь
съ нимъ навсегда Нѣтъ воскликнула
я, нѣтъ! ты конечно не такъ золъ,
чтобы меня разлучить съ нею! . . . Ахъ!
позволь мнѣ по крайней мѣрѣ иногда ви-
дѣться съ нею, и я безъ роппанія буду
сносить все, чѣмъ ты меня мучишь на-
мѣренъ! . . . Уже ли сердце твое совсѣмъ
безжалостно? . . . Естъли же ты такъ
безчеловѣченъ, то какъ бы ни мучи-
тельна была жизнь моя, но ты конечно
будешь гораздо меня несчастнѣе: можешь
ли злодѣй быть щастливъ? . . . Одна-
кожь я не могу этого думать . . . Нѣтъ,
ты не опнинешь у меня дочери моей. —
Въ сію минуту дочь моя проснулась, от-
крыла глаза, и посмотрѣвъ на отца,
улыбнулась и просянула къ нему малень-
кія свои ручонки. Смотри, сказала я,
она за меня проситъ! О дочь моя! для
чего ты не умѣешь говорить! ты бы
конечно убѣдила отца своего . . . Тутъ
хотѣла я взять ее на руки; но Герцогъ,
схващая ее, сказалъ: оставь, оставь; она
уже не твоя. Опними у меня жизнь,

или отдай мнѣ дочь мою! воскликнула я: кѣ ногамъ ли швоимъ надобно упасшь, чтобы смягчишь сердце швое? . . . Видишь! -- Сказавъ сіе, бросилась я кѣ его ногамъ, обливала ихъ слезами, обнимала его колѣни. Я забыла всю гордость и думала только о дочери. Герцогъ, казалось, ушѣшался моимъ униженіемъ. Нѣсколько времени онъ меня разсмаптривалъ, по шомъ съ гнѣвомъ опшполкнулъ опъ себя и пошелъ кѣ дверямъ. Я бросилась за нимъ и кричала: *дочь моя, любезная дочь!* . . . Она испугалась и начала плакать, протягивая ко мнѣ руки свои. Казалось, что она прощалась со мною. Увы! она скрылась опъ глазъ моихъ! Герцогъ поспѣшно вышелъ изъ комнашы, и оставилъ меня въ опчаяніи. Черезъ минушу онъ возвратился и принудилъ меня ишши въ мою комнашу. По шомъ, перемѣняя видъ лица своего, сказалъ мнѣ: ты думаешь, что у меня сердце безжалостное; однакожь . . . Онъ ошановился и опуцилъ глаза въ землю — сіи глаза, копорыхъ мрачной и дикой взоръ могъ бы открьшь злобную его хипросшь. Я была въ его власпи, не знала его ужаснаго намѣренія, не воображала, чтобы ему для чего ишбудъ нужно было пришво-

шво-

ная его хитрость удастся ему — въ сіе самое время готовился онъ погубить меня.

Между тѣмъ отъ чрезмѣрной горести занемогла я лихорадкою и принуждена была лечь на постелю. Казалось, что Герцогъ былъ въ великомъ безпокойствѣ. Онъ отправилъ курьера въ Неаполь и велѣлъ опшуда быть двумъ Докторамъ; не опходилъ онъ мой постели; при людяхъ оказывалъ мнѣ всякія нѣжности, а наединѣ увѣрялъ меня, что любовь его ко мнѣ побѣждаетъ въ немъ всю злобу, и что я увижусь съ дочерью, какъ скоро не будетъ у меня лихорадки. Услышавъ такое обѣщаніе, забыла я все, что отъ него претерпѣла; схватила руку его, жала ее и слезами благодарности омочала — сію руку, которой черезъ нѣсколько часовъ надлежало меня низвергнуть въ ужасную мрачную пропасть. Докторы увѣряли, что болѣзнь моя нѣмало не опасна, и чрезъ два дни уѣхали назадъ въ Неаполь. Въ самый день отъѣзда ихъ Герцогъ казался весьма безпокойнымъ въ разсужденіи моего состоянія; и хотя уже не было у меня лихорадки, однакожь онъ принудилъ меня не
вспа-

Вставать съ постели. Цѣлые три дни служанки мои по приказанію Герцогову ошѣ меня не опходили и были весьма упомялены; вѣ сей день послааѣ онѣ ихѣ всѣхѣ опдыхать, сказавѣ, что онѣ самѣ съ камердинеромѣ своимѣ и одною спарушкою будешѣ ходишѣ за мною. Си два человекѣ не безѣ намѣренія были кѣтому избраны; онѣ предпочелѣ ихѣ всѣмѣ инымѣ для того, что они были весьма просты и легковѣрны. Занавѣсъ у постели моей былѣ задернушѣ, и я думала, что всѣ женщины мои были подѣ меня; но около половины дня, опдернувѣ нѣсколько занавѣсъ, увидѣла я, что вѣ комнашѣ моей были только шѣ два человекѣ, о копорыхѣ я говорила. Сему я весьма удивилась; а Герцогѣ, подошедши ко мнѣ, сказаѣ, что мнѣ не хуже пржняго будешѣ услуживать, и что онѣ самѣ ошѣ меня не опойдешѣ. Да зачѣмѣ же? спросила я съ великимѣ движеніемѣ: я уже не больна. Вмѣсто опвѣща на сей вопросѣ прсиаѣ онѣ меня не говоритѣ и успокоишѣся. Я почувствоввала вѣ себѣ великое безпокойство, хошѣ и не знала тому причины, и глаза мои наполнились слезами. Герцогѣ казался самѣ безпокойнымѣ, и вѣ лицѣ его

его видѣла я чрезвычайную перемѣну. Въ три часа по полудни попросилъ онъ у меня руки; съ шрепетомъ я подала ее; онъ пощупалъ пульсъ, вскочилъ, бросился отъ моей постели и громко сказалъ камердинеру, чшобы онъ побѣжалъ и пошчасъ отправилъ курьера въ Неаполь за Докторомъ, а старухъ велѣлъ какъ можно скорѣе привести священника. Отдавъ сіе приказаніе, воскликнулъ онъ отчаяннымъ голосомъ: *она умираетъ, умираетъ!*.. Возможно ли кому нибудь вообразить мое чрезвычайное удивленіе и ужасъ!... Первое мое движеніе было вспасть и бѣжашъ, но, лишась силъ, опять упала я на постелю. Сердце у меня шакъ билось, что я едва могла дышашъ; — отъ ужаса застыла во мнѣ кровъ, и я лежала безъ всякаго движенія. Камердинеръ и старуха, получивъ приказаніе, ушли и не могли возвратишъся прежде получаса; а я оспалась одна съ Герцогомъ. Онъ подошелъ ко мнѣ, и подавая мнѣ чайную чашку, сказалъ перерывающимся голосомъ: возьми, выпей... Услышавъ сіи слова, всѣ волосы спали у меня дыбомъ — холодной потъ выступилъ у меня на лицѣ. Я думала, что настала послѣдняя минута жизни моей; ибо увѣрена была,

что

что онъ даетъ мнѣ лишь ядъ. Пей же, повторишь онъ. Боже мой! что ты мнѣ подаешь? сказала я. Что тебѣ необходимо принять надобно, отвѣчалъ Герцогъ. — „По крайней мѣрѣ дай мнѣ время разкаяться во всѣхъ моихъ прегрѣшеніяхъ предъ Богомъ, просишь милосливаго прощенія, . . . Что ты осмѣливаешься думать? Развѣ считаешь меня злодѣемъ? — „Увы! я сама виновата; я была безразсудна, неосторожна . . . Боже мой! продолжала я, сложивъ руки: прости меня, прости моего гонителя; утѣшь несчастную мою мать, отца моего; будь покровителемъ моей дочери! — Послѣ сей краткой молитвы почувствовала я въ себѣ необыкновенную бодрость; мнѣ казалось, что я могу безъ ужаса предстать предъ Господа. Посмотрѣвъ на Герцога, увидѣла я, что онъ былъ блѣденъ и шепталъ. Произнеся нѣсколько непонятныхъ словъ, приподнялъ онъ одною рукою голову мою, а другою поднесъ мнѣ ко рту чашку. Безъ всякаго сопротивленія выпила я все до дна, и думая, что приняла смертельной ядъ, упала на подушки и готовилась испустить духъ. Черезъ нѣсколько минутъ глаза мои закрылись, я вся оцѣпенѣла,

Часть XIV, No. 25. Л лиши-

лишилась способности говорить и мыслить, и совсѣмъ забылась. Черезъ полчаса (какъ по узнала я послѣ) возвратились спаруха и камердинеръ. Герцогъ съ разтрепанными волосами и проливая слезы выбѣжалъ къ нимъ на встрѣчу и сказалъ, что я выпускаю духъ. Онъ пошелъ съ ними ко мнѣ въ комнату, чтобы подать мнѣ возможную помощь, какъ говорилъ онъ, если я еще не совсѣмъ лишилась жизни, или по крайней мѣрѣ самому закрыть мнѣ глаза. Онъ взялъ прежде предосторожность задернуть у постели занавѣсъ и сблать горницу мою темною. Подошедши къ постели моей, показывалъ, будто употребляетъ всѣ средства къ продолженію моей жизни; по томъ же, казалось, пришелъ въ совершенное опчаяніе. Между тѣмъ привели священника, которому велѣлъ онъ читать молитвы о усопшихъ. Всѣ женщины и всѣ слуги прибѣжали ко мнѣ въ комнату. Герцогъ стоялъ на колѣняхъ подлѣ моей постели. Спаруха и камердинеръ рассказывали всему дому, какъ Герцогъ старался продлить жизнь мою. По томъ Герцогъ открылъ на нѣсколько минутъ у постели занавѣсъ. Увидѣли меня блѣдную и лежащую безъ

всѣ-

всякаго движенія, и никому не лзя было сомнѣваться въ моей смерти. Герцогъ выслалъ всѣхъ людей въ другую комнапу, и оспался у меня одинъ съ священникомъ, котораго заставилъ читать молишвы до самой полуночи. Въ сіе время послалъ всѣхъ людей спать, и сказалъ, что погребетъ меня на другой день ввечеру, и что не имѣя силъ опойши отъ меня, всю ночь пробудетъ въ моей горницѣ. Опсылая священника, камердинера и спаруху въ переднюю комнапу, сказалъ имъ, что онъ хочетъ быть одинъ подлѣ меня до семи часовъ утра, желая безъ помѣшательства чувствовать свое несчастіе и молиться Всевышнему. Потомъ заперъ двери. Всѣ люди, нѣсколь-ко уже ночей неспавшія, воспользовались позволеніемъ иппи опдыхаться; всѣ были въ глубокомъ снѣ, какъ я постепенно выходя изъ обморока моего, въ четьре часа по полуночи пришла въ себя. Открывъ глаза, увидѣла я сидящаго подлѣ постели моей Герцога: видѣ его привелъ меня въ шрепетъ, хотя я и не помнила ничего случившагося со мною. Потомъ, сметрѣвъ на него приспально, темно вспоминала я, что онъ былъ раздраженъ противъ меня — ужаснулась,

отворотилась отъ него, и старалась вспомнить все происшедшее со мною. Тысячи мечшательныхъ образовъ представлялись моему воображенію. Я углубилась въ задумчивость, пришла въ нѣкопорое изступленіе, и наконецъ совсѣмъ лишилась чувствъ. Тогда Герцогъ далъ мнѣ понюхать спирту и проглотилъ нѣсколько капель ликеры, копорая меня снова оживила. Я приподнялась съ постели, съ удивленіемъ осматривалась — одна мысль возбуждала во мнѣ другую — и наконецъ пришло мнѣ на память, что я думала принять ядъ, и едва вѣрила сама себѣ, что я живу . . . Какимъ чудомъ возвращается мнѣ жизнь! воскликнула я по долговременномъ молчаніи. Ты напрасно ужасалась, сказалъ Герцогъ: успокойся и выгони изъ головы своей обидныя для меня мысли. Я не смѣла отвѣчать. Отдернувъ занавѣсъ у постели моей и увидѣвъ, что я была въ комнатѣ одна съ Герцогомъ, весьма я испугалась, вспомня все прошедшее. Для чего ты одинъ сидишь здѣсь? спросила я. Ты это узнаешь, отвѣчалъ онъ: теперь вспань съ постели. Онъ подалъ мнѣ платье, помогалъ мнѣ одѣваться, и по томъ ошвелъ меня отъ постели и посадилъ

дѣлѣ на кресла. Видя, что я весьма слаба и вся дрожу, далѣ мнѣ еще вынишь ликеры, и помолчавъ нѣсколько минушъ, сказалъ: теперь ничего не ушаю опъ тебя; вчера далѣ я тебѣ вынишь опіумъ На что же? спросила я. Выслушай все, продолжалъ онъ: ты меня обманула, обезчестила; я предлагалъ тебѣ прощеніе, но ты не захопѣла принять его. Доказана тебѣ невѣрность швоя, и ты все еще пишаешь въ сердцѣ своемъ порочную спрасъ; мой гнѣвъ, угрозы мои не могли заставишь тебя сказать мнѣ имя швоего любовника. Ты думала, можешъ быть, что должное уваженіе къ швоей фамиліи не дозволишь мнѣ опнять у тебя дочь и лишишь тебя свободы; ты безъ сомнѣнія думала — потому что нѣтъ такого злодѣянія, къ которому бы ты, по ненависти своей ко мнѣ, не почишала меня удобнымъ — ты думала, что мнѣ оспаешся одно средство опмспить тебѣ, шо еспь, впайнѣ лишишь тебя жизни; а *непреодолимое отвращеніе*, которое опъ меня имѣешь, легко рѣшило тебя умереть Но знай, что ты жить будешь, но навсегда разспанешся съ своими родственниками, друзьями, домашними, и съ цѣлымъ свѣ-

помѣ! . . . Боже мой! воскликнула я: но уже ли думаешь ты, жестокой, что опецѣ мой, мать моя, совсѣмѣ не будущѣ обо мнѣ думаешь? — На сихѣ дняхѣ, опвѣчалѣ Герцогѣ, получаютѣ они ложное обѣявленіе о пвоей смерти. . . . „Смерти?“, — Всѣ вѣ здѣшнемѣ замкѣ думаютѣ, что ты умерла; во время пвоего усыпленія всѣ люди мои видѣли тебя. . . . И такѣ я живу только для тебя одного! перервала я, проливая слезы: теперь вижу, какѣ ужасна судьба моя! — Ты еще не знаешь всего, сказалѣ Герцогѣ: знай, что вѣ этомѣ замкѣ есть у меня большая подземная пемница, никому неизвѣстная; свѣтѣ никогда вѣ нее не проникаетѣ. . . . И такѣ мнѣ необходимо уже надлежитѣ погибнуть! перервала я. . . . Нѣтъ, опвѣчалѣ Герцогѣ, судьба пвоя еще вѣ пвоихѣ рукахѣ. Я пошчасѣ пойду разбудить людей моихѣ и скажу имѣ, что ты была вѣ обморокѣ; я не опправилѣ еще письма кѣ опцу пвоему, могу простить тебя, и ты по прежнему жить будешь вѣ свѣтѣ. Требую опѣ тебя только одного слова. Я сказалѣ тебѣ, что мнѣ надобна жертва. . . . Наименуй злодѣя моего, и ты будешь прощена. — Что ты мнѣ предлагаешь?
сказала

сказала я: подвергнуть мщению своему
 такого человека, копорой, въ чемъ снова
 увѣряю тебя, не сдѣлалъ тебѣ никакой
 обиды? Нѣтъ, нѣтъ! я недостойна буду
 жить въ свѣтѣ, естли соглашусь на швое
 предложеніе! — Подумай хорошенько,
 отвѣчалъ Герцогъ взглянувъ на меня съ
 свирѣпостію: и естли еще скажешь нѣтъ,
 то отведу тебя въ мрачное жилище,
 для тебя пригошовленное, откуда уже
 ты никогда не возвратишься. Завтра
 отправлю я человека къ родителямъ
 швоимъ съ извѣстіемъ о швоей смерти,
 копорое приведетъ ихъ въ отчаяніе, или
 съ извѣстіемъ о швоемъ выздоровленіи,
 копорое ихъ весьма обрадуетъ; завтра
 увидишь ты дочь свою и свѣтъ солнца,
 или пойдешь спенать въ ужасную пьму;
 завтра всѣ въ этомъ замкѣ съ радостію
 увидятъ тебя совершенно здоровую, или
 будутъ проливать слезы на швоихъ по-
 хоронахъ. . . . Подумай же объ этомъ.
 Скоро уже мнѣ не лзя будетъ простить
 тебя; напрасно будешь разкаиваться —
 напрасны будутъ швои слезы и прозь-
 бы — все свершится. — Послѣ сего
 жестокаго убѣжденія Герцогъ замолчалъ.
 Я вскочила съ креселъ, будучи внѣ себя;
 бросилась къ дверямъ, ошановилась и

воскликнула: и такъ я всѣми оставлена!.. Любезная дочь! я буду жить и никогда уже съ побою не увижусь! . . . А вы, несчастные родители, вы будете оплакивать смерть мою! . . . Дочь моя! . . . Ахъ! позволь мнѣ еще съ нею видѣться! — Скажи одно слово, оповѣчалъ Герцогъ, и чрезъ четверть часа дочь своя будетъ въ твоихъ объятіяхъ! — Сіи слова привели въ волненіе сердце мое. Я молчала и размышляла. Графъ Бельмиръ, думала я, шеперь въ отсутствіи и возвратишься не прежде года; въ сіе время легко мнѣ о всемъ предувѣдомить его; припомъ искренное признаніе доказало бы Герцогу, что онъ напрасно почитаетъ меня преступницею — но вдругъ, вспомнивъ всю жестокость Герцогову, выгнала я изъ головы сіи мысли. Могла ли я быть увѣрена, что такое признаніе возвратитъ мнѣ и дочь и свободу? Не могла ли я думать, что Герцогъ, думая, что я ненавижу его, не переменитъ намѣренія своего мстить мнѣ; и много, если бы облегчилъ по наказаніе, которое тогда опредѣлялъ мнѣ? И такъ въ семъ сомнѣніи можно ли было мнѣ наименовать ему Бельмира? Я страшилась болѣе всего быть причиною несчастія его, и лучше хотѣла
спра-

спрадать одна. — Между шѣмъ, какъ я о всемъ помѣ размышляла, Герцогъ думалъ, что я колеблюсь, и снова понуждалъ меня опвѣчать, сказавъ: скоро уже покажется день; время тебѣ рѣшишься; я пойду разбудить людей и сказать имъ, что ты жива, или опведу тебя въ гробъ твой. Говори. . . . хочешь ли мнѣ наименовать виновника твоего и моего несчастія? Тутъ подняла я глаза на небо, и собравъ всѣ свои силы, опвѣчала: нѣтъ!.. Что говоришь ты, несчастная! воскликнулъ Герцогъ. Нѣтъ, продолжала я, не думай, чтобы я когданибудь тебѣ его наименовала. И такъ, сказалъ Герцогъ, ты предпочитаешь любовника дочери, вольности, жизни, всему на свѣтѣ? Трепещи же, невѣрная! минуша мщенія настала. — Сказавъ сіи слова, хотѣлъ онъ схватить меня за руки. Въ ужасъ бросилась я отъ него, побѣжала на другой конецъ комнаты и крѣпко ухватилась руками за кровать. Отъ сильнаго движенія моего спалъ у меня съ головы спальной чепецъ и волосы повисли по плечамъ. Герцогъ, подходя ко мнѣ, ошановился, казался изумленнымъ, и нѣсколько времени молчалъ. Наконецъ, опшавивъ меня отъ кровати, подвелъ къ

зеркалу и сказалъ: посмотри, несчастная, посмотри въ послѣдній разъ на эту красоту, которую ужасная тьма навсегда сокроетъ! . . . Подыми глаза и взгляни на себя! . . . Не будь пропивъ самой себя пиранкою! . . . Уже ли ты жалѣешь себя менѣе, нежели я себя? . . . Подумай о своей молодости, прелестяхъ своихъ; сжапись надъ своею участію! . . . Еще можешь ты переменить ее. — Я не могла удержаться, чтобы не взглянуть въ зеркало; но тотчасъ закрыла помные глаза свои и почувствовала, что слезы капились у меня по лицу. Уже ли ты еще непреклонна? спросилъ Герцогъ. Ахъ! отвѣчала я: не напрасно ли обѣщалъ ты мнѣ возвратить дочь мою? не отказалась ли я отъ него? . . . Едва я произнесла сіи слова, Герцогъ въ испуленіи бѣшенства схватилъ меня и понесъ изъ комнаты. Я ни мало не пропивилась; чрезвычайной ужасъ мой сдѣлалъ меня неподвижною и нѣмою. Прощедши двѣ или три комнаты, сошли мы съ маленькаго поаеннаго крыльца и вошли на большой дворъ, въ концѣ котораго были ворота. Герцогъ створилъ сіи ворота, и мы вошли въ садъ. Въ сію минуту Герцогъ остановился, примѣшивъ,
что

что начинаетъ свѣпашь. Въ послѣдній разъ въ жизни своей, сказалъ онъ, видишь ты зарю Я упала на колѣни, и смотря на небо, воскликнула: Боже, Боже мой! зная мою невинность, уже ли допустишь Ты, чтобы я была погребена живая и навсегда лишена солнечнаго свѣпа? . . . Лишь только я сказала сіе, Герцогъ пошацилъ меня къ каменной горѣ, кошорая была отъ насъ шагахъ въ дваццати; онъ засунулъ ключъ за одинъ большой камень, и въ шу же секунду открылась нѣкошорого роду западня Я запрещала Герцогъ остановился и сказалъ: вошъ послѣдняя минуша, въ кошорую ты можешь еще получить прощение; вошъ гробъ швой, уже разкрышй для приняшя шбя. Разкайся, докажи мнѣ разкаяніе свое искреннымъ признаніемъ: я готовъ во всемъ проспшить шбя. Ты думаешь, можетъ быть, продолжалъ онъ, что при совершени мшчения моего боюсь я опасныхъ для себя слѣдствій; но знай, что я все уже одумалъ, все предвидѣлъ, и ничто не можетъ остановить меня. — По шомъ началъ онъ мнѣ подробно рассказывать все взятыя имъ предоспорожности, и сказалъ, что по-

ложитъ

ложитъ на постелю мою сдѣланную изъ воску спашую, которую онъ уже давно приготовилъ; что въ гробъ перенесешь ее самъ, не допустишь взяться за нее ни кому изъ людей, которыхъ будутъ только зрители, и по томъ погребешь ее. И такъ, примолвилъ онъ, скажи, принимаешь ли ты прощенье, которое уже въ послѣдній разъ тебѣ предлагаю? Говори, пожертвуй любовникомъ своимъ мщенію моему, скажи мнѣ имя его, или откажись навсегда отъ свѣта. — Онъ замолчалъ. Я посмотрѣла на ту сторону неба, гдѣ скоро надлежало явиться солнцу, хотѣвъ еще въ послѣдній разъ видѣть свѣтъ его и по томъ навсегда съ нимъ простишься; небо, покрытое блестящими облаками, представляло важной и величественной видъ. Сей взоръ возвысилъ душу мою и укрѣпилъ мужество мое сердце. Съ презрѣніемъ обратила я глаза на землю, и взглянувъ на Герцога, сказала ему твердымъ голосомъ: вошь твоя жертва! . . . Онъ схватилъ меня . . . Сердце мое ужасно билось . . . Я взглянула еще на небо, и по томъ сошли мы въ темную пещеру. Я не могла держаться на трепещущихъ ногахъ моихъ

ихъ

ихъ — вся кровь моя была въ чрезвычайномъ волненіи — и лишилась силъ, и безъ чувствъ упала къ ногамъ жестокаго гонителя моего. Не знаю, долго ли была я въ семъ состояніи. Увы! я пришла въ себя только для того, чтобы почувствовать всю тягостъ несчастной жизни моей! Какъ изобразить мнѣ почувствованной мною ужасъ, когда, открывъ глаза, увидѣла я себя въ подземной пещицѣ, окруженную густымъ мракомъ и лежащую на соломѣ! ... Я закричала — во глубинѣ пещеры; эхо повторило жалостной вопль мой, привело меня въ пре-пещь и увеличило ужасъ мой. Боже мой! воскликнула я: вотъ одинъ голосъ, которой впредь будешь мнѣ опвѣщивать — одинъ звукъ, которой слышать буду! .. Слезы полились по лицу моему. ... Въ сію минушу услышала я, что опворяется дверь пещицы моей, и вошелъ Герцогъ, держа въ рукѣ фонарь. Онъ поставилъ подлѣ меня кружку съ водою и положилъ хлѣбъ. Вотъ, сказалъ онъ, чѣмъ ты опнынъ будешь питаться. Въ эпомъ окнѣ, которое тутъ видишь, найдешь ты всякой день хлѣбъ и воду; я самъ буду приносить тебѣ эту пищу, положу ее на окно, и никогда уже не войду

войду въ эту ужасную пещицу (*). Я осмолрѣлась тогда вокругъ себя, и увидѣла пространную пещеру, кошорой конца совсѣмъ было не видно. Та часть, въ кошорой мнѣ жить надлежало, усплана была полстыми рогожами, чшобы не было сильнаго холода и сырости; варварѣ, заключившій меня въ семѣ страшномѣ жилищѣ, взялъ всѣ предоспорожности къ сохраненію моей жизни. Осмолрѣвъ съ ужасомѣ все окружающее меня, обратилась я къ мучишелю моему, и давѣ свободу ненависти своей къ нему, кошорую полъ долгое время скрывала и спаралась изспреблять, укоряла я его какѣ величайшаго злодѣя, и говорила прямо, что ненавижу, презираю его. Онѣ слушалѣ меня нѣсколько времени, спараясь удерживать гнѣвъ свой; наконецѣ, не могши долѣе воздерживаться, осыпалѣ меня проклятіями и потчасѣ ушелѣ. Съ сего времени не входилѣ онѣ уже въ пещицу мою. Когда приносилѣ мнѣ пищу, потспучалѣ въ окно до того времени, какѣ я

(*) Такимѣ образомѣ несчастная Герцогиня Ч * * * получала въ послѣдствіи чрезѣ сіе же окно бѣлье и плашье, когда была ей въ томѣ уже необходимая нужда.

я отвѣчала, и уходилъ не сказавъ ни слова. Скоро я разкаялась, что упреками своими умножила еще злобу его противъ меня. Онъ отецъ дочери моей, думала я, и она шеперь у него въ рукахъ. Сверхъ того, не взирая на ужасное мое состояніе, все еще пипалась въ сердцѣ моемъ нѣкоторая надежда. Чѣмъ болѣе размышляла, тѣмъ менѣе казалось мнѣ върояшнымъ, чшобы онъ въ самомъ дѣлѣ хошѣлъ продержашь меня въ сей темницѣ до самой моей смерти. Я ласкалась тѣмъ, что онъ не объявилъ о мнимои смерти моей ни въ домѣ своемъ, ни моимъ родителемъ; что онъ конечно нашелъ какое нибудь другое средство сокрыть меня отъ нихъ безъ всякаго на себя подозрѣнія, и что онъ можетъ вывести меня изъ темницы, когда захочетъ. Какъ могла я вообразить и то, чшобы онъ поставилъ себѣ въ необходимую должность всякой почши день приносить мнѣ пищу и рѣшился всегда жить въ своемъ замкѣ, изъ котораго ему не лзя бы было оплучаться, развѣ дни на два или на три? потому что онъ одинъ зналъ обо мнѣ и въ разсужденіи сего ни къ кому не имѣлъ довѣренности. . . . Увы! я не знала, что злоба для своего удовле-

шво-

творенія можешъ наложить на себя пакиа цѣпи, копорыя и самая величайшая любовь едва ли бы носить могла! . . . И такъ, по моему разсужденію, увѣрилась я, что онъ не вѣчно будетъ мнѣ мститъ. Пишая въ себѣ сію утѣшительную мысль, всегда начинала я говорить съ нимъ, когда онъ спучалъ въ окно; и хопя онъ никогда не ошвѣчалъ мнѣ, однакожь всегда просила его сжалишься надо мною и увѣряла въ своей невинности. Будучи совсѣмъ лишена свѣта, не могу сказать, сколько времени провела я въ надеждѣ; но наконецъ совсѣмъ потеряла ее. Тогда разумъ оставилъ меня; я безумствовала, ропшала на судьбу свою, на Провидѣніе. Душа моя, терзаемая долговременною горестію и приведенная наконецъ въ совершенное уныніе, лишилась силъ своихъ, и я впала гъ мрачное опчаяніе. Изступленіе мое столь далеко простиралось, что я, почитая себя несчастнѣйшею тварію, думала имѣть право лишить себя жизни — будшо бы уже можешъ человекъ насильственно перервать нить жизни своей, какъ скоро она дѣлается ему неприятною! Рѣшившись умереть, два дни не брала я хлѣба и ничего не ѣла. Напрасно Герцогъ спучалъ и звалъ меня: я не хотѣла

хотѣла отвѣчать ему. Наконецъ онѣ вошелъ ко мнѣ въ темницу. Когда я увидѣла его вошедшаго съ фонаремъ, то не смотря на потѣ ужасъ, которой производило во мнѣ его присутствіе, почувствовала я нѣкоторую радость въ сердцѣ, увидѣвъ опять свѣтъ; однакожь я не говорила ни слова. Онѣ хотѣлъ облегчить мое заключеніе, приносилъ мнѣ свѣчи, книги и лучшую пищу, естли я скажу ему имя того, кого онѣ споль не перпѣливо знать желаетъ. Послѣ сего предложенія, посмотрѣвъ на него съ величайшимъ презрѣніемъ, сказала я ему: ты уже разорвалъ несчастной союзъ нашъ. Теперь сердце мое свободно и можетъ безъ угрызенія совѣсти пипать въ себѣ тѣ чувства, которыя прежде спаралась я изспреблять. Человѣкъ, котораго ты узналъ хочешь единспвенно для того, чтобы излить на него весь ядъ злобы твоей, теперь мнѣ гораздо любезнѣе, нежели когда нибудь прежде; изпуская духъ мой, буду желать ему добра. И такъ суди же, могу ли я тебѣ наименовать его? . . . И такъ, сказалъ Герцогъ, ты совсѣмъ забыла Религію? Въ сердцѣ своемъ хочешь пипать беззаконную любовь и лишишь себя жизни? . . .

Тиранъ! перервала я: можешь ли ты еще почищать меня своею супругою, низвергнувъ меня въ эту мрачную пропасть и нося по мнѣ прауръ? . . . Правда, что я не могъ сносить жизни и хочу умереть; но Богъ, Который насъ ожидаетъ и будетъ судить, накажетъ тебя болѣе, нежели меня за то опчаяніе, въ которомъ я теперь опниваю у себя жизнь. Никто изъ смертныхъ не можетъ слышать спенаній моихъ; но какая глубокая пропасть, какая гусная пьма можетъ сокрыть отъ Вѣчнаго спраданія бѣдной, воздыхающей швари Его? . . . Трепещи! . . . Онъ видитъ насъ и готовъ простить меня; но правосудіе Его вознесло уже на тебя мечъ наказанія! — Слова сіи привели Герцога въ трепетъ; онъ съ ужасомъ разсматривалъ меня. Нѣсколько минушъ съ удовольствіемъ смотрѣла я на его замѣшательство, и радовалась, что пробудила въ немъ совѣсть его. Онъ былъ блѣденъ, безпокоенъ, и долго не говорилъ ни слова; но по помѣ сказалъ: Одной себѣ приписывай нещастіе свое. Ты была преступницею; въ опомѣ я увѣренъ, и ты сама не могла опровергнушь доказательствъ моихъ: и при всемъ помѣ наказалъ я тебя не

пре-

Прежде, какъ сто разъ предлагавъ себѣ прощеніе. Даже и теперь хочу облегчить свою участь, но ты сама не хочешь того. Если бы ты захопѣла, то не смотря на свою невѣрность, не смотря на свою ко мнѣ ненависть, жила бы ты еще въ моемъ домѣ, видѣлась бы съ дочерью. . . . Съ дочерью! перервала я: что съ нею сдѣлалось? жива ли она? — Она живетъ у своей матери, опѣчалъ Герцогъ. И такъ она уже не у тебя, не въ твоихъ уже рукахъ? спросила я. Герцогъ, видя, что сія мысль оживляла меня, вынулъ изъ кармана письмо отъ моей матери и позволилъ мнѣ прочитатъ его. Сіе письмо, которое омочала я слезами, было такого содержания:

„Вчера ввечеру привезли ко мнѣ внуку
 „мою. . . . Какъ могу описать вамъ всѣ
 „чувства, перзавшія сердце мое, когда
 „я обнимала ее! . . . Вы мнѣ отдаете
 „ее, позволяете мнѣ называть ее моею! . . .
 „Чувствую, что уже весьма люблю ее;
 „она болѣе привязываетъ меня къ жизни,
 „но не можешь меня совершенно утѣшить.
 „Лишась любезной моей дочери, могу ли
 „когданибудь утѣшиться? Съ нею ли-
 „шилась я всего. . . . Въ будущее льшо

„пріѣду къ вамъ и привезу съ собою
„дочь вашу; мы проживемъ съ вами мѣ-
„сяца два. Когда вы не можете оспа-
„вить того печальнаго мѣста, которое
„живо воспоминаетъ вамъ потерю вашу
„и по тому самому вамъ любезно, то я
„конечно буду имѣть сполько мужества,
„чтобы шуда къ вамъ пріѣхать и по-
„смотреть великолѣпной монументъ, со-
„оружаемой вами въ память той, кото-
„рую вы болѣе всего любили, и которая
„споль достойна слезъ нашихъ. . . . Мо-
„жетъ быть въ этомъ же самомъ мѣстѣ
„окончашся мои спраданія. . . . Мо-
„жетъ ли нѣжная мать не лишиться жи-
„зни, обнимая гробъ своей дочери? . . .
„Между тѣмъ я терпѣливо буду сносить
„жизнь. Религія и Природа повелѣвають
„мнѣ жить. Я буду жить для младенца,
„котораго вы мнѣ повѣрили. Ахъ! мо-
„гу ли когда нибудь возблагодарить васъ
„за такое благодѣяніе, за такую жер-
„тву? Какъ должны вы любить дочь
„свою! Она имѣетъ всѣ черты матери
„своей, всѣ ея прелести, и совершенно
„представляетъ мнѣ дочь мою, когда
„она была еще въ дѣтствѣ. . . . Восхи-
„щительная мечта! . . . Нещастная мать!
„у тебя уже нѣтъ дочери!,, —

Про-

Прочитавъ сіе письмо, бросилась я на колѣни, и воскликнула: Боже мой! дочь моя вѣобъятіяхъ моей матери! нѣжная родительница моя хочетъ для нее жить! . . . И такъ благодарю тебя, Боже мой! Прости, что я по безумію моему рошпала. Впредь терпѣливо буду сносить судьбу свою и во всемъ полагаюсь на Твой промыслъ. Продолжи, еспли Тебѣ угодно, несчастную жизнь мою, и сдѣлай щасптивными всѣхъ любимыхъ мною. — Сказавъ сіи слова, я упала на солому; ибо слабость моя была такъ велика, что я не могла споять на ногахъ. Вѣ сію минушу Герцогъ предложилъ мнѣ пищу, которую я и приняла; по томъ онъ оставилъ меня, и съ того времени я никогда уже не видала его. Между тѣмъ, помня обѣщаніе свое, пеклась я о моей жизни. Мысль, что моя молитва и вѣра будущъ для матери и дочери моей источникъ щаспія — сія утѣшительная мысль могла всегда оживлять меня и подкрѣплять мою бодрость. Воспоминаніе моихъ пресупленій болѣе всего меня мучило. Увы! говорила я: всѣ моя несчастія отъ меня самой произошли. Я не имѣла полной довѣренности къ моей матери; переставъ требо-

вать у нее совѣтовъ, сдѣлала я преступ-
 леніе. Неблагодарная и порочная дочь!
 Небо, хотѣвъ наказать меня, ослабило
 моихъ родителей въ ихъ выборѣ; су-
 пругъ, котораго они дали мнѣ, не могъ
 меня сдѣлать щастливою. Однакожь, не
 впадая въ новыя преступленія, могла бы
 я найши великое утѣшеніе въ моей до-
 чери; но не думая въ самомъ дѣлѣ из-
 шреблять порочной, несчастной страсти,
 я впайнѣ питала ее и осмѣлилась даже
 говорить о ней въ безразсудныхъ пись-
 махъ моихъ, меня погубившихъ, описы-
 вать всю ея силу и припомъ жаловаться
 на моего супруга, оскорблять его! . . .
 Разсуждая такимъ образомъ, проливала
 я слезы. Наконецъ время усладило го-
 рещь разкаянія моего, такъ что я спа-
 ла уже находить нѣкоторое удовольствіе
 въ размышленіи о прежнихъ моихъ по-
 рокахъ, и почно опъ того, что надѣясь
 на благость Всевышняго, почипала ихъ
 заглаженными моимъ долговременнымъ
 чистосердечнымъ разкаяніемъ и всемъ
 шѣмъ, что я уже претерпѣла. Споль
 чудесно устроено сердце человеческое,
 или споль велика милость Божія, что
 человѣкъ, въ какомъ бы состояніи онъ
 ни былъ, находить для себя всегда нѣ-
 котора

которое утѣшеніе! Лишенная всего и удаленная отъ свѣта, скоро почувствовала я въ сердцѣ своемъ ту силу, которую сообщася увѣренность, что души, которыми ведетъ насъ Богъ, суть для насъ наилучшіе. Религія сдѣлалась для меня источникомъ величайшаго утѣшенія. Она испребила въ сердцѣ моемъ всѣ ошпапки порочной любви, и вселила въ меня мужество, котораго человѣческая философія не могла бы мнѣ сообщить — мужество безъ всякаго опчаянія, безъ всякаго ропола провести послѣдніе шесть лѣтъ въ подземной, душевой пещницѣ, куда свѣтъ не проникалъ никогда — послѣдніе шесть лѣтъ, говорю; ибо первые два или три года я много перзалась. Время, въ которое по моему вычисленію надлежало пріѣхать матери и дочери моей въ шотъ замокъ, гдѣ я была заключена, было для меня весьма мучительно, и составляетъ самую горестнѣйшую эпоху моего заключенія. Сердце мое раздиралось, когда я помышляла, что мать и дочь моя были отъ меня такъ близко, а я не могла имѣть надежды видѣться съ ними. Дражайшая родительница! думала я: ты проливаешь слезы о смерти моей, а я жива! . . . И

къ кому же прибѣгаешь ты въ своей горести! . . . Ты ожидаешь утѣшенія отъ такого человѣка, которой меня опчялъ у тебя, удалилъ отъ всѣхъ людей, сокрылъ отъ меня всю вселенную. . . . Ахъ! напрасно обнимаешь ты гробъ, къ которому тебя приводятъ! Тутъ нѣтъ твоей дочери — она въ томъ гробѣ, по которому ты ходишь, ни мало того не думая. Можешь быть, во время ночнаго молчанія, не могла наслаждаться пріятностями сна,ходишь ты къ моей пещерѣ; можешь быть, въ самую сію минушу, сидишь ты подлѣ сей ужасной западни, которая уже никогда для меня не откроется Ахъ! естли это въ самомъ дѣлѣ такъ, то ты безъ сомнѣнія думаешь о своей несчастной дочери, оплакиваешь ее, и не можешь слышать ея вопля, голоса ея, тебя зовущаго! — Сіи мысли мучили мое сердце и часто приводили въ помѣшательство разумъ мой. За сими жестокими припадками горести слѣдовало всегда нѣкотораго рода забвеніе, которое, можешь быть, было не лучше самаго опчянія; но по мѣрѣ того, какъ вѣра усилялась въ сердцѣ моемъ, сіи жестокія изступленія ослабѣвали, и я находила не-

опи-

описанное ушѣшеніе въ молишвѣ. Всѣ шѣ мысли, копорыя для людей бывающѣ обыкновенно спрашны, были для меня самыми пріятнѣйшими мыслями. Сѣ какимѣ удовольствіемѣ помышляла я о крапкостп жизни! сѣ какою радостію ожидала смерти! Самой щаспливѣйшій чело-вѣкѣ, думала я, можешѣ ли бытѣ на землѣ совершенно доволенѣ? Онѣ менѣе зани-маешся шѣми благами, копорыми обла-даешѣ, нежели шѣми, копорыхѣ ожидаешѣ. Среди мнимаго благополучія, вооб-раженіе его успремяешся всегда кѣ неиз-вѣстному будущему. Но какая нужда, что здѣшняя жизнь его щасплива или нещасплива? Какая нужда, что надежды его исполнятсѣ или не исполнятсѣ? Развѣ уже не будешѣ у него новыхѣ желаній? Умѣешѣ ли онѣ настоящимѣ пользова-тсѣ, умѣешѣ ли шѣмѣ довольствоватсѣ? . . . Начто же сѣ такою горестію жалѣю о томѣ, чего я лишена, забывѣ, что ничто внѣшнее не можешѣ сдѣлать чело-вѣка щаспливымѣ? . . . Правда, что я всю жизнь мою должна провести въ сей ужасной шѣмѣ; будущее представляешѣ воображенію моему одну долгую и печальную ночь . . . Хорошо; такѣ будемѣ думать только о пробужденіи. . . забудѣ

демъ плѣнную жизнь и спанемъ занимаешься одною вѣчностію! . . Презримъ минувшую скорбь, за которую послѣдуютъ вѣчное блаженство! . . Обращимъ всѣ наши желанія, всѣ наши надежды къ Тому, Который одинъ можетъ занять все сердце наше, Который одинъ достоинъ нашей привязанности! — Разсуждая такимъ образомъ, забывала я свое нещасіе, или, лучше сказать, не находила себя нещасливою, будучи увѣрена, что всемъ правитъ премудрая Рука, не лагающая ни на кого сверхъ его силъ и заспавающая насъ иногда спенашъ подъ бременемъ временныхъ золъ единственно для того, чтобы послѣ покоить насъ въ объятіяхъ щастливой вѣчности. Такимъ образомъ пришедши въ себя и давъ дѣйствовать разсудку своему, не только чувствовала я великое облегченіе въ сердцѣ, но и привыкла къ окружавшей меня тишѣ къ заключенію своему, и нашла для себя упражненіе. Большую часть дня, или ночи, прожизивалась я по пространный своей пемницѣ; сочиняла стихи, которые громко твердила; зная музыку и имѣя хорошій голосъ, сочиняла я гимны и съ величайшимъ удовольствіемъ пѣла ихъ и слушала эхо, мнѣ ошвѣщавшее,

вавшее,

вавшее. Сонъ мой былъ покоенъ; пріятныя сновидѣнія представляли мнѣ отца моего, мать мою и дочь; я видѣла ихъ всегда щасливыхъ и довольныхъ. Иногда видѣла себя перенесенную въ блестящія палаты, или въ прекрасные сады; я разсматривала небо, деревья, цвѣты. Такимъ образомъ въ сихъ сладостныхъ мечтахъ обладала тѣмъ, чего наяву была лишена. Правда, что иногда просыпалась со вздохомъ, и жалѣла, что такъ скоро исчезали восхищительныя мечты, однакожь сердце мое и во бдѣніи находило для себя великія радости, и воображеніе мое, очистившееся и возвысившееся, было для меня источникомъ многихъ удовольствій. Будучи всегда видима высочайшимъ Существомъ, дерзала я ласкаться, что мое шerpѣніе и вѣра моя представляли очамъ Его пріятное зрѣлище. Будучи свидѣтелемъ всѣхъ моихъ дѣйствій [думала я], Богъ милосливо внимаетъ къalebнымъ пѣснямъ моимъ — сія мысль оживляла и восхищала сердце мое, и я не почиала уже себя совершенно уединенною. Кромѣ любезныхъ мнѣ людей, жалѣла я еще, такъ сказать, прошивъ моей воли только объ одномъ изъ того, чего лишало меня заключеніе мое — о свѣтѣ и видѣ неба. Я не понимала,

какимъ образомъ можно скучать въ самомъ жестокомъ заключеніи, буде есть хотя одно окно, въ которое можно видѣть небо и поля. Наконецъ я такъ привыкла къ моему состоянію, что не только не желала смерти, но часто чувствовала, что еще и спрашусь ее. Часто былъ у меня недостатокъ въ пищѣ. Герцогъ приносилъ мнѣ хлѣба иногда на три и на четыре дни: по чему догадывалась я, что онъ намѣренъ былъ куда нибудь отлучиться; а когда запасъ мой изходилъ, я беспокоилась. Жизнь гонимеля моего сопряжена была съ моею — и потому молилась я о продолженіи его жизни. Я не имѣла уже къ нему ни малой ненависти; да и можетъ ли быть такое адское чувство въ томъ сердцѣ, которое находитъ все свое утѣшеніе въ Религіи? Порочная любовь, злоба — все исчезло. Я жалѣла о Герцогѣ, представляя себѣ ужасное состояніе души его — его злобу, страхъ, угрызение совѣсти — и находила, что онъ весьма наказывался. При началѣ заключенія моего всегда ужасалась я, слышавъ его приходившаго. Мало помалу сіи жестокія движенія ослабѣвали, и я начала желать прихода его, не только для сохраненія моей жизни, но и для

для

для того, чтобы онъ перервалъ унылое и глубокое молчаніе моего уединенія. Приходъ его производилъ движеніе, шумъ, и доставлялъ мнѣ нѣкоторой родъ разсѣянія, которое хотя и не было для меня пріятно, однакожь сдѣлалось мнѣ весьма нужнымъ. Не могу изобразить, какъ живо было у меня сіе чудное желаніе слышать какой нибудь шумъ. Когда былъ сильной громъ, я слышала его. Не лзя описать, что я тогда чувствовала. Мнѣ казалось, что я уже не въ такомъ уединеніи. Сей величественной шумъ слушала я съ великимъ вниманіемъ и восхищеніемъ; и когда онъ совсѣмъ умолкалъ, чувствовала я въ себѣ нѣкоторое уныніе. Такъ провела я шесть или семь лѣтъ. Въ сіе время огорчалась иногда тѣмъ, что не знала ничего о матери и дочери моей. Напрасно черезъ окно спрашивала я о томъ Герцога — онъ мнѣ не отвѣчалъ ни слова, и вообще [послѣ того, какъ въ послѣдній разъ входилъ ко мнѣ и показывалъ письмо отъ моей матери] никогда не говорилъ со мною. Чтобы сносить сію жестокою неизвѣстность, имѣла я нужду во всемъ своемъ мужествѣ. Часно, когда молилась Богу о матери и дочери моей, сердце мое

мое пререпсало и слезы у меня по лицу лились. Увы! восклицала я: живы ли онъ? Я молюсь о ихъ благоденствіи, а можетъ бытъ ихъ уже нѣтъ въ здѣшнемъ мірѣ! . . . Въ другое время имѣла я такую въ разсужденіи сего надежду, что не чувствовала ни малато безпокойства, и въ семъ щасливомъ разположеніи духа еще льстилаь шѣмъ, что какое нибудь чрезвычайное приключеніе можетъ когда нибудь вывести меня изъ темницы. Сія мысль такъ сильно впечатлѣлась въ головѣ моей, и споль сильно занимала меня, а особливо въ послѣдній годъ моего заключенія, что я обѣщалаь Богу посвятитъ Ему всю жизнь мою въ какомъ нибудь уединеніи, еспли когда либо выду на свободу. Между шѣмъ приближалась я къ самой примѣчательнѣйшей эпохѣ жизни моей — къ минувшъ моего освобожденія — и скоро благость Божія щедро наградила меня за пререпснное мною во время девятилѣтняго моего заключенія. Съ нѣкошораго времени полагала я, что Герцогъ не оплучается изъ замка; пошому что всегда приносилъ онъ мнѣ пищу. Но однажды, когда уже оставалось у меня весьма немного хлѣба, ожидала я его съ великимъ нетерпѣ-

нѣ-

пѣніемъ; онъ не шелъ, и я, доѣвъ весь
остальной запасъ свой, довольно покойно
заснула. Проснувшись, напрасно ожида-
ла я, что Герцогъ принесетъ мнѣ пищу,
кошорая часъ отъ часу спановилась мнѣ
нужнѣе. Я должна была перпѣшь голодъ
и жажду, шакъ что и заснуть не могла.
Въ семъ положеніи была я около супокъ.
Тогда, чувствуя совершенное изнеможе-
ніе, почитала я себя умирающею и спо-
койно ожидала смерти.

КОНЕЦЪ XIV ЧАСТИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

XIV Части.

	Стран.
<i>Продолженіе.</i> • - - - -	3
<i>Пустынники въ Нормандіи.</i> - -	56
<i>Дафнисъ и Пандроза,</i> - -	85
<i>Исторія Герцогини Ч * * *.</i> - -	145
